

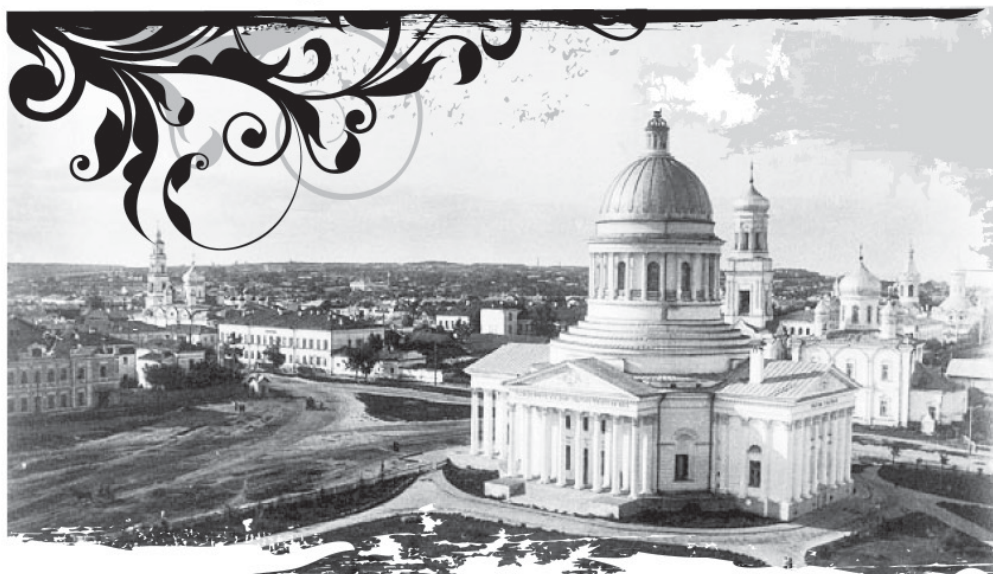

СИМБИРСКЪ

№7 (73)
ИЮЛЬ
2019

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89278036256

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.
Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 11.07.2019 г.
Дата выхода 18.07.2019 г.
Тираж 700 экз. Заказ №582

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

© Литературный журнал «СИМБИРСКЪ» №7 (73), 2019

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Валерия Толкачева, Ольга Абрамова.

На обложке: Никас Сафронов. Повторяющийся сон о музее
г. Ульяновска. х.м. 50х60. 2007

На обороте обложки: Никас Сафронов. Лето в Ундорах.
х.м. 70х60. 2017

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №7 (73), июль 2019

Содержание

Душа живёт по Божьему закону.....	3
Литературное наследие	
К 235-летию Д. Давыдова	
Софья Узбекова. Штрихи к прижизненным портретам Д. Давыдова	4-15
Юрий Козлов. Принял на себя звание мужа	16-26
Поэтический венок Денису Давыдову	27-31
Архив	
Антонина Лобкарева. Об Александре Титовском	32
Александр Титовский. Разгадка потерянной святыни. (Еще одно Гончаровское место в Ульяновске)	33-36
Страна поэзия	
Иван Сивопляс. Написано в Питере	37-38
Оксана Рябова. Звучащая над Волгой Лира.	39
Владимир Артамонов. Белый кораблик надежды	40-42
Елена Токарчук. Одуванчик солнца	43-45
Елена Шишкина. Кухня моих переводов	46-48
Двое	
Галина Анисимова. Точка невозврата. Стихи	49-51
С любовью ко всему родному	
Ольга Даранова. «Я хочу приехать в Ульяновск...» Книжный фестиваль «Красная площадь»	52-53
Юлия Узрютова «Я очень люблю свою малую родину...»	54-55
Никас Сафронов. Симбирские страницы	56 - 59
Давыдовым воспетые места	60-61
Светлана Матлина. Я к вам иду, цветы и травы.....	62-67
Владимир Львович. Городок на Волге. Путевые заметки	68-70
Всё живое	
Жан Миндубаев. Колесо превращений. Рассказ	71-73
Черемшан	
Инга Гаак. Звуки флейты.....	74-78
Александра Белова. Душа живёт по Божьему закону.....	79-80
Лукоморье	
Галина Заруднева. Мир удивительных зверюшек. Стихи для детей	81-82
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО. Новости культурной жизни.....	83
Юбилейный календарь на август 2019 года.....	84-96

Редакционная подписка – дешевле,
в том числе для юридических лиц.

Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40),

в г. Димитровграде:
ул. Юнг Северного флота, 20, каб. 310а
(тел. 8 (84235) 3-26-49)

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство УРАЛ-ПРЕСС Поволжье,
тел. 8 (8422) 41-01-41

*Рукописи принимаются только в электронном виде,
не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только с авторами, мате-
риалы которых приняты к публикации. За достоверность
фактов несет ответственность авторы публикаций.
Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.*

ДУША ЖИВЁТ ПО БОЖЬЕМУ ЗАКОНУ

Дорогие друзья!

Новый номер журнала выходит в преддверии юбилея поэта-партизана Дениса Давыдова, и раздел «Литературное наследие» посвящен замечательному герою Отечественной войны 1812 года.

Из письма Дениса Давыдова Николаю Языкову, от 11 сентября 1835 г.

«Смотрите же, чур не забыть меня после жизни моей; мало того, чтобы благодетельствовать мне в течение ее. Я уже некогда говорил о том Вяземскому, Пушкину и Баратынскому, говорю и вам о том же: напишите тогда общими силами некрологию мою и произведите в свет не пролетный листок для Воейковского «Инвалида», а что-нибудь такое, которое бы осталось надолго. Шутки в сторону и не в похвалу себе сказать, а я этого стою: не как воин и поэт исключительно, но как один из самых поэтических лиц русской армии...».

Читайте статью Софьи Узбековой «Штрихи к прижизненным портретам Д.В. Давыдова». Тему продолжает обстоятельный биографический очерк краеведа Юрия Козлова. Поэтический венок Денису Давыдову составлен из стихов-посвящений современных авторов.

Публикуем записки художника и краеведа Александра Титовского, где утверждается, что на карте города нужно обозначить еще одно гончаровское место. (Знаменитый писатель когда-то бывал в городской усадьбе Музалевских, речь идет о территории в районе бывшего кинотеатра «Рассвет», откуда открывается прекрасный вид на Волгу.) Публикацию предваряет вступительное слово Антонины Лобкарёвой.

В рубрике «Страна поэзия» читайте стихи ульяновских поэтов: лирическую подборку Ивана Сивопляса, стихи-песни Владимира Артамонова, подборку Елены Токарчук «Одуванчик солнца». Публикуем также «летние» стихи и рисунки Светланы Матлиной.

В областной библиотеке для слепых создали аудиосборник «Звучащая над Волгой Лира» (авторские записки стихов ульяновских поэтов). Об этом – заметки Оксаны Рябовой.

Гость номера – Никас Сафронов. Недавно известный художник, наш земляк, побывал в Ульяновске, передал в дар городу свои картины. Рассказы-

ваем об этом на страницах журнала.

В июне издания Ульяновской области были представлены на большом книжном фестивале «Красная площадь» в Москве. Подробности – в публикации Ольги Дарановой.

Лето – пора путешествий. Читайте путевые заметки Владимира Львовича.

О трудностях и радостях стихотворного перевода размышляет ульяновская поэтесса Елена Шикина.

В рубрике «Двое» публикуем подборку стихов Галины Анисимовой «Точка невозврата».

В разделе «Черемшан» представляем творчество димитровградских литераторов. Читайте стихи и сказки Инги Гаак.

«Закройте глаза и развернитесь к солнцу, впитайте его ласковое тепло и подумайте о том, что солнце одинаково светит всем – волшебникам и чудакам, творцам и лапландцам, муравьям и кринке на заборе...».

В июле отмечает юбилей член Союза писателей и член Союза журналистов России Александра Белова (Димитровград). Поздравляем нашего постоянного автора и публикуем подборку стихов «Душа живет по Божьему закону».

«Не огорчайся.

Новый денёк принесёт
радость. Увидишь!»

В рубрике «Лукоморье» – стихи для детей Галины Зарудневой.

О культурных мероприятиях и новых проектах программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» читайте на страницах журнала.

Завершает выпуск «Юбилейный календарь» на август 2019 года.

«Звучат, благоухают краски лета...». В стихах и прозе наши авторы стремятся передать свое мироощущение.

«На всём – живые блики света
И солнца алая печать.

Росинке даже хватит света,
Чтоб образ мира передать...».

(Светлана Матлина)

Елена КУВШИННИКОВА

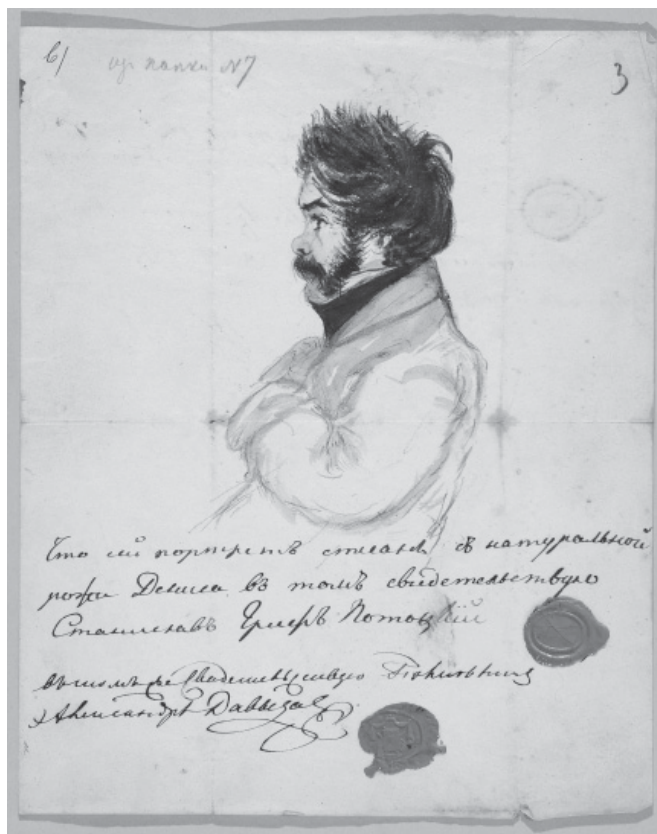
ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

Софья УЗБЕКОВА, зав. филиалом Ульяновского областного краеведческого музея – «Музей-заповедник Усадьба Д.В. Давыдова»

«СЕЙ ПОРТРЕТ СПИСАН С НАТУРАЛЬНОЙ РОЖИ ДЕНИСА...»

Штрихи к прижизненным портретам Д.В. Давыдова

Глядя на это карикатурное изображение с двумя красными сургучными печатями, нельзя без улыбки прочесть надпись: «Сей портрет списан с натуральной рожки Дениса, в том свидетельствую Станислав Потоцкий, с ним свидетельствую Похвиснев Александр, Д. Давыдов». Этот малоизвестный прижизненный портрет Дениса Давыдова, выполненный неизвестным автором с помощью карандаша, чернил и акварели, редко покидает своё обиталище в недрах Российского государственного архива древних актов. Это изображение, может быть, по причине простоты и обыденности вида героя вообще не печатается в книгах и журналах, однако, по мнению знатоков, лучше всех передаёт основные черты лица человека, которым интересовались и друзья и враги.

Д. Давыдов. Карикатура. Неизв. художник

Если начать с последних, то известно, что в 1812 году после взятия Смоленска французский генерал Луи Бараге-Дильера, будучи новым губернатором, получил циркуляр с указанием подробных примет дерзкого налетчика – вожака партизан Дениса Давыдова. Циркуляр этот кончался грозным приказом самого императора: «При задержании – расстрелять на месте». Французским войскам генерал отдал строжайший приказ: «Очистить от партизан все пространство между Вязьмой и Гжатью. А их начальника, подполковника Дениса Давыдова, живого или мертвого, доставить в Вязьму. На какие приметы Дениса Давыдова мог указать наполеоновский циркуляр? Без сомнения, на рост – природа этим его не наградила. «Малый рост препятствовал ему вступить в Кавалергардский полк без затруднений. Наконец привязали нашего недоросля к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты...» – писал Д. Давыдов позже в автобиографии¹. Следующие приметы – почти сросшиеся на переносице брови и «сократовский нос» – коротковатый и вздернутый. В 1803 году в стихотворении «Сон» девятнадцатилетний Давыдов даёт сатирическую характеристику не только петербургских нравов, но и внешности своих знакомых, не забывая о себе: «Б...на нос вершком короче стал, // И Дич красотой людей перепугал, // Да я, который сам, с начала своего века, // Носил с натяжкой названье человека, // Гляжуся, радуюсь, себя не узнаю: // Откуда красота, откуда рост – смотрю...». Кстати, это стихотворение вполне могло стать яблоком раздора между «Б» – Багратионом и поэтом-гусаром, не обладай полководец здоровым чувством юмора – пожалуй, не меньшим, чем Давыдов. В 1815 году этот забавный анекдот о Денисе Давыдове лицеист Пушкин записал в свой дневник. Возможно, такой вариант рассказа Александр Пушкин слышал от своего дяди Льва Пушкина или от других членов литературного кружка «Арзамас», так как первая встреча Д.В. Давыдова с А.С. Пушкиным состоялась только в декабре 1816 года. Спустя 20 лет Пушкин включил другой вариант этого анекдота в свой Table-talk (франц. «Застольные разговоры». – С.У.): «Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал: «Главкомандующий приказал доложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить». Багратион отвечал: «Неприятель у нас на носу? На чем? Если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успе­ем еще отобедать»².

Без сомнения, в циркуляре по поимке Давыдова должны фигурировать резко выступающий волевой подбородок и знаменитые гусарские усы. О его усах не ходили легенды – о них писал сам поэт, вспоминали его друзья-современники. Кажется, это единственное, чем поэт в своей внешности всегда был доволен. Ещё 1804 году, из-за «возмутительных стихов и басен» из блестящего столичного кавалергардского поручика превратившись в ротмистра захолустного армейского Белорусского гусарского полка, Давыдов в стихотворении «Бурцов» разгорячённо писал: «...Мой ус, краса природы, // Черно-бурый, в завитках...». И в «Призывании на пунш» молодой поэт так представляет Бурцову своё жилище: «...Вместо зеркала сияет // Ясной сабли полоса: //

Он по ней лишь поправляет // Два любезные уса...». Фёдор Глинка, осенью 1812 года приступив к сочинению стихотворения о Давыдове – партизане, отметил: «Усач. Умом, пером остер. Он как француз, // Но саблю французам страшен: // Он не даёт топтать врагам несжатых пашен. // И закрутив гусарский ус, // Вот потонул в густых лесах с отрядом – // И след простыл...» Может быть, именно усы Дениса Давыдова воспел и Александр Пушкин в своей философской оде «Ус»: «...За уши ус твой закрученный, // Вином и ромом окропленный, // Гордится юной красотой, // Не знает бритвы; выписною // Он вечно лоснится сурьюмою, // Расправлен гребнем и рукой...» Также не оставил без внимания эту роскошную особенность гусара поэт Василий Жуковский. В своём шутовском послании он писал Денису Давыдову: «Мой друг, усастый воин! // Вот рукопись твоя; // Промедлил, правда, я, // Но, право, я достоин, // Чтоб ты меня простил...». Сам Денис относился к своим усам бережно, даже трепетно. Усы его выдержали не одно испытание. Известно, что после участия в заграничном походе русской армии Давыдова сначала перевели в драгунскую дивизию, затем отправили служить в конно-егерскую дивизию. Но выяснилось, что егерям не полагалось носить усы. В черновых записях и автобиографических выписках самого Д.В. Давыдова читаем: «Вместе с тем он опасался, что будет переведен в Квартирмейстерскую часть, что сопряжено было с лишением усов и заменой сабли шпагою». И вот уж тут Денис Давыдов взбунтовался. «Ты смеешься, – писал он 5 мая 1819 года Закревскому, – но даю тебе честное слово, что ни минуты не останусь начальником штаба, если вздумают лишить сих образиков моего партизанства – особенно усов, которые я ношу с тех пор, как они пробиваться стали. К тому же сам Государь сказал мне, проезжая чрез Белицу (когда я только что был переведен из драгунской дивизии в легкую кавалерию): «Что? Усы при тебе остались?» Я ему отвечал: «Государь, я к ним привязан, как к чести». Он на это сказал: «Ну! Они при тебе навсегда останутся». Это может быть забыто, но я очень помню. Ради бога, любезный друг, спаси меня от посрамления! Довольно и того, что я сбрил бороду. Неужели же положено меня посвящать в кастраты и лишить вывески силы и мужества»³. Только после возвращения из Польши генерал-лейтенант Давыдов получил окончательную отставку и решил расстаться со своей «боевой гусарской вывеской». Жуковский в шутку попросил Давыдова прислать ему на память часть уса. Денис Давыдов охотно выполнил просьбу известного поэта, с которым его связывала дружба с юношеских лет. 25 ноября 1831 года, собираясь уезжать к семье в Верхнюю Мазу, он написал Жуковскому такое письмо: «Ты хотел иметь левый ус мой, как ближайший к сердцу; вот десятая часть оно­го, т.е. все то, что я мог собрать из-под губительных ножниц, лишивших меня этой боевой вывески. Посылаю тебе ее – она осребрилась восьмью войнами и еще пахнет порохом последней битвы в Польше; но посылаю не при стихах, как ты требовал, а при прозе, потому что я пишу стихами тогда только, когда бес поэзии во мне разыграется, чего теперь не случилось. Так как этот бас никогда в тебе не дремлет, то прошу меня за подарок отдарить хотя четверо-

стишем. Прости, друг старинный и почтеннейший; жаль, что не успел обнять тебя перед отъездом твоим! ...При сем приложены завернутые в бумажку волосы, с надписью на бумажке: Послужной список уса Давыдова»⁴. К столь оригинальному сувениру Денис Давыдов приложил свой послужной список, в котором официально подтверждается участие во многих боевых кампаниях, в том числе в походах 1812 – 1814 годов.

С наиболее полной портретной характеристикой Дениса Давыдова знакомят мемуары М.А. Дмитриева, поэта, критика, переводчика. Будучи племянником И.И. Дмитриева, он в 1815 – 1820 годы жил в доме

Д.В. Давыдов.
Рис. Г.Г. Чернецова

своего дяди, там и познакомился Д.В. Давыдовым. Оставил о партизанах такие воспоминания: «Д.В. Давыдов был не хорош собою; но умная, живая физиономия и блестящие выразительные глаза с первого раза привлекали внимание в его пользу. Голос он имел пискливый, нос необыкновенно мал; росту он был среднего, но сложен крепко и на коне был как прикован к седлу. Наконец, он был черноволос и с белым клоком на одной стороне лба. Одно известное лицо, от которого могла зависеть судьба его, но которым он почитал себя вправе быть недовольным, спросил его однажды: «Давыдов! От чего у тебя этот седой клочок?» – «C'est un bout de chagrine» (с фр. «это кусок печали»). – С.У.) – отвечал, не задумавшись, смелый Давыдов»⁵. Об этом «куске печали» сам Давыдов упоминает также в письме В.А. Жуковскому: «Мне Пушкин пишет, что ты в его журнал дал такие стихи, что мой белый локон станет дыбом от восторга...»⁶.

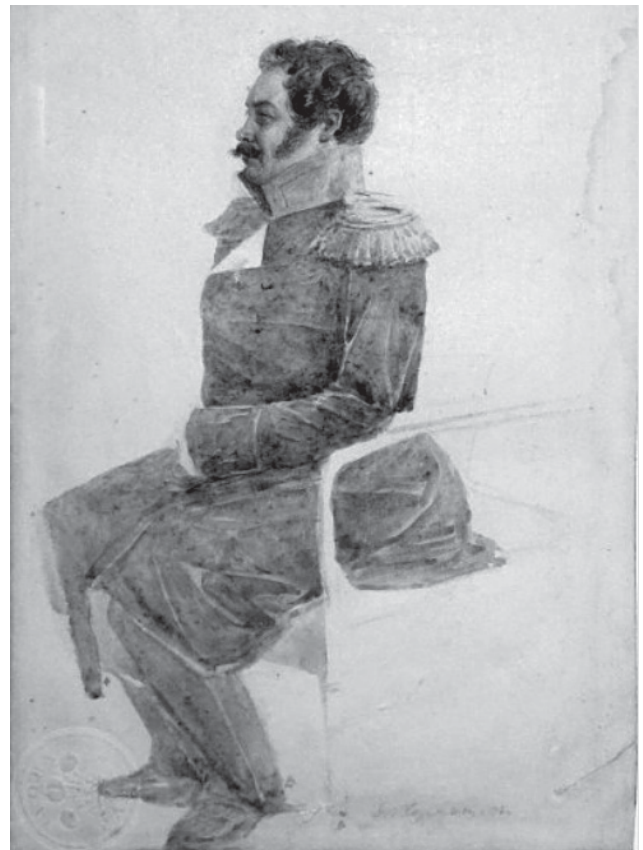
Портреты партизана Давыдова украшали скромные избы, стены богатых домов, красовались также в некоторых дамских альбомах, хотя Денис Давыдов, будучи невысокого мнения о собственной внешности, видимо, не сильно стремился увековечить свой облик. К настоящему времени известно лишь несколько фактов его позирования художникам. К примеру, в письме из Петербурга в Мазу жене Софье Николаевне 25 января 1836 года Денис Васильевич сообщает: «...Мы с (поэтом) Жуковским прошли весь Эрмитаж, смотрели картинную галерею и потом смотрели живописца Чернецкого (Чернецова Г.Г. – С.У.), который по приказанию императора пишет две картины двух парадов на Марсовом поле. Он просил меня поставить и мою фигуру в своей картине и потому, пока я сидел у Жуковского и

Д.В. Давыдов. Фрагмент картины Г.Г. Чернецова «Парад и молебствие по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Центральном лугоу в Петербурге»

слушал Гоголя, читавшего свою бесподобную и чудесную комедию «Ревизор», Чернецкой нарисовал мой портрет во весь рост». Портретом здесь Денис Васильевич называет карандашный рисунок с натуры, который художник Г.Г. Чернецов впоследствии в качестве одной из 223 портретных фигур включил в свою большую цветную картину «Парад и молебствие по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном лугоу в Петербурге». При рассмотрении фрагмента этого огромного полотна видим, что Денис Давыдов изображён в профиль, он как зритель стоит среди гражданских и отставных военных в первом ряду. Как и полагается генералу, он одет в тёмно-зелёный шитый мундир, на нём белые панталоны, на голове черная треугольная шляпа из фетра, на ней плюмаж из петушиных перьев. Слева на поясной портупее висит сабля в ножнах, можно разглядеть даже кольца для ремней, а нижний конец ножен слегка касается земли – как будто сабля тоже в отставке, и в душе «мир и спокойствие...».

Кстати, кисти Г.Г. Чернецова принадлежит ещё один акварельный портрет Д.В. Давыдова, где он

Д.В. Давыдов. Худ. Г.Г. Чернецов

изображён сидящим в кресле. По выражению лица, положению рук «слушателя» можно предположить, что при этой встрече в просторной квартире В.А. Жуковского на верхнем этаже Шепелевского дворца художник сделал не одну, а несколько зарисовок.

Также известно, что в один из воскресных дней того же 1836 года отставной генерал-лейтенант Денис Давыдов из Мазы написал своему соседу по Сызранскому уезду А.В. Бестужеву: «У меня Николай, живописец Ленивцева (помещик Сызранского уезда, бывший городничий Сызрани. – Прим. С.У.), чудесно написал портреты мои и Васиньки (Василия, старшего сына Дениса Васильевича. – Прим. С.У.), теперь пишет портрет жены, не знаю, как этот будет»⁷. К сожалению, судьба этих верхнемазинских картин до сих пор неизвестна. Вполне возможно, что в ходе национализации всего имущества Давыдовых они либо были вывезены из Верхней Мазы в уездный город Сызрань, либо уничтожены во время пожара в усадьбе в 1918 году.

В Российском государственном архиве древних актов совсем недавно выявлено письмо Д.В. Давыдова, написанное 20 марта 1837 года и адресованное Н.Д. Киселёву – «Николеньке», другу детства с московской улицы Пречистенки, теперешнему дипломату, который к этому времени входил в состав русской миссии в Париже. Разъясняя содержание своей просьбы, Денис Давыдов пишет ему (орфография и пунктуация сохранены): «Друзья и сослуживцы замучили меня требованиями у моего портрета в партизанском костюме 1812 года и я принужден был написать портрет этот. Живописцу удалось в сходстве. Теперь я хочу отлитографировать произведение в Париже. Сделай дружбу возьми на себя труд помочь мне в этом. Вот что надо: 1-х отдать этот портрет лучшему литографщику (я полагаю Marin Lavigne) и напечатать в литографии Lemercie (Жозеф Лемерсье – литограф-печатальщик, основатель известной парижской фирмы «Л. и К», существующей с 1828 г. – С.У.). 2-х вытеснить мне 400 экземпляров на хорошей велиновой бумаге (веленовая – от франц. *velin* – тонкая и гладкая писчая бумага, похожая на пергамент. – Прим. С.У.». Далее Денис Давыдов предлагает пути доставки литографии и оттисков, также отправки денег, «которые нужны для этого дела». Затем он просит внести корректировку в высылаемый портрет: «Мне кажется, живописец ошибся положи тени на снегу с правой стороны фигуры, она должна быть только с левой, так освещена картина. Если найдутся знающие это дело люди, то прикажи пожалуйста исправить эту ошибку литографщику или лучше сказать рисовальщику. Во всем прочем надо чтобы литографированный портрет точь в точь с посылаемым. Белый клоч на лбу свято сохранить и если можно, ярче означить»⁸. Можно предположить, что эта просьба была выполнена: гравюра и оттиски по рисунку Карла Гампельна были сделаны в Париже, а через двадцать с лишним лет именно этот портрет был выбран Василием Денисовичем Давыдовым, сыном партизана, для печати в трёхтомном издании сочинений отца в 1860 году.

До нашего времени дошло совсем немного прижизненных портретов Д.В. Давыдова. Листая третий том «Сборника о кавалергардах» и глядя на не-

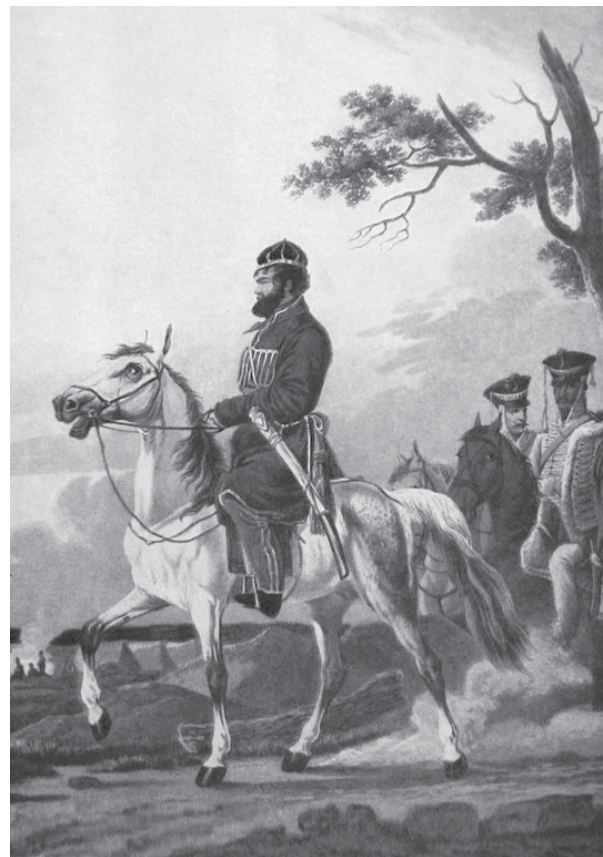
большой чернильный рисунок неизвестного автора, включённый в статью Н. Советова, почти никто не узнаёт здесь будущего героя, который 28 сентября 1801 года вступил эстандарт-юнкером в Кавалерградский полк и через три года уже будет изгнан в армейский гусарский полк⁹. Но сравнивая нос, разрез глаз на этом изображении и нескольких других портретах, можно уверенно сказать: да, этот серьёзный, даже чем-то озабоченный юноша с непослушными волосами, видимо, с помощью специальных масел усиленно приглаженными в висках, – наш Денис Давыдов.

Денис Давыдов кавалергард. Неизв. худ.

Через десять-двенадцать лет Денис Давыдов стал весьма узнаваемым и популярным: его портреты начали украшать скромные избы и богатые дома, красовались в дамских альбомах и печатались в книгах. Слава о Давыдове в период войны 1812 года вышла даже за пределы России. В 1814 году в Лондоне был издан лист с раскрашенной гравюрой «Д.В. Давыдов». Это первый прижизненный батальный портрет практически в полный рост. Двадцативосьмилетний Денис Васильевич здесь изображён

Через десять-двенадцать лет Денис Давыдов стал весьма узнаваемым и популярным: его портреты начали украшать скромные избы и богатые дома, красовались в дамских альбомах и печатались в книгах. Слава о Давыдове в период войны 1812 года вышла даже за пределы России. В 1814 году в Лондоне был издан лист с раскрашенной гравюрой «Д.В. Давыдов». Это первый прижизненный батальный портрет практически в полный рост. Двадцативосьмилетний Денис Васильевич здесь изображён

Д.В. Давыдов. Худ. А.О. Орловский

на белом в яблоках коне. Вдали у опушки леса горят бивачные огни, белеют верхушки палаток. За Давыдовым едут гусары Ахтырского полка, в который он по собственному рапорту был переведен незадолго до начала войны 1812 года – уже после участия в действительных кровопролитных сражениях в Пруссии, Финляндии, Швеции и Турции в 1807 – 1810 годах. Подпись к гравюре в переводе на русский язык звучит так: «Полковник Давыдов, прозванный черным капитаном, полковник русских ахтырских гусар. Первый офицер, который был отряжен как партизан в кампании 1812 года. Он навел ужас на общего врага по всей линии французской коммуникации под именем черного капитана. Владелец деревни Бородино, где разыгралось известное сражение. Также выдающийся поэт». Работа была исполнена английским гравёром Мэтью Дюбургом по оригиналу известного рисовальщика Александра Осиповича Орловского. Орловский как талантливый, бойкий, но нестрогий рисовальщик, умевший схватывать характерные черты изображаемых лиц и фигур и придавать им движение, упоминается и в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»: «Бери свой быстрый карандаш, // Рисуй, Орловский, ночь и сечь!» Здесь Денис Васильевич Давыдов изображен с круглой черной бородой, в чекмене с газырями (чекмень – верхняя суконная мужская одежда в переходной форме между халатом и кафтаном; газырь – ружейный заряд, состоявший из отмеренного порохового заряда или бумажного патрона и пули, носились в сумке-газырнице или крепились в один ряд в нагрудных кармашках). На боку висит казачья шашка вместо полагавшейся по уставу сабли. Таким в войну 1812 года «противу французов в Российских пределах» видели Дениса Давыдова на Смоленской дороге, «в окрестностях Вязьмы, Дорогобужа и Гжатска», когда «со 2 сентября по 18 октября командовал партией наездников»¹⁰. В действительности Д. Давыдов носил подобный костюм. Вот что он пишет о своем визите к М.И. Кутузову 1 декабря: «Когда я вошел в залу, одежда моя обратила на меня все взоры. Среди облитых златом генералов, красиво убранных офицеров и граждан литовских я явился в черном чекмене, в красных шароварах, с круглою курчавою бородою и черкесскою шашкою на бедре. Поляки шепотом спрашивали: «кто такой?» Некоторые из них отвечали: «Партизан Давыдов»; но самолюбие мое услышало несколько прилагательных, от коих нахлынула на меня толпа любопытных»¹¹. Известно, что гусарские полки действовали не только в русской армии, они были во всех европейских станах, гусары из завоеванных французами стран были и в составе наполеоновской армии. Разобраться в их принадлежности к своим или вражеским было непросто. И крестьяне неоднократно нападали на русских гусар, считая их французами, так как путали одежду. Об этом Д. Давыдов так пишет в своём «Дневнике партизанских действий 1812 года»: «Сколько раз я спрашивал жителей по заключении между нами мира: «Отчего вы полагали нас французами?» Каждый раз отвечали они мне: «Да вишь, родимый (показывая на гусарский мой ментик), это, бают, на их одежду схожо». – «Да разве я не русским языком говорю?» – «Да ведь у них всякого сбора люди!»¹². Для простых людей и

был придуман Давыдовым весь комплекс костюма, включая и восточную шашку. В действительности в годы антинаполеоновских войн мода на казачий чекмень только начинала входить в жизнь военных, поэтому Орловскому некоторые детали пришлось дорисовывать по своему усмотрению. На голову Давыдова художник водрузил ермолку, но слишком высокую и остроконечную, и в целом получился условно казачий костюм. А такую хорошо знакомую деталь униформы, как офицерский шарф, рисовальщик сохранил: кисти сетчатого плетёного шарфа, повязанного на пояс, свисают на круп коня. Костюм Давыдова отличается от формы изображенных справа гусар. Ахтырские гусары в полковых мундирах со шнурами и пуговицами. Крайний гусар точно рядовой: его коричневый ментик (утеплённая короткая гусарская куртка, отороченная мехом) отделан белым мехом. На голове подчиненных Давыдова кивера (гусарский головной убор из кожи, обтянутой сукном, впервые введен для гусарских полков в 1803 г.). У гусара справа отчетливо вырисовываются такие детали кивера, как репеек (верхний овальный деревянный знак, обтянутый сукном), кутас (плетёный шнур, пристегивающийся к пуговицам по бокам кивера), этишкет (двойной шнур с кистями: левый – короткий, правый – длинный). Ахтырцы напоминают строки из «Песни старого гусара», написанной Давыдовым через пять лет после этой войны: «Кивер зверски набекрень, // Ментик с вихрями играет...». Художник Орловский писал портрет самого полковника Давыдова, по всей видимости, в ходе военных действий на территории России. Но и во время заграничного похода в составе русской армии, точнее до весны 1813 года, Давыдов также позволял себе «партизанские вольности». Так описывает он свою внешность перед вступлением в Дрезден: «Я тогда носил курчавую, черную, как крыло ворона, и окладистую бороду; одежда моя состояла в черном чекмене, красных шароварах и в красной шапке с черным околышем; я имел на бедре черкесскую шашку и ордена на шее: Владимира, Анну, алмазами украшенную, и прусский «За достоинство», в петлице – Георгия»¹⁵. Глядя на изображение решительного всадника, скачущего вперёд на резвом коне, вспоминаешь давыдовские строчки из стихотворения «Графу П.А. Строганову»: «...На ухарском коне, как вихрь перед громами», «...В чекмене легоньком, среди мечей разящих», «...Я тем же пламенем, как Чингисхан, горю; // Как пращур мой Батый, готов на бранну прю». Это произведение образительного искусства, созданное в период военных действий 1812 – 1814 годов, в настоящее время хранится в фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге.

В Государственном музее А.С. Пушкина в Москве находится подлинный лубок с надписью «Храбрый партизан Денис Васильич Давыдов, 1812». Он напечатан на обороте листа для регистрации церковных прошений – получается, какую бумагу нашли во время войны, ту и использовали. Здесь Давыдов представлен с саблей в руке, гарцующим на вставшем на дыбы скакуне. На голове островерхая шапка, похожая на казачью папаху. Лубочный живописец одел его в мундир с пышными генеральскими эполетами, хотя в 1812 году партизанский

вожак имел лишь чин полковника. На заднем плане этой лубочной картины изображён пожар у зубчатых стен Кремля. В действительности, как пишет сам Денис Давыдов в «Дневнике партизанских действий 1812 года, о сдаче Москвы он узнал 9 сентября (по старому стилю), когда со своим партизанским отрядом уже вовсю действовал в тылу врага. Лубочный мастер украсил его грудь орденами, которых в 1812 году у него ещё не было. Через плечо перекинута голубая лента, которую носили только кавалеры ордена Андрея Первозванного, а Давыдов им вообще никогда не награждался. Для народа храбрый партизан был героем, а герой достоин самых высших наград.

Имя партизана Дениса Давыдова, который со своим отрядом со «2 сентября по 18 октября... взял в плен 3560 человек нижних чинов, 43 Штаб и обер офицеров и много транспортов, снарядов и продовольствия», стало известно не только в России, но и за её границами¹⁴. Художник Денис Дайтон, создавая серию портретов русских деятелей 1812 года, наряду с портретами императора Александра I и М.И. Платова, которых он видел воочию в Англии, в 1814 году нарисовал, затем собственноручно гравировал и портрет Д.В. Давыдова, который в этой стране никогда не был. Сам Денис Васильевич в одном из писем А.С. Пушкину сообщал: «Мне писал племянник мой, Владимир Петрович Давыдов, который учится в Эдинбурге, что он часто видится с Валтером Скоттом и часто бывает у него в деревне. Что Валтер Скотт долго его обо мне расспрашивал и показывал ему портрет мой, находящийся у него в кабинете»¹⁵. Примечательно, что после этого события между Денисом и английским классиком завязалась переписка. На гравюре Дайтона Денис Давыдов изображен в облике воина-богатыря в широких штанах, с черной бородой и шапкой кудрявых волос, увенчанный головным убором наподобие шотландского берета. На плечи поверх мундира, очевидно, казачьего, по замыслу художника, накинута медвежья шкура, застегнутая широкой пряжкой у ворота. Вместо пояса – шарф с бахромой до колен. В руках у русского богатыря сабля, эфес и длина клинка которой весьма отличаются от гусарского оружия. Дайтоновская сабля висит на ремне и поддержи-

Лубок.

Храбрый партизан Денис Васильич Давыдов

Д.В. Давыдов. Пунктир А. Афанасьева по рис. В.П. Лангера

вается рукой, как ружьё. В этом представлении европейского человека Денис Давыдов – настоящий русский медведь, стоящий на охране своих родовых владений. Скорее всего, Денис Дайтон был уже знаком с гравюрой Мэтью Дюбурга, созданного по оригиналу Александра Орловского и изданного в Англии в том же году. И меланхолическое лицо героя, его рост, детали варварского костюма и оружия выдают попытку собственного осмысления английским художником роли Дениса Давыдова в российской военной истории. В настоящее время эта гравюра находится в фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина.

Одними из самых известных и узнаваемых являются гравюры, которые хранятся в фондах Государственного музея искусства имени А.С. Пушкина в Москве и Государственного Бородинского военно-исторического музея. Под оттиском слева напечатано: «П. Лангеръ», справа: «К. афанасьевъ», в центре в

несколько строк: «Храбрый Партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ Ахтырского Гусарского Полку Полковникъ, въ достопамятъ; войну противъ французовъ первый предложилъ Действительному Партизановъ, явился въ тылъ непріятеля и истреблялъ Отряды его, и многократно отличался Партизанскими делами». Валериан Лангер был выпускником Царско-сельского лицея 1820 года, в том же году состоялось его знакомство с уже известным партизаном – поэтом Денисом Давыдовым. Тогда же художник-любитель решил запечатлеть образ своего кумира на бумаге. Лангер постарался воссоздать облик Давыдова-партизана: под большими глазами круги и тень усталости; давно не видевшие цирюльника густые волосы крупными кудрями падают на высокий лоб; темные густые усы и вьющаяся короткая борода обрамляют озабоченное лицо. Внимательный, буравящий взгляд его всё еще устремлён на «отдалённые ловитвы», слух внимает каждому шороху, герой и в эту минуту будто продолжает в мыслях «безмолвно рыскать» по «долине битвы». Денис Васильевич Давыдов здесь изображен в

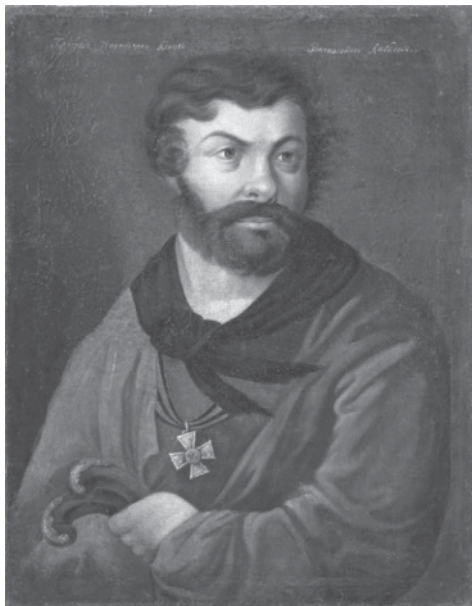
каком-то подобии плаща поверх темной мужицкой рубахи без воротника, с жестким и коротким шарфом на шее и с пистолетами в руке. Вглядываясь в этот портрет, вспоминаешь отрывок из «Дневника партизанских действий», где Денис Давыдов пишет

о своём партизанском привале в одной из деревень и явлении к главнокомандующему Кутузову по его требованию: «Я, пользуясь ласковым его приемом, просил извинения в том, что осмелился предстать пред ним в мужицкой моей одежде. Он отвечал мне: «В народной войне это необходимо, действуй, как ты действуешь: головою и сердцем; мне нужды нет, что одна покрыта шапкой, а не кивером, а другое бьется под армяком, а не под мундиром. Всему есть время, и ты будешь в башмаках на придворных балах»¹⁶. На этой картине художник изобразил Давыдова со знаком ордена – покрытым белой эмалью золотым крестом с изображением Святого Георгия на коне в центральном круге. Орден висит на ленте. Согласно утверждённым правилам, вообще на шейной ленте можно было носить орден Св. Георгия 2-й и 3-й степеней. А в соответствии с «Формулярным списком о службе и достоинстве состоящего по Кавалерии Генерал-Лейтенанта Давыдова 2-го» за отличие в боевых действиях 1812 года Д.В. Давыдов награждён орденом Св. Георгия 4 класса. Стоит заметить, что Денис Давыдов за весь период военной службы орденами Святого Георгия других степеней не награждался. И этот золотой малый крест, дающий также право на 100 руб. ежегодной пенсии, по правилам носится в желто-чёрной петлице или на колодке. На данном портрете орден висит свободно на длинной ленте. И в действительности у Д.В. Давыдова была ещё награда за военную кампанию 1812 года – орден Св. Владимира 3-й степени, который можно было носить на шее на трехполосной «красно-чёрной ленте в один вершок». Правда, за другие военные кампании он был также награждён орденами 2-й и 4-й степеней, но их золотые кресты тоже были покрыты не белой, а ярко-красной эмалью¹⁷. Лангер, живший в этот «век бурный, дивный век», не мог не знать о правилах ношения знака ордена Святого Георгия. И можно предположить, что преднамеренно «нарушил» их, чтоб подчеркнуть независимый партизанский характер своего героя, и против этого художественного вымысла, видимо, не возражал и сам Денис Давыдов. Данный портрет был гравирован пунктиром Афанасием Афанасьевым, который принадлежал к школе «Крепостных гравёров» известного московского типографа и собирателя П.И. Бекетова, гравировавших пунктиром доски для предпринятого их хозяином издания портретов знаменитых россиян¹⁸. Раскрашенный

отпечаток гравюры можно увидеть в Государственном Русском музее.

В филиале Государственного исторического музея «Музей Отечественной войны 1812 года» в Москве экспонируется реплика этого портрета, выполненного в другой технике: маслом на холсте. Наверху читается надпись: «Храбрый партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ». В каталоге рядом с идентификационным номером дается полное название картины: «Давыдов Денис Васильевич (1784 – 1839), генерал-лейтенант (1831), поэт. Участник наполеоновских войн. В 1812 году командир партизанского отряда. В.П. Лангер по гравюре А. Афанасьева». Получается, что сначала Валериан Лангер нарисовал портрет Дениса Давыдова с натуры на бумаге, потом Афанасий Афанасьев гравировал его, затем Лангер с этой гравюры выполнил ещё один портрет – в этот раз на холсте маслом. Вопреки правилам, тот же знак ордена Св. Георгия 4-й степени висит на пятиполосной желто-чёрной ленте. Здесь внешний облик партизана почти такой же, как описал его сам в «Дневнике партизанских действий 1812 года»: «Я на опыте узнал, что в Народной войне должно не только говорить языком черни, но приравниваться к ней и в обычаях, и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду...»¹⁹. Обращая свой взор на лицо Давыдова, понимаем, что перед нами не только храбрый воин, но и умный, глубоко чувствующий и страстный человек.

В Мемориальной квартире А.С. Пушкина на Арбате рядом с портретами участников «мальчишника» висит небольшой акварельный рисунок, где Денис Давыдов изображен в романтическом плаще, закинута на плечи поверх военного мундира. Поворот головы, стоячий воротник с генеральским шитьём в виде дубовых ветвей, приподнятые эполеты с густой бахромой из жгута – всё это подчеркивает постоянную готовность на «прю»: сражение и борьбу, спор и прения. В то же время в его широко раскрытых глазах и задумчиво-проницательном взгляде, устремлённом вдаль, угадывается какое-то мгновение поэтического творчества. Художник на своём полотне в одном лице изобразил не только бравого вояку, но и поэтического мечтателя. Поясной портрет дан на фоне феерических золотисто-серебристых красок, они тоже как бы вторят мыслям поэта: «Нет поэзии в безмятежной и блаженной жизни! Надо, чтобы что-нибудь ворочало душу и

Храбрый партизан Денис Васильевич Давыдов

Д.В. Давыдов – поэт. Худ. В.П. Лангер, 1819

жгло воображение...». В музее-квартире А.С. Пушкина на Арбате мы видим реплику (авторскую копию) этого портрета, которая отличается размером и отдельными деталями изображения. Считается, что автором тоже был Лангер. Этот человек вполне сумел проявить свой художественный талант, хотя многие годы состоял на службе цензором в цензурном комитете Санкт-Петербурга. Ему же принадлежит портрет С.Н. Глинки, карандашный портрет А.А. Дельвига, кроме этого, В.П. Лангер известен как автор серии литографированных альбомов с видами Царского Села²⁰.

Этот самый известный портрет героя Отечественной войны 1812 года Д.В. Давыдова хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге.

Д.В. Давыдов. Художник Д. Доу. Военная галерея Зимнего дворца. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

Известно, что для Военной галереи английский художник Джордж Доу за десять лет работы (1819 – 1829 гг.) и его русские ученики Вильгельм (Василий) Голик и Александр Поляков создали 329 погрудных портретов генералов – участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813 – 1814 гг., большие портреты Михаила Кутузова и Михаила Барклая-де-Толли, несколько портретов солдат-ветеранов. В 1822 году Давыдову сообщили, что по воле императора он должен позировать живописцу Доу, который создаст его портрет для Военной галереи Зимнего дворца. В это время Д. Давыдов, недовольный службой начальником штаба при пехотном корпусе, а не в кавалерии, по собственному рапорту об отпуске «за границу» был освобожден от всех должностей и назначен «состоять по кавалерии», то есть находиться в резерве. Он занимался военными мемуарами и другими своими делами и, сославшись на болезнь, в Петербург неделями позировать Доу и его помощникам не поехал. Послал художнику копию со своего портрета, сделанного Лангером. В мастерской Доу создали собственную

версию. Блестящие выразительные глаза, «сократовский» нос со вздёрнутым кончиком, тронутые сединой черные кудри, знаменитые пышные усы, красивые кудрявые бакенбарды в пол-лица – портретное сходство очевидно. Здесь Денис Васильевич Давыдов изображен на фоне небес, где клубятся облака, грозно сияют тучи, краски сменяют друг друга, словно солнце борется с надвигающейся бурей. На Давыдове застегнутый на позолоченные пуговицы офицерский ментик Ахтырского гусарского полка, подбитый блестящей черной мерлушкой (обработанной шкуркой ягнёнка). На груди героя крест ордена Св. Георгия 4-й степени и серебряная медаль «1812 год» на голубой андреевской ленте – главные награды за роковой год, для которого, по собственному признанию, и был рождён. Вероятно, и Д. Доу с помощниками тогда тоже было неважно, что генерал-майор Давыдов за участие в военных кампаниях 1807 – 1812 годов был награждён также орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 3-й степени. Ордена, ленты, аксельбанты (наплечные плетеные нитяные шнуры с наконечниками из металла), бранденбуры (двойные петли из позумента, т.е. золотой тесьмы, и, соответственно, двойные пуговицы) – всё это выписано художниками со всей возможной тщательностью. Шинель, наброшенная на одно плечо, по цвету вторит небесам, она тоже сине-голубая и золотисто-оранжевая.

В 1845 – 1849 годы живописец И.А. Клюквин и литограф И. Песоцкий исполнили по данному оригиналу Д. Доу портрет Д.В. Давыдова для 6-томного издания «Военная галерея 1812 года». Оригиналы этой работы хранятся в Государственном русском музее в Санкт-Петербурге и музее-панораме «Бородинская битва» в Москве.

На этом портрете Денис Давыдов изображен в костюме, который не имеет ничего общего с мундиром офицера. Это легко объяснить: не только в партизанском отряде, но и через четырнадцать лет после событий 1812 года он носил свободную от ус-

Д.В. Давыдов. Литография по копии К. Гампельна

ловностей одежду, так как был «назначен в Кавказский Отдельный Корпус временным Начальником войск на границе Эриванской во время войны с Персией, находился в сём корпусе до увольнения 25 Ноября 1826 года в отпуск, из которого дозволено ему возвратиться в Россию»²¹. На этой литографии по копии Карла Гампельна Д.В. Давыдов изображён в казачьем чекмене с газырями. На левой стороне груди белый крест ордена Св. Георгия 4-й степени, которым так дорожил партизан-герой. В правой руке тонкая курительная трубка, рядом шапочка с круговым мерлушчатым околышем. На крупных кудрях чётко выделен воспетый Н.М. Языковым и другими поэтами белый локон волос. Именно о более чётком выделении этой особенности шевелюры в заказываемой в Париже литографии Денис Васильевич просил Н.Д. Кисёлова²². Сейчас оригинал этой работы живописцев можно увидеть во Всероссийском музее А.С. Пушкина.

Д.В. Давыдов. Литография К. Гампельна

В фондах Государственного Эрмитажа находят-ся два прижизненных портрета Дениса Васильевича Давыдова, один из них акварельный, другой – литографированный. Здесь Денис Давыдов изображен сидящим в кресле за письменным столом. Генеральский мундир по-домашнему распахнут, на груди орден Св. Георгия в петлице, в правой руке держит тонкую длинную курительную трубку с мундштуком, левая рука лежит на сабле с декорированной рукоятью и свисающим с эфеса темляком из серебристых нитей. Нога закинута на ногу, взгляд как бы уходит в далёкие воспоминания. Поза мирного героя несколько эффектна, но в ней нет манерности. Он не перестал быть самим собой: уверен в себе, чувствует себя непринуждённо в окружении книг, рукописей, военных карт и оружия. Художник изобразил на своём полотне отважного воина, писателя-мемуариста, поэтического мечтателя в одном лице. Литография выполнена глухонемым художником Карлом Гампельном. Он родился в Москве, однако в детстве вынужден был переехать в Вену,

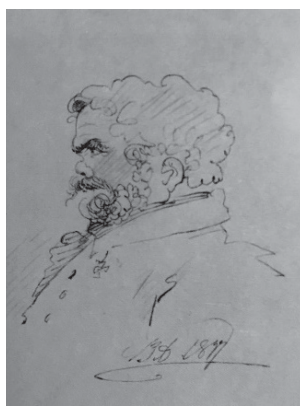
чтобы стать воспитанником Венской Академии художеств. Во время Венского конгресса 1815 года он был представлен императору Александру I, который оплатил дальнейшее обучение Гампельна. В 1817 году по возвращении в Россию под покровительством императрицы Марии Федоровны он был принят в Училище глухонемых, где работал учителем рисования и гравирования. Важную роль в судьбе художника сыграл А.Н. Оленин, действительный статский советник, писатель, президент Академии художеств, искусный медальер (художник, изготавливающий формы для монет и медалей). Гампельн поселился в его доме, где мог встречаться с крупнейшими представителями литературы, изобразительного искусства, театра. Известно, что в доме Олениных бывал и Денис Васильевич Давыдов. Портрет нарисован около 1825 года, и, вероятнее всего, был написан художником после встречи с поэтом-партизаном в этом доме на Фонтанке.

Во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге можно увидеть портрет Давыдова, выполненный на бумаге акварелью предположительно тоже Карлом Гампельном. В 1833 году сосланный в Сибирь декабрист Вильгельм Кюхельбекер в своём романе в стихах «Сирота» вспоминал об этой картине: «...Кто наш герой? Софа, в углу комод, а над софой // Не ты ль гордишься рамкой золотою, // Не ты ль летишь на ухарском коне, // В косматой бурке, в боевом огне, // Летишь и сыплешь на врагов перуны, // Поэт-наездник, ты, кому и струны // Волшебные и меткий гром войны // Равно любезны и равно даны?... // ...Над полкой с книгами против портретов // Кинжал и шашка с парой пистолетов;... // Кто спорит? Я догадке вашей рад: // Да! Он в наряде стройном и красивом // Еще недавно на коне ретивом // Пред грозным взводом храбрых усачей // Скакал, но, видно, суженой своей // Не обскакал: в отставке...». На этой картине Денис Давыдов как бы отвечает ему: «Я не поэт, я партизан, казак; // Я иногда бывал на Пинде, но наскоком, // И беззаботно, кое-как // Раскидывал перед Кастальским током // Мой независимый бивак» (в древнегреческой культуре горы Пинд считались местом пребывания Аполлона и муз, были символом поэтического искусства).

В фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина хранится ещё один портрет «Д.В. Давыдов. Партизан 1812 года. Неизв. художник с рисунка К. Гампельна. 1820-е гг. Бумага, литография». По сообщению С.А. Блохина, на обороте паспарту имеется помета чернилами: «Остафьево №3». В левом нижнем углу красный сургучный отпечаток родовой гербовой печати князей Вяземских. Известно, что после смерти Д.В. Давыдова его вдова С.Н. Давыдова передала весь верхнемазинский архив мужа П.А. Вяземскому. Только через некоторое время он вернул его старшему сыну Давыдовых Василию Денисовичу. Возможно, как и часть переписки Дениса Васильевича с друзьями, эта литография тогда осталась в имении князей Вяземских. Ещё два почти таких же литографированных портрета Д.В. Давыдова в интерьере можно увидеть в музее-заповеднике «Мураново» – бывшей усадьбе Энгельгардтов, связанных родственными корнями с женой Давыдова Софьей Николаевной.

Живой образ Дениса Давыдова сохранился также в альбомах его современников.

Василий Апраксин изобразил Дениса Давыдова в партикулярном платье. Пути-дороги Давыдова и Апраксина не раз пересекались в ходе их участия в антинаполеоновских войнах на территории России и за её границами, также в послевоенной жизни в Москве и Петербурге. Полковник Апраксин не относился к числу образованных людей, но обладал живым умом и многими природными талантами. Он был блестящим альбомным рисовальщиком: ему ничего не стоило карандашом гротескно передать любой образ с поразительно точной характеристикой. В погрудном шарже профиль Д.В. Давыдова очерчен неровной линией, изображение затылка и спины упрощены. Зато внимательно проработано лицо, поэтому изображение даже без надписи легко узнаваемое, хотя здесь гусар-партизан представлен в каком-то безликом штатском платье, на нём четко выведены только рукав, отворот воротника и шейный платок. Рядом с монограммой Апраксина стоит дата создания: 1817. В действительности в 1815 году Давыдову был присвоен чин генерал-майора, а в следующем из Главного штаба приказали ему снять генеральский мундир: якобы вышла ошибка в присвоении чина. Тогда возмущенный Давыдов, натянув сюртук, примчался к своему приятелю, поэту П.А. Вяземскому. Вчерашний генерал кричал: «Штабные недоноски, низкопоклонники, трусы, в угоду плешивому идолу лишают меня доброго имени!»²³. Вяземский утешал друга как мог и вскоре написал: «Пусть генеральских эполетов // Не вижу на плечах твоих, // От коих часто поневоле // Вздымаются плеча других... // ...На барскую ты половину // Ходить с поклоном не любил, // И скромную свою судьбину // Ты благородством озлатил; // Врагам был грозен не по чину, // Другьям ты не по чину мил...» Характеризуя образ послевоенной жизни, в том же году Д. Давыдов написал в своей «Элегии IX»: «В уединении спокойный домосед // И мирный семьянин, не постыжусь порою // Поднять смиренный плуг солдатскою рукою // Иль, поселян в кругу, в день летний, золотой // Взмахнуть среди лугов железною косой... // ...Я часто говорю, печальный, сам с собою: О, сбудется ль когда мечтаемое

Д.В. Давыдов.
Шарж В.И. Апраксина

Д.В. Давыдов. Карикатура. Неизвестный художник

мною? Иль я определен в мятежной жизни сей // Не слышать отзыва нигде душе моей...». Но и в штатском платье Давыдов для многих современников оставался героем.

Один из прижизненных карикатурных портретов Д.В. Давыдова впервые увидел свет в 2017 году на выставке частных коллекций в Государственном музее А.С. Пушкина. Здесь Денис Давыдов совсем не похож на себя прежнего: лицо в красных пятнах, каре-зелёные глаза горят жгучим огнём, усы и волосы растрёпаны, губы крепко сомкнуты. На голове красная шапка, напоминающая ермолку, на плечах небрежная меховая накидка. Этот шарж на недозволенного и даже разъярённого поэта-партизана сохранился в альбоме известной светской красавицы Аннет Козловой, относится к началу 1820-х годов, в настоящее время находится в собрании коллекционеров Татьяны Алексеевой и Анатолия Гостева. Живая интерпретация придаёт этим альбомным карикатурным зарисовкам невыразимое очарование.

Рис. А.С. Пушкина

А этот рисунок сохранился в лицейской тетради Александра Пушкина. В энергичном, характерном мужском профиле угадываются черты знаменитого гусара-поэта Дениса Давыдова. Увлечение Пушкина его поэзией началось задолго до того, как впервые он увидел партизана на заседании литературного кружка, куда лицеист пришел в декабре 1816 года с дядей В.Л. Пушкиным. Восхищённый поэтикой Отечественной войны 1812 года, молодой Пушкин подружился с офицерами лейб-гвардии Гусарского полка и едва не стал гусаром. От военной службы Пушкина удержала лишь воля отца, категорически настроенного против военной карьеры. О начале настоящей дружбы с Давыдовым в 1819 году свидетельствует тот факт, что в это время среди рукописей найден набросок стихов о Давыдове: «Красноречивый забияка, // Повеса,

пламенный поэт...» – и через два листа его портрет²⁴. Рядом с профилем Давыдова нарисованы сабля и какие-то покосившиеся кресты. Возможно, воображению лицеиста Пушкина представились славные партизанские действия, безмянные могилы защитников России и французских завоевателей.

На черновике поэмы «Руслан и Людмила» есть ещё один пушкинский рисунок 1819 года. По атрибуции исследователей, на нём изображены два партизана – Денис Давыдов и Александр Сеславин²⁵. Как профиль Дениса Давыдова атрибутирован также один из портретов, сделанный в рукописи «Евгения Онегина» в январе 1825 или октябре – ноябре 1826 года²⁶. На этой странице о путешествии Онегина наверху листа сначала изображены заточённые к этому времени в Петропавловскую крепость и впоследствии казнённые декабристы Кондратий Рылеев, Павел Пестель и Сергей Муравьев-Апостол. В этой же компании рядом с ними, то есть левее и ниже, – Денис Давыдов, справа внизу (последний) – Петр Вяземский, который в 1826 году напишет в своей записной книжке: «По совести нахожу, что казни и наказания несоразмерны преступлениям, из коих большая часть состояла только в одном умысле»²⁷.

С набросками портрета Дениса Давыдова в рукописях Александра Пушкина, особенно с первым и вторым, сходствует гравированный портрет, который предположительно тоже был выполнен пунктиром Афанасием Афанасьевым с оригинала Валериана Лангера. Кстати, у генерал-майора Д.В. Давыдова здесь орден Св. Георгия 4-й степени в петлице – по правилам – и тот же характерный профиль с нависающим лбом, седловидным носом и выпуклым подбородком.

Те же пышные усы и кудрявую шевелюру с упрямым завитком на лбу, тот же внимательный и искрометный взгляд из-под почти сросшихся бровей узнаем мы ещё на одной гравюре, которая выполнена на стали с оригинала неизвестного художника. На этом изображении Давыдов почти в анфас, «при всём параде»: на эполетах по три звезды, на груди орденские звезды и знаки, также медали. «Генерал-Лейтенант Денис Васильевич сын Давыдов 2-й Кавалер орденов Св. Георгия 4 класса, Св. Владимира 2-й, 3-й и 4-й степеней, последний с бантом, Св. Анны 1 и 2 степеней, последний алмазами украшенный,

Рис. А. С. Пушкина

Д.В. Давыдов.
Пунктир А. Афанасьева
с оригинала В. Лангера

имеет золотую саблю с надписью «за храбрость», Прейсш-Эйлауский золотой крест («За победу при Прейсш-Эйлау». – Прим. С.У.), прусский орден за достоинство (Pour le Mérite, с фр. – «За заслуги». – Прим. С.У.), медали: за 812-й год («В память Отечественной войны 1812 года». – Прим. С.У.), за взятие Парижа, за Персидскую войну и Польский знак отличия за военное достоинство 2-й степени». «Аттестовался всегда достойным», «Отчёты, какие имел по должности, всегда представлял в срок», «Слабым в отправлении обязанностей службы не замечен, беспорядков и неисправностей между подчинёнными не допускал», «В неприличном поведении оглашаем и избличаем не был»²⁸. Этот портрет Д.В. Давыдова впервые увидел свет в первом томе альманаха Сто русских литераторов, изданного книгопродавцем А. Смирдиным в 1839 году. В первой книге альманаха была опубликована статья Д.В. Давыдова «Тильзит в 1807 году». В.Г. Белинский в своей в основном саркастически разгромной крити-

Д.В. Давыдов. Гравюра на стали.
Неизв. худ.

ческой статье о некоторых произведениях, включенных в первый том, статью «знаменитого воина-литератора» назвал прекрасной и сделал лаконичный вывод: «Излишне было бы распространяться о высоком достоинстве ее содержания и изложения». Портреты и иллюстрации к изданию по заказу А. Смирдина гравировались на стали в Лондоне. Известно, что оттиски портретов и иллюстраций к этой книге были отправлены из Лондона в Петербург на корабле, который потерпел крушение у берегов

Швеции. Ящик с гравюрами выбросило на берег, и иллюстрации в Гётеборге пошли с аукциона. Можно считать, что Денису Давыдову очень «повезло»: во все экземпляры книги вклеен его портрет и рисунок А. Ладюрнера «Тильзит в 1807 году». Оригинал гравированного на стали портрета Д.В. Давыдова находится в Государственном историческом музее, гравюра по оригиналу книги хранится в фондах Российского государственного архива литературы и искусства в Москве.

Прижизненные портреты Д.В. Давыдова, через много лет после жизни его занявшие достойное место в архивах, музеях и научных библиотеках, делают более живыми и привлекательными официальные документы, автографы его стихов, военных записок и писем. Они вносят свою лепту в подтверждение оценки молодого современника Дениса Ва-

сильевича В.Г. Белинского: «Давыдов примечателен и как поэт, и как военный писатель, и как вообще литератор, и как воин – не только по примерной храбрости и какому-то рыцарскому одушевлению, но и по таланту военачальничества, – и, наконец, он примечателен как человек, как характер»²⁹. В гармонии с динамичными и искромётными стихами, великолепной военной прозой и обширной дружеской перепиской портреты Дениса Давыдова воссоздают живой облик человека яркого, славного и талантливого, напористого и азартного, открытого для друзей и знакомых, патриота России, живущего по велению сердца и долга. Когда смотришь на эти чёрно-белые и цветные картины, созданные два с лишним века назад, еще крепче чувствуешь и осознаёшь, что героизм и талант, ум и эмоции настоящих людей не имеют срока давности.

¹ Давыдов Д.В. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова // Давыдов Д.В. Гусарский пир. М.: ЭКСМО, 2006. С. 259.

² Пушкин А.С. Table-talk // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Правда. Т. 7. С. 249.

³ РГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 71.

⁴ Русский архив. 1868. №6. С. 973.

⁵ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти // Московские элегии: Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М.: Моск. рабочий, 1985. С. 278.

⁶ Русский архив. 1868. №6. С. 973.

⁷ Русская старина. 1891. №7. С. 378.

⁸ РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 776. Л. 1-2 об.

⁹ Сборник о кавалергардах по случаю столетнего юбилея Кавалерградского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка. Составлен под редакцией С. Панчулидзева. С.-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг. Т. 3. С. 28.

¹⁰ Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1. Л. 19-20.

¹¹ Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года // Гусарский пир. М.: Эксмо, 2006. С. 247.

¹² Там же. С. 203.

¹³ Занятие Дрездена 1813 года 10 марта Давыдов // Давыдов Д.В. Сочинения / Пред. и примеч. Вл. Орлова М., 1962. С. 439.

¹⁴ РГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 66. Л. 13.

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 2. Л. 24.

¹⁶ Дневник партизанских действий 1812 года // Давыдов Д.В. Гусарский пир. М.: Эксмо, 2006. С. 233-234.

¹⁷ Серков С.Р. Орден Святого равноапостольного князя Владимира // Военно-исторический журнал. 1990. №3. С. 93-95.

¹⁸ Собко Н.П. Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, гравёров, литографов, медальёров и проч. : с древнейших времен до наших дней (XI–XIX вв.). Т. 1. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. – С. 268-271.

¹⁹ Дневник партизанских действий в 1812 году // Давыдов Д.В. Гусарский пир. М.: Эксмо, 2006. С. 203.

²⁰ Лангер А.И. // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинск. Дом). М.: Сов. энцикл., 1981. С. 240.

²¹ Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1. Л. 20

²² РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 776. Л. 1-2 об.

²³ Гиллерсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 77.

²⁴ ПД. 829. Л. 67 об.

²⁵ ПД. 829. Л. 74 об.

²⁶ ПД. 835. Л. 66 об.

²⁷ Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Санкт-Петербург: изд. гр. С.Д. Шереметева, 1884. Т. 9. С. 81

²⁸ РГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 66. ЛЛ. 12-13, 13 об. Сызранский филиал ЦГАСО Ф. 63. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 об. – 23.

²⁹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1954. С. 345.

Юрий КОЗЛОВ, краевед, заслуженный работник культуры Ульяновской области, автор книг «Генерал Каппель и волжане», «Столыпин и Симбирск», «Последний министр Российской империи (А.Д. Протопопов)».

«Я ПРИНЯЛ ЗВАНИЕ МУЖА»

Два столетия назад, в апреле 1819 года, 34-летний генерал-майор Денис Васильевич Давыдов обвенчался с девицей Софьей Николаевной Чирковой, которая была десятью годами моложе. Новобрачная принесла в приданое большое состояние, в том числе 1580 десятин земли и 469 душ крестьян в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии.

Будущий генерал родился в старинной дворянской семье. Первые годы своей жизни он провел в Белокаменной, а с 7-летнего возраста «жил под солдатской палаткой» в селе Грушевка Полтавской губернии, где отец его командовал кавалерийским полком. Образование получил в духе того времени: более всего учился французскому языку, даже в ущерб своему родному, а также музыке, танцам и рисованию. В 1898 году полковник Давыдов был отдан под суд за «недостатки» в части, у него конфисковали имения. Выявились и немалые частные долги: Василий Денисович был завзятым картежником и, проигрывая, частенько выдавал долговые обязательства. И хотя судебное дело прекратили, полностью расплатиться не удалось.

Семья Давыдовых, где следом за Денисом подрастали еще два сына и дочка, вернулась в Москву. Среди ее здешних знакомых своей образованностью выделялся помещик и масон И.П. Тургенев, имевший родовое имение под Симбирском. Со старшими его сыновьями, воспитанниками университетского благородного пансиона, Денис близко сошелся. Андрей Тургенев сочинял стихи, делал переводы, приглашал Давыдова на заседания «Дружеского литературного кружка».

Новые приятели познакомили Дениса с «Аонидами», первым русским альманахом, который издавался Карамзиным при содействии Державина, Хераскова, Дмитриева и других писателей. Это возбудило в нем желание испытать свои литературные силы. Первый опыт, написанное в сентиментальном духе стихотворение «Пастушка Лиза», оказался весьма слабым. Мысли не укладывались в должной последовательности, не давалась и рифма; однако Давыдов не унывал.

Между тем подошло время поступать на военную службу. Денис мечтал о гвардейских погонах. Ему дали в руки 400 рублей ассигнациями, усадили

в кибитку и отправили в Петербург. Вступлению в Кавалергардский полк препятствовал малый рост, но при содействии родственников затруднения удалось преодолеть. В апреле 1801 года Дениса записали унтер-офицером, через полгода приняли в эстандарт-юнкера. Спустя еще год произвели в корнеты, первый офицерский чин в кавалерии.

Белый, расшитый золотом кавалергардский мундир придавал молодецкий вид, однако носить его при ограниченных средствах и без особых связей было нелегко. Денис мог рассчитывать лишь на свое жалованье, каких-то 100 рублей за треть года. Чтобы поддержать достоинство, он исправно служил, дорожил честью полка, не брал деньги в долг, сторонился завязанных картежников.

Давыдов мечтал поразить московских приятелей своим блестящим мундиром, но отпуск пришлось испрашивать из-за болезни отца. После смерти родителя он остался старшим в семье, на плечи легли немалые заботы. Казенные и частные долги были выплачены лишь частично.

На семейном совете решили, что брат Евдоким, служивший в архиве Департамента иностранных дел и получавший сущие гроши, тоже поступит в кавалергарды. По крайней мере, жалованье будет больше, и появится надежда со временем выплатить родительские долги. Малолетние брат и сестра останутся пока с матерью; им одним доходов с двух небольших оставшихся за семьей имений, подмосковного Бородино и орловской Денисовки, более-менее должно хватить.

К концу 1803 года Денис Давыдов получил чин поручика. Вместе с самообразованием по военным наукам осваивал стихосложение. Сатирами и эпиграммами занимался во время дежурств в казарме, в госпитале и даже в эскадронной конюшне. Так появились политические басни «Голова и Ноги», «Река

Денис Давыдов

и Зеркало», а затем – «Орлица, Турухтан и Тетерев». Первую из них завершали такие строки:

«...Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись,
– как же быть, –
Твое могущество об камень расшибить».

Переписанные из одного заветного альбома в другой, басни гуляли в обществе; некоторые переписчики произвольно меняли текст. В первой он сам исправил слово «величество» на «могущество», но переписчики восстановили первоначальный вариант. А второй басне вместо авторского дали новое название – «Деспот», резко усилив ее остроту.

В Зимнем дворце посчитали, что опасный сочинитель должен быть разжалован в солдаты или сослан в Сибирь. Но опасались, что поднимется шум, начнут искать причины и сочувствовать пострадавшему, а басни получат еще большую популярность. Власть предержавшие решили Давыдова из гвардии исключить и перевести в армейский полк, подальше от столицы.

Так он оказался в Белорусском гусарском полку, стоявшем в одном из местечек Киевской губернии. Этого оказалось достаточно для 20-летнего ротмистра, который дал себе слово подобных басен никогда не писать, а заниматься отныне лишь службой.

Давыдов прибавил в росте, возмужал и щеголял в новеньком гусарском доломане, отделанном серебряными шнурами, которые заменяли эполеты. Дочь помещика-поляка, хорошенькая и веселая Стася, отдавала ему предпочтение перед другими. Он писал Стасе в альбом нежные стихи, но полька по-русски не понимала. Денис сочинял разудалые «залетные послания» и «зачашные песни». Героем их был лихой однополчанин, «забияка» и «субутильник» А.П. Бурцов.

Из расположения полка Давыдов нередко выбирался в находившуюся неподалеку Каменку, богатое имение своей тетки. У Дениса установились добрые отношения с ее сыном от первого брака генералом Н.Н. Раевским, который старался остепенить молодого гусара. Николай Николаевич напоминал, что доблесть воина украшает не разгульная жизнь, а добродетели гражданина. И тот под разными предлогами стал уклоняться от гусарских кутежей и попок.

Во Франции генерал Наполеон Бонапарт провозглашен императором, его амбиции растут. К осени 1805 года образовалась антифранцузская коалиция, но французы у деревни Аустерлиц наголову разбили объединенную русско-австрийскую армию, пришлось заключать перемирие.

Летом следующего года Давыдову удалось восстановиться в гвардии. Он был переведен в лейб-гвардии Гусарский полк, который квартировал рядом со столицей.

«Мне тогда было двадцать два года, я кипел честолюбием, уставал от бездействия, чах от избытка жизни, – вспоминал Денис. – Оставив гвардию, не слышавшую еще боевого выстрела, я провел два года в полку, который не был в деле, и поступил обратно в ту же гвардию, пришедшую из-под Аустерлица. От

меня еще пахло молоком, от нее несло порохом!»

Между тем Наполеон I устремился в Пруссию, разбил ее армию и вступил в Берлин. Прусский король обратился за помощью к российскому императору, против французов было направлено несколько корпусов. Возглавить авангард было поручено князю П.И. Багратиону, Давыдов отправился с ним в качестве адъютанта.

Боевое крещение штаб-ротмистр Давыдов получил в сражении у села Вольфсдорф, где едва не простился с жизнью. Высочайший рескрипт на его имя гласил: «В воздаяние отличной храбрости и мужества, оказанных вами в сражении против французских войск 24 января, где вы посылаемы были с приказанием под картечными выстрелами, убиита под вами лошадь и захвачены вы были в плен, но отбиты казаками, жалую вас кавалером Ордена святого равноапостольного Князя Владимира четвертой степени <...> с бантом, уверен будучи, что сие послужит вам поощрением к вашему продолжению ревностной службы вашей».

Позднее молодой офицер «с неустрашимостью» участвовал в битве под Прейсиш-Эйлау, ужас и разрушения которой сравнит с полотном «Последний день Помпеи». В июне российские войска понесли поражение под Фридрихсдорфом, императоры Александр I и Наполеон I встретились на приграничном Рейне. Во время переговоров, выполняя поручения Багратиона к разным особам, Давыдов не раз видел малорослого французского императора и дивился его «какой-то благородно-воинственной сановитости, происходившей, без сомнения, от привычки господствовать над людьми и чувства нравственного над ними превосходства».

После заключения мира князь Багратион отправился в Петербург, а Давыдов получил отпуск и прибыл в Москву. Постаревшая матушка, сестрица Сашенька и брат Левушка окружили его заботой и вниманием. Приглашения на обеды и балы следовали одно за другим. Московские барыни, имевшие дочерей и племянниц на выданье, не спускали глаз с гвардейского офицера, щеголявшего с крестами на шее и красном ментике. Однако быстро разочаровывались: блестящий кавалер за беспутное поведение был выслан из Петербурга, стихи неприличные пишет, да и гол как сокол. Денис же утопал в наслаждениях и влюблялся до безумия. Никаких планов по поводу женитьбы не строил, так как считал, что семья боевому офицеру в тягость.

В Москве Давыдов возобновил свои литературные знакомства. Кружка Тургеневых уже не существовало, но здесь находился В.А. Жуковский, чьи меланхолические стихи очаровывали читателей. У Василия Андреевича он познакомился с модным тогда поэтом В.Л. Пушкиным. Василий Львович являлся автором многих переводов и мадригалов, бывал за границей и увлекательно рассказывал про свои заморские встречи. Он познакомил Дениса с историографом Н.М. Карамзиным и его шурином Петром Вяземским.

Не оставил Давыдов и литературных занятий, плодом которых явилось большое стихотворение «Договоры». Жуковский, ставший редактором «Вестника Европы», напечатал его в журнале. Впоследствии автор заметил, что «оно <...> есть чистая

сатира на старых холостяков, заключающих брачные союзы с молодыми и светскими девушками».

К тому времени разразилась новая война, на сей раз со Швецией. В феврале 1808 года российские войска вторглись в Финляндию, находившуюся под управлением шведов. Одной из дивизий командовал генерал-лейтенант князь Багратион. После взятия им без боя финской столицы Давыдов был «откомандирован» князем в авангард полковника Я.П. Кульнева, где проявил «храбрость, решительность и военное искусство».

«В течение этой кампании Давыдов неотлучно находился при авангарде Кульнева в северной Финляндии, – писал очевидец. – Сопутствуя ему во время завоевания Аландских островов, он с ним расставлял пикеты, наблюдал за неприятелем, разделяя суровую его пищу и спал на соломе под крышею неба».

Летом 1809 года, ввиду затянувшейся войны с Турцией, князь Багратион был назначен главнокомандующим Молдавской армией, произведенный в ротмистры Давыдов отправился за ним на Дунай. Дорога пролегла недалеко от Каменки, куда Денис заехал повидать родственников. Здесь проживал вышедший в отставку двоюродный брат А.Л. Давыдов с молодой женой и двумя маленькими детьми. С их приездом в большом доме начались беспрепятственные празднества, гости не переводились.

«Жена Александра Львовича, Аделаида Антоновна, урожденная герцогиня де Граммон, отличалась красотой и любовью к развлечениям, – заметил один из бывавших там офицеров. – Давыдов влюбился в очаровательную хозяйку и посвятил ей два стихотворения. Жизнь в Каменке навсегда осталась одним из лучших воспоминаний поэта».

Лирическое сочинение Давыдова «Подражание Горацию» начиналось таким образом:

Если б боги милосердия
Были боги справедливости,
Если б ты лишилась прелестей,
Нарушая обещания...
Я бы, может быть, осмелился
Быть невольником преступницы!
Но, Аглая, как идет к тебе
Быть лукавой и обманчивой!
Ты изменишь – и прекраснее!
И уста твои румяные
Еще более румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой!..

Воспеваемая в этих стихотворениях прекрасная Аглая, ветреная и кокетливая, была «магнитом в Каменке, привлекавшим к себе всех железных деятелей славного Александровского времени». Кроме Давыдова, ее воспел и А.С. Пушкин в своем стихотворении «К Аглае».

Между тем армия Багратиона успешно действовала на левом берегу Дуная, одна за другой пали приграничные крепости Мачин и Гирсов, затем Измаил и Браилов. Давыдов отличился при взятии первых двух, в сражениях под Россовашей и Татарцей, при осаде Силистрии и «за отличие награжден алмазными знаками св(ятой) Анны 2 класса».

Август и сентябрь 1811 года Давыдов провел в

Петербурге и Москве, встречался с друзьями, занимался стихосложением и пробовал писать военную прозу.

«Как каналья виноват перед тобой, любезный и милый Вяземский! – писал Денис. – Два письма твои получил, за которые чувствительно благодарю тебя <...> Красавицу свою видел только один раз, на балах не бываю, о вахт-парадах, ученьях и слышать не хочу. Сижу дома да пишу – ты думаешь стихи, нет друг мой, – прозу, и прозу военную. Труды мои скоро выйдут в свет, и любезный мой Вяземский будет иметь один экземпляр от автора».

Что тебе сказать более? Я на днях еду в Польшу, где к(нязь) Багратион назначен командовать. Если будешь писать ко мне, так пиши в Житомир, я там буду покамест жить...».

Багратион возглавил 2-ю Западную армию, которая находилась «без действия». Среди офицеров шли разговоры о новой войне с Наполеоном I, который покорил несколько суверенных государств. Душа Давыдова просила жарких схваток, в начале 1812 года он испросил у командующего позволения оставить гвардию и получить команду в армейском полку.

«Начинается Отечественная война, – заметил один из генералов-сослуживцев. – Давыдов поступает в Ахтырский гусарский полк подполковником, командует 1-м батальоном оного до Бородина; подав первый мысль о выгоде партизанского действия, он отправляется с партией гусар и казаков (130-ю всадниками) в тыл неприятеля, в середину его обозов, команд и резервов; он действует против них сряду десять суток и, усиленный шестьюстами новых казаков, сражается несколько раз в окрестностях и под стенами Вязьмы. Он <...> разбивает трехтысячное кавалерийское депо под Копысом, рассеивает неприятеля под Бельничами и продолжает веселые и залетные свои поиски до берегов Немана. Под Гродном он нападает на четырехтысячный отряд Ферейлиха <...>, и город наш!».

В 1813 году российская армия перешла Неман и теснила неприятеля из Пруссии и Силезии, полковник Давыдов командовал легким отрядом в передовом корпусе генерала Ф.Ф. Винценгероде. Когда отважный партизан без разрешения начальства заключил с противником перемирие и занял столицу Саксонии Дрезден, корпусной командир хотел предать его военному суду. Но Давыдова взяли под защиту главнокомандующий М.И. Кутузов и сам Александр I, заметивший, что «как бы то ни было, победителей не судят».

Во время боев во Франции Давыдов командовал Ахтырским гусарским полком, потом составленной из гусарских полков бригадой, с которыми прошел через Париж. За отличие в сражении под Бриеном его произвели в генерал-майоры, он начал приводить в порядок свои «Военные записки». В мае 1814 года, получив шестимесячный отпуск, выехал из французской столицы в родную Москву.

* * *

Материальное положение семьи Давыдовых после войны оказалось в полном расстройстве. Подмосковное Бородино было сожжено, орловская Денисовка приносила незначительный доход.

Московский дом был полуразрушен, имущество разграблено французами. Матушка скончалась полтора года назад, братья находились на службе. Все заботы легли на сестру Сашеньку, но что она могла сделать?

Денис Васильевич попробовал обратиться в Военное министерство с просьбой о денежном пособии за ущерб, причиненный военными действиями бородинскому имению. Ответили, что император, ценя его заслуги, ранее соизволил сложить долг, числившийся за покойным отцом. Никаких надежд на более существенную помощь не оставалось.

Между тем опустошенная пожаром в 1812 году Москва начала отстраиваться, плотники и каменщики работали круглый день и даже ночью, при свете костров. По улицам непрерывно тянулись обозы, груженные камнем, кирпичом, лесом. На восстановление города было ассигновано около 8 миллионов рублей, император распорядился в помощь строителям отряжать на работу солдат пехотных полков и саперных рот.

Денис Васильевич возобновил приятельские отношения с князем П.А. Вяземским. Петр Андреевич был молод, но в литературных кругах уже пользовался известностью как поэт и автор критических статей. Вяземский и Четвертинский, сослуживец Давыдова по Кавалергардскому полку, были женаты на сестрах. Вчетвером, включая графа Ф.И. Толстого, который «дослужился до полковничьего чина, но за дуэли и проступки против субординации был разжалован несколько раз в солдаты», немало времени проводили вместе. В стихотворении «Другу-повесе» Денис Васильевич описал веселые забавы «отличных сорванцов», не обходившихся без «ветрениц известных» и «серебристых струй» шампанского. Из-под его пера вышло более десяти коротких, но довольно злых эпиграмм.

Денис Васильевич с компанией часто бывал в подмосковном селе Кунцево, где жил директор Императорских театров А.А. Майков. На устраиваемых Аполлоном Александровичем спектаклях блистали лучшие певцы и танцовщицы, среди которых выделялись красотой и изяществом Саша Иванова и Таня Новикова, воспитанницы Московского театрального училища.

Юная Александра совсем очаровала 30-летнего Давыдова в новеньком генеральском мундире, с лихо подкрученными вверх гусарскими усами. По свидетельству Вяземского, «была она красавица и необыкновенно стыдливо-грациозна. Денис воспламенился ею с чистою страстью целомудренного и пламенного Петрарки». Он воспевал свое божество в пламенных элегиях, которые были полны таких признаний:

Я – ваш! И кто не воспылает!
Кому не пишется любовью приговор,
Как длинные она ресницы подымает,
И пышет страстью взор!

В связи с упомянутыми элегиями даже сложилась легенда о похищении девушки Давыдовым из театрального училища, от ее «мучителя» – 57-летнего актера А.А. Некрасова, надзиравшего за воспитанницами училища. О «поэтическом окне кельи

Ивановой», которое было видно из деревянного дома Вяземских, он вспоминал не раз.

А князя Вяземского пленила бойкая и веселая цыганочка Татьяна Новикова. Увлечение было, правда, платоническим, нежели чувственным, оно не выходило за рамки необходимого благоразумия.

На исходе 1814 года Денис Васильевич получил неожиданный удар по самолюбию. В приказе по армии было объявлено об ошибочном производстве его в генерал-майоры. Вышло, что был он не генерал, а самозванец. Приятели, как могли, его успокаивали. Но пирушки, походы в театр и боря-дели помогали забыться лишь на короткое время. Вяземский советовал обратиться с письмом прямо к императору.

Вскоре приехал в Москву брат Лев, который в прошедшую кампанию был ранен в ноги, побывал в плену у французов и теперь передвигался на костылях. Приказ по отзыву генеральского чина у старшего брата возмутил его до глубины души. «В армию не показывайся, пока не возвратят чина, – посоветовал Давыдов-младший. – Проси о продлении отпуска, а там видно будет».

Денис Васильевич так и поступил: первый раз отпуск был продлен «до 1 марта 1815», а вторично – «по 1 декабря того же года».

В январе немного развеяла его тяжелые думы сестра, вернувшаяся из поездки в Бородино. Прошлогодний урожай принес столько денег, сколько они никогда не получали. Оказавшись в трудное время полной хозяйкой, Сашенька забрала бразды управления имением в свои маленькие руки. Хитрый бурмистр полагал, что молодую помещицу без труда сможет обвести вокруг пальца, но ошибся. Если раньше господа предоставляли ему полную самостоятельность, то теперь хозяйка докапывалась до каждой мелочи. При осмотре полей посчитала количество крестьянской и барской запашки, чем лишила старого лиса возможности укрывать посевы. После уборки определилась с урожаем, не позволив бурмистру занизить урожайность и положить долю доходов от продажи хлеба в собственный карман.

По примеру сестры Давыдов отправился в орловскую Денисовку. Тамашний бурмистр был не так жаден до денег, как бородинский, зато имел пристрастие к вину. Мужиков разбаловал, за качеством работ не следил, хлеб продавал не торгуясь, лишь бы магарыч был. Барский дом пришел в запустение, скотные дворы месяцами не чистились, инвентарь валялся где попало. Когда молодой хозяин напустился на бурмистра по поводу бесхозяйственности, тот на все замечания отвечал, что виноват, не доглядел. Денису Васильевичу подобрать на его место толкового человека не удалось, так ни с чем и возвратился в Москву.

К весне Первопрестольную потрясло известие, что ранее отрекшийся от престола Наполеон Бонапарт тайно бежал из ссылки и высадился с небольшим отрядом на южном побережье Франции. Посланные правительством войска перешли на его сторону, он с триумфом вошел в Париж, откуда спешно бежали король Людовик XVIII, его двор и министры.

Давыдов не сомневался, что Бонапарт соберет-

ся с силами и вновь обрушится на Россию. Решил без промедления, даже в полковничьем мундире, ехать в свой Ахтырский полк, который находился на марше за границей. Под пером воина-поэта родилась ставшая популярной «Песня», которая начиналась и завершалась так:

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

Путь к ахтырским гусарам лежал через Варшаву, где все проезжие генералы и офицеры обязаны были визировать свои документы. Военная власть была сосредоточена в руках великого князя Константина Павловича, командовавшего всеми войсками в пределах герцогства Варшавского, недавно присоединенного к Российской империи под названием Царства Польского. Здесь цесаревич задержал Давыдова, заставил присутствовать на всех смотрах и учениях.

Тем временем союзники сформировали антифранцузскую коалицию для нового похода во Францию, причем 170 тысяч человек под командой генерал-фельдмаршала Барклая де Толли направила Россия. В ответ Наполеону I удалось собрать 250-тысячную регулярную армию. А Давыдов продолжал томиться в польской столице. Он написал жалобу князю Волконскому, послал рапорт Барклаю де Толли, но все безрезультатно. Узнал о назначении своего старинного приятеля А.А. Закревского, к которому государь был весьма расположен, дежурным генералом Главного штаба и обратился с просьбой о переводе из резервов.

«Милый друг Арсений Андреевич, – писал Давыдов в Петербург. – Так как ты мой старый друг и друг, на которого я более уверен, нежели на кого-нибудь, то прошу тебя войти в мое положение и употребить все старания вытащить меня отсюда <...> Просто последние деньги проживаю в Варшаве, когда могу командовать полком в передовом корпусе».

В июне произошло ожесточенное сражение под бельгийской деревней Ватерлоо, где англо-прусские войска нанесли французам решающее поражение. Российские войска, не успевшие схватиться с неприятелем, вошли в Париж вместе с союзниками. Наполеон I подписал акт отречения в пользу малолетнего сына и был отправлен в изгнание на далекий остров Святой Елены.

Давыдов, несмотря на общительный характер, не нашел в Варшаве друзей по сердцу. Мысли его были в Москве, где собрались все родные и близкие, где осталась Александра Иванова. «Что делает божество мое? Все ли она так хороша? – спрашивал он в письмах Вяземского. – Богом тебе клянусь, что по сию пору влюблен в нее как дурак. Сколько здесь красивых женщин; ей-ей, ни одна сравниться не может». Князь Вяземский не стал держать друга в приятном неведении и посоветовал о «божестве» более не думать, так как юная Иванова выходила замуж за балетмейстера Адама Глушковского.

По этому поводу М.А. Дмитриев, племянник известного баснописца, отмечал:

«В эти же годы, кажется в 1814-м <...> увидел я в первый раз славного партизана и стихотворца Дениса Васильевича Давыдова. Не буду говорить о нем как о партизане: это не мое дело. Но он явился в Москву уже известен своими стихами, особенно двумя ухарскими посланиями к гусарскому же офицеру Бурцеву, которого он, говорят, спойл с кругу! Давыдов был между другими поэтами не более как дилетант, но стихи его нравились оригинальностью предмета и той свободой в выражении, которая не стеснялась тогдашней условностью и приличием. Они были легки и свободны и как не подлежащие печати всеми переписывались и заучивались наизусть. Военная слава храброго партизана бросала немало лучей и на поэта. В то время Мерзляков издал в Москве ежемесячный журнал или сборник «Амфион», в котором помещал стихи и князь Вяземский; там же были напечатаны некоторые элегии Давыдова, и оригинальные, и подражания Парни. Все эти пламенные излияния сердца относились к нечувствительной красавице, к танцовщице Ивановой, которая после вышла замуж за балетмейстера Глушковского. Она была девица высокого роста и была особенно величественна и грациозна в русской пляске. В нее-то было страстно влюблен Давыдов. Но сам, кроме острого ума и военной славы, не имел ничего для победы; его *faits et gestes* (дела и подвиги. – Ю.К.) могли бы победить сердце дамы в века рыцарства, а не в наше прозаическое время и не сердце танцовщицы. Давыдов же был ужасно дурен собою: вместо носа у него была какая-то пуговка; голос имел писклявый; черные густые волосы и на лбу серебряный клочок волос...».

Его частная просьба к Закревскому не дала скорого результата. В сентябре Давыдов известил его, что с горя удалился в Познань, где живет уединенно и описывает то, что видел в течение 1812 – 1814 годов и «уже кончил первую часть, т. е. до занятия Москвы». Эти записки затем вылились в несколько военных сочинений, среди которых «Дневник партизанских действий», первоначально названный им «Дневником поисков», станет одним из лучших его трудов.

В конце концов, поразмыслив над вопросом, полковник он или генерал?, Давыдов решил обратиться к императору. Письмо, составленное на французском языке и переданное Закревским Александру I, решило его участь. Дело было разобрано и оказалось, что его лишили чина, спутав с двоюродным братом А.Л. Давыдовым, производства которого в генералы не желал государь. В то время в действующей армии находились шесть Давыдовых, командовавших отдельными частями, что и привело к досадному недоразумению.

Вскоре Денис Васильевич получил от Закревского обнадеживающую записку, а через несколько дней оказался в Москве. В очередном письме, уже из родного города, он писал об общих товарищах и о милых женщинах: «Желал бы повидаться с тобой и с Сипягиным и Желтухиным, но бог знает, случится ли это! Между тем, пожалуйста, от меня им кланяйся – звать бы вас сюда на зиму жениться, да что-то невест мало! Я и сам за замужней пустился от нечего делать волочиться».

Тема женитьбы основательно захватила мысли Давыдова. Спустя две недели он известил Арсения Андреевича, который был годом старше его и тоже холост: «Я получил отсрочку от кн. Горчакова (военного министра. – Ю.К.) и очень ему обязан. Теперь проживу еще 6 месяцев покойно и думаю в конце декабря быть в Петербурге для свидания с приятелями. Уже нового ничего нет, и <...> довольно скучно. Каналья Меншиков здесь, но я еще его не видел, страшная любовь его к жене отваживает от приятелей. Говорят, что Петруша Каменский женится на Луговановой в Орле, которая ужасно как богата. Хорошо, за ум взялся! Повторяю тебе, право, приезжай сюда зимой – невест будет куча. Пора тебе обраться».

В середине ноября Давыдову возвернули чин генерал-майора, о чем поспешил известить Закревского: «Пишу тебе, дабы ты разделил мое удовольствие и выпил добрую чару доброго вина за мое здоровье. Я здесь тоже сделаю, в том тебе нечего сомневаться <...> Цена моя на женитьбу возвысилась – за полковника сватали невест в 1200 душ, а за генерала, я думаю, будут и в 2000».

Вместе с производством Денис Васильевич был назначен состоять при начальнике 1-й драгунской дивизии, предназначенной действовать как в конном, так и в пешем строю.

Все время прежде прослужив в легкой кавалерии, Давыдов пожаловался Закревскому, что его назначили в «это пресмыкающееся войско». Князь Вяземский получил от него весточку, что вырвался из Варшавы и идет вместе с дивизией к Бресту, а оттуда поедет в Киев на контракты. Петр Андреевич решил, что ему опять захотелось поамурничать с кузиной Аглаей.

Однако Вяземский ошибался. Аглая Антонова проводила эту зиму в Петербурге, где воспитывались ее дочери. А в Киеве находились милые его сердцу Раевские, Николай Николаевич командовал 4-м пехотным корпусом, расквартированным на Украине.

* * *

В киевском доме Раевских Давыдов беседовал в кабинете с Николаем Николаевичем, когда прибежала одна из его дочерей. Она попросила Дениса Васильевича пройти к гостям, поскольку была заказана мазурка, а кавалеров не хватало.

В зале было шумно, там собралось много молодежи. Дениса Васильевича встретили дружными рукоплесканиями, поскольку видеть в своей среде знаменитого партизана и поэта всем было лестно. Распоряжавшийся танцами старший сын Раевского, Александр, представил его хорошенькой девушке в белом атласном платье, с которой они составили первую пару. Это была одна из подруг сестер Раевских, младшая дочь генерал-лейтенанта Антона Казимировича Злотницкого, командовавшего дивизией в корпусе Раевского.

Лизе Злотницкой едва исполнилось 16 лет. Полька по рождению, живая и своенравная, она отнеслась к знакомству с прославленным генералом и сочинителем благосклонно. Когда мазурка окончилась, они прогуливались по залу и болтали о разных пустяках. Потом девушка попросила Дениса Васи-

льевича сочинить что-нибудь для нее, стихи были обещаны.

В последующие дни Давыдов бывал с ней на контрактах и концертах, ездил кататься за город, танцевал на домашних вечерах. И всерьез задумался над устройством личной жизни. Но прежде чем делать предложение, надлежало подумать о средствах. Если брак с Лизой состоится, то на какие средства они будут жить?

Давыдов располагал захудалым имением в Орловской губернии со 124 душами крестьян, да небольшим жалованьем, явно недостаточным для приличного содержания семьи. На приданое Лизы рассчитывать не приходилось, у Злотницких было несколько дочерей и одно маленькое поместье. Правда, случалось, что император жаловал за военные заслуги аренду, но получить ее было совсем непросто. По совету Раевского он начал хлопотать об аренде, отправил письмо на имя государя, уведомил обо всем друзей-генералов Закревского и Киселева.

Тогда же, под влиянием восторженных чувств к Злотницкой, появился ряд стихотворений – «Ответ на вызов написать стихи», «О ты, смущенная присутствием моим», «Нет, полно пробегать с улыбкою любви».

В марте 1816 года Денис Васильевич был назначен состоять при начальнике 2-й конно-егерской дивизии, стоявшей в Орловской губернии, недалеко от его Денисовки. Казалось бы, при необременительной службе можно было самому заняться наведением порядка в запущенном имении. Однако гусар отказался от службы в этой дивизии в виду того, что с переходом в нее пришлось бы сбрить усы, которые в то время носила только легкая кавалерия. Он никак не желал лишиться этой «вывески силы и мужества».

О приверженности Давыдова к усам узнал даже император, в мае его назначили состоять при начальнике 2-й гусарской дивизии, стоявшей близ Вильны. Он написал Закревскому: «Государь сказал мне, проезжая чрез Белицу: «Что? Усы при тебе остались?» Я ему отвечал: «Государь, я к ним привязан как к чести». Он на это сказал: «Ну! Они при тебе навсегда останутся». Это может быть забыто, но я очень помню».

После дивизионных маневров генерал-майору Давыдову удалось получить короткий отпуск и возвратиться в Киев к любимой. Ответ на просьбу об аренде все не приходил. Лишь в конце сентября доставили казенный пакет за подписью генерал-адъютанта князя Волконского, который писал, что «докладывал Государю Императору о пожаловании вам аренды и Его Величество соизволил отозваться, что она вам назначена будет по событию ваших предположений, об окончании коих прошу меня уведомить».

Давыдов был рад, что в аренде не отказали. Но прежде чем справлять свадьбу, надо было позаботиться об устройстве удобной квартиры. В ноябре Денис Васильевич отправился в свою дивизию, где освободилось место командира 1-й бригады, которое он и получил. Через неделю-другую его известили, что подготовлен Высочайший рескрипт о пожаловании ему ежегодной аренды в 6 тысяч рублей.

Надо было ехать в столицу и поскорей оформлять это дело.

В Петербург Денис Васильевич прибыл в приподнятом настроении, казалось, что фортуна становится к нему милостивей. 12 декабря Александр I подписал рескрипт о пожаловании «генерал-майору Давыдову 4-му» в Подольской губернии Балтского повета из Побережского имения вакантного фольварка Коритнянского, содержащего в себе селения Коритну, Пасат и Гольму, на 12 лет.

Давыдов побывал на приеме у императора, чтобы поблагодарить за аренду. Посетил Казанский собор, под сводами которого покоился прах незабвенного Кутузова. Свиделся с Закревским и Киселевым, навестил Тургенева и Жуковского.

С особым удовольствием Давыдов присутствовал на заседаниях литературного общества под названием «Арзамас», куда был принят заочно годом ранее. Члены «Арзамаса» носили прозвища, взятые из баллад Жуковского; так Давыдов стал Армянином, а Пушкин – Сверчком. Арзамасцы разбирали новые произведения, бичевали педантизм, напыщенность и трескучую фразу. «Искренность, любезные друзья, да будет первым законом нашего собрания, – заметил Денис Васильевич на одном из вечеров, – все другое: советы, похвалы и самую критику – можем мы найти в свете; искренность царствует только здесь».

В столичной сутолоке Давыдов успел сделать необходимые визиты, приобрести и упаковать свадебные подарки по списку, старательно составленному сестрой Сашенькой.

В Киев он возвратился на святки, 3 января 1817 года, и услышал от растерянных родственников, что Елизавета Антоновна отказалась связать с ним брачные узы. Она предпочла высокого и стройного красавца князя Петра Алексеевича Голицына. Денис Васильевич в приливе бешенства решил было вызвать князя на дуэль. Однако, несколько остыв, от подобных мыслей отказался. В положении отвергнутого жениха, пожалуй, следовало держаться спокойно и не возбуждать лишних пересудов.

Стараясь скрыть ревность и обиду, он постарался при помощи рифмы объяснить друзьям и знакомым разрыв со Злотницкой. Завершил стихотворение «Неверной» саркастическими словами:

Теперь спокойно ночи сплю,
Спокойно ем, спокойно пью
И посреди собратьи ратной
Вновь славу и вино пою.
Чем чахнуть от любви унылой,
Ах, что здоровей может быть,
Как подписать отставку милой
Или отставку получить!

О разрыве с невестой Денис Васильевич считал необходимым донести императору. В письме он отказывался от права воспользоваться великодушным даром государя. Однако аренда все же была оставлена за ним, срок «вступления во владение имением» назначили с 23 марта текущего года.

В Киеве опять шумели контракты, по-прежнему собиралась вечерами молодежь у Раевских, но Денису Васильевичу было не до развлечений. В письме к князю Вяземскому он писал: «Я получил чрез Тол-

стова Диплом от общества любителей Российской словесности, а от тебя ни слова! Или ты ленишься, или ты сердисься <...>. Посылаю тебе 6-ю элегию – некоторые места мне самому не нравятся, я их подчеркнул карандашом и прошу поправить, да непременно поправить, иначе я точно рассержусь. Что тебе про себя сказать? Я чуть не женился – бог спас! И я теперь счастливее, нежели когда-нибудь был...».

Давыдов заторопился к своим гусарам, но служба удовлетворения не приносила. Извещая Вяземского о своем житье-бытье в глухом местечке Новогрудено, заметил:

«Теперь я в своей бригаде, расположенной между Вильно и Гродно <...>. Каково положение провести лучшие дни в разоренной жидовской деревне, окруженной болотами и лесами, в обществе невоспитанных и тяжелых дураков, не умеющих о другом говорить как о ремонтах, продовольствии и на казну претензии! Я тебя уверяю, что не возьми я с собой книг несколько, пера, чернил и белой бумаги, я бы с ума сошел <...>».

В сентябре месяце буду проситься до излечения болезни к водам <...> Кавказа. Ворочусь как можно скорее в Москву к друзьям моим, между которыми ты, конечно, из первых мест занимаешь. К тому же надо жениться, нечем жить! Пока был полковником, то кой-как переворачивался, а генералом плохо приходится <...>. Напомни княгине, что она хотела меня сватать за Ш... Шутки в сторону, я от этого не прочь – постарайтесь – я вам поклонюсь, но только чтоб верный доход был, а то неравно раскольница мать рассердится да не даст ни копейки, так слуга покорный!».

Бригада состояла, разумеется, не из одних дураков. Среди гусар было немало образованных людей, но Денис Васильевич после разрыва со Злотницкой находился в подавленном состоянии и чурался новых знакомств.

«Марченко мне сказал в Полтаве, что ты валишь с кипами бумаг в Москву, – 1 ноября отписал Закревскому, – я прошусь туда же, чтобы возобновить наши вечера петербургские, а если мне удастся, то берегись твое шампанское и все б...и московские! Шутки в сторону, мне крайне нужна там быть <...> Уведомь меня, будет ли хоть на малое время Сипягин в Москве? Я бы желал собрать в нее всех друзей моих и отдохнуть сердцем <...>. Мочи нет проводить время с лошадьми и людьми, мало от них отличающимися! Есть в бригаде добрые ребята <...> так их и собаками не найдешь! <...>. Как нам не желать войны? Мы теперь мученики, а там мучители. Прости, любезный друг, приготовь мне богатую невесту, теперь не хочу уже по любви жениться – прости».

Прослужив в гусарской дивизии более года, Давыдов новыми знакомствами так и не обзавелся, но успешно потрудился на литературном поприще. Широкою известностью снискала его «Песня старого гусара», опубликованная в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Старому гусару, каким считал себя Денис Васильевич, былой гусарский быт казался привлекательным. Нынешние гусары, по его мнению, стали слишком важничать и умничать, своим мундиром не дорожили.

В феврале Давыдова назначили начальником штаба 7-го пехотного корпуса, стоявшего близ Ки-

ева. В городе первым делом он проведаль Раевских, обсудил с Николаем Николаевичем насаждаемые графом Аракчеевым военные поселения. Поселяне не могли распоряжаться ни своим временем, ни своим трудом, не могли даже жениться без разрешения начальства. Дети их с 7-летнего возраста зачислялись в кантонисты, а в 13 лет становились солдатами. Единственным послаблением для них было то, что служили они не двадцать пять, а «всего» двадцать лет.

Для обучения солдатских детей грамоте Раевский устроил в расположении своего корпуса особую школу. Среди мальчиков разного возраста занятия проводились без учителей. Они разбивались на группы по 10-12 человек и обучались сами, успевающие подтягивали отстающих. Наиболее способные становились руководителями групп, а главный наставник – молодой капитан – давал лишь педагогические указания кантонистам-руководителям. Система взаимного обучения была придумана английским квакером Иосифом Ланкастером, потому и называлась ланкастерской.

Денис Васильевич заинтересовался сравнительно недорогой системой учебы. Большинство ребят находилось на содержании военно-сиротского отделения, которое Раевский принял в свое ведение вместе с принадлежавшими ему средствами. Немного средств на содержание школы выгадывал из корпусных хозяйственных сумм, а при необходимости добавлял из собственных денег. Он считал, что если в других корпусах последуют его примеру, то через три-четыре года в армии появится несколько тысяч вполне грамотных солдат, которые, в свою очередь, будут просвещать товарищей.

2 июня Давыдов попросил князя Вяземского, прибывшего в свите императора в Варшаву на польский сейм, прислать ему «новых книг побольше». И пожелал его новорожденному сыну военной карьеры: «Поздравляю тебя и княгиню с сыном, дай бог вам видеть его не на Сейме, а с миллионом русских штыков, чертившего шпагой границу России, с одной стороны от Гибралтара до Северного Мыса; а с другой – от Гибралтара же чрез мыс Доброй Надежды до Камчатки». В завершение письма отметил, что «сестра моя замуж вышла за иркутского полка полковника Бегичева, прежнего моего однополчанина и очень хорошего человека».

Зять Давыдова, Дмитрий Никитич Бегичев, был двумя годами его моложе. Происходил из старинного дворянского рода Тульской губернии, окончил Пажеский корпус и был выпущен корнетом в Александрийский гусарский полк. Служил адъютантом у генерала А.С. Кологривова, своего дяди, командира Чугуевского казачьего регулярного полка. В 1805 и 1806 годах в составе лейб-гвардии Гусарского полка он участвовал во многих сражениях, в том числе под Аустерлицем и при Фридрихсберге, выполнял ответственные и опасные поручения. После Тильзитского мира в чине штаб-ротмистра вышел в отставку.

В январе 1813 года Бегичев вернулся в ряды действующей армии, вновь был адъютантом при Кологривове вместе с братом Степаном Никитичем Бегичевым и Александром Сергеевичем Грибоедовым, который подружился с братьями. Дружеские отношения сложились у Дмитрия Никитича и с Да-

Дмитрий Никитич Бегичев

Александра Васильевна Бегичева, урожденная Давыдова

выдовым. В 1817 году в чине полковника он был переведен в Иркутский гусарский полк, но после женитьбы уволился «по домашним обстоятельствам» и поселился в Москве.

Летом войска 7-го пехотного корпуса были переведены на юг. Корпусная квартира из Умани перемещалась в Херсон. Давыдову ехать туда не хотелось, поскольку от Умани до Киева и до Каменки было рукой подать. Здесь он имел возможность часто навещать и Раевских, и свою кузину Аглаю, гостившую в Каменке. Эта ветреница по-прежнему была очаровательна и кокетлива, правда, пылкой влюбленности он уже не испытывал.

В конце июля Давыдов отписал из Умани князю Вяземскому в Варшаву:

«...Если ты посреди какой бы то ни было столицы вздыхаешь о предметах твоей дружбы, то каково мне будет в Херсоне, где степь да небо? Каково мне, удаленному от женщины, которую люблю так давно и с каждым днем все более и более и которую с намерением увлекают вовсе в противоположную сторону той, где я осужден убивать не последние уже года, но последние дни истинной жизни? Я надеялся до отъезда ее сколько-нибудь утешить сердце <...>, но перемещение нашей корпусной квартиры разрушает и эту надежду <...>. Ты один, точно один для меня, которому я могу открывать все чувства мои, не опасаясь сухой математической улыбки. Что бы я дал быть бесчувственным или, по крайней мере, затушить заблуждения сердца! Этот проклятый романтический мой характер и мучит, и бесит меня».

К тому времени вышла замуж не только родная сестра Дениса Васильевича, но женился старый друг и волокита Закревский. «Поздравляю тебя с невестой (а может быть, теперь уже и с супругой), – писал он 29 июня из Умани. – Напрасно ты думаешь, что я смеялся, когда узнал, что Закревский женится. Ты в таких почтенных летах, что пора за ум взяться. Это мне только предоставлено кончить жить как кочующие предки мои, без кола и двора. Истинно! Я решился век не жениться, уместится ли жена на выюк?».

С переводом 7-го пехотного корпуса в Херсон Давыдов занялся подготовкой ланкастерского обучения в своем корпусе. «Я принял во владение мое Херсонское военно-сиротское отделение в начале сего месяца, – 17 октября известил он Закревского. – Сверх введения методы взаимного обучения я бы хотел, чтобы воспитанников кормили лучше, чтобы как они сами, так и казармы и учебные залы их были как стекло, но на все это надо деньги, и на употребление 13 769 рублей суммы, принадлежащей сему отделению, нужно от тебя разрешение или, по крайней мере, позволение мне заимствовать из нее нужное количество денег, ибо если на первое ты не имеешь права и на употребление ее не воспоследует высшего разрешения, то я по образованию всего могу внести свои собственные деньги. Привыкши спать на бурке с седлом в изголовье, мне много не нужно!».

Закревский уведомил, что высшее начальство стало смотреть на ланкастерские школы как на обузу. И посоветовал Давыдову приехать в столицу и хлопотать о средствах, обещая свою всемерную помощь.

12 ноября Денис Васильевич получил на два месяца отпуск и отправился в путь. По дороге заехал в Москву, где пришлось задержаться.

* * *

Среди московских семейств, связанных давней дружбой с Бегичевыми, было семейство покойного генерала Николая Александровича Чиркова. Потомственный дворянин военную службу начал 18-летним юношей в 1771 году в качестве рядового лейб-гвардии Преображенского полка, спустя 6 лет получил чин прапорщика. В 1784 году уже подполковником Чирков перешел на службу в Оренбургский драгунский полк, участвовал в походах и сражениях против турок под началом Суворова. В 1788 году был награжден золотой шпагой с надписью «за мужество», произведен в полковники, а на следующий год пожалован орденом святого Георгия 4-й степени за осаду Очакова. Во главе гренадерского батальона вышел на лодках в море и уничтожил турецкую эскадру, состоящую из вооруженных пушками фрегатов и галер.

В 1792 году герой турецкой кампании обвенчался с одной из дочерей лейб-гвардии секунд-майора П.А. Татищева, имевшего большое состояние. 19 января в «Рядной записи» Петр Алексеевич отметил, что «сговорил я дочь свою родную девицу Елизавету в замужество <...> за полковника и кавалера Николая Александровича Чиркова, <...> да приданого за нее даю вещей бриллиантовых цветов три тысячи рублей, серьги две тысячи триста рублей, складни тысяча рублей, медальон пятсот рублей, перстень двести рублей, жемчуг восемьсот рублей, часы золотые с жемчугом двести рублей, серебра двадцать восемь фунтов, платья, белья, кровать с прибором на тысячу рублей да недвижимого имения состоящего Симбирского наместничества Сызранского округа в селе Мазе, в коих по четвертой ревизии в подушном окладе написано мужского пола дворовых людей и крестьян триста девяносто девять...».

В 1796 году Николай Александрович был произведен в генерал-майоры, но через год из-за усилившейся болезни вышел в отставку. Проявил себя большим хлопотуном и стяжателем, увеличив полученные за женой земельные угодья и крепостных крестьян. Так, в имении при селе Акшут Карсунского уезда Симбирской губернии он поставил двухэтажный дом с флигелями по бокам, а в Бугульминском уезде Оренбургской губернии устроил винокуренный завод. После смерти Чиркова в 1806 году жене и двум дочерям осталось порядочное наследство.

Вдова генерала Елизавета Петровна выдала замуж старшую дочь Екатерину за 40-летнего Ивана Петровича Поливанова, получившего в 1813 году в качестве приданого имение Акшут, и теперь проживала в собственном доме на Арбате с младшей дочкой Соней, воспитанной в строгих правилах.

Будучи весной в Москве на свадьбе сестры Сашеньки, Давыдов познакомился с Соней Чирковой, но эта спокойная и полная блондинка не произвела особого впечатления. Когда же по осени приехал проведать молодых Бегичевых, живших в прекрасном отделанном особняке на Старо-Конюшенной, он вновь встретился здесь с Соней. На этот раз она по-

казалась ему более привлекательной, чем прежде. А познакомившись с девушкой поближе, Денис Васильевич обнаружил в ее характере немало симпатичных черт. Соня не умела ни лгать, ни притворяться, ее слова и поступки дышали неподдельной простотой, в отличие от светских условностей.

Дмитрий Никитич Бегичев, знавший Соню с малых лет, и Сашенька, успевшая подружиться с ней, заметили, что отношение Дениса Васильевича к девушке изменилось. При первом удобном случае они стали говорить, что для него лучшей жены, чем Соня, не найти. Не забыли отметить, что она и скромница, каких мало, и хозяйка хорошая, и не бесприданница.

Давыдов признался Бегичевым, что Соня ему по душе и он не прочь посвататься к ней. Однако, помня печальный опыт предыдущего сватовства, предупредил, чтобы никто раньше времени о том не знал.

Предложение было сделано, Елизавета Петровна поблагодарила и обещала подумать. Однако ответ по неизвестным причинам задерживался, а Соня в доме Бегичевых уже не появлялась.

Дмитрий Никитич побывал у Чирковых и выяснил, что «добрые люди» успели нашептать матери, будто Давыдов – человек развратного образа жизни, гуляка, пьяница, безбожник и якобинец. В качестве доказательства представили его залихватские гусарские послания. Бегичев сообщил шурина, что старуха запретила дочери и думать о нем. Соня плачет и не знает, что делать.

Денис Васильевич заметил, что напрасно они это сватовство затеяли. И на другой день в расстроенных чувствах выехал в Петербург.

В отношении ланкастерских школ Закревский оказался прав: в Военном министерстве считали, что для солдатских детей лучшей школой являются военные поселения. Зато знакомые офицеры отнесли к хлопотам Давыдова о средствах для Херсонской ланкастерской школы с пониманием. Даже предложили в случае отказа генералов из министерства собрать необходимую для школы сумму по подписке среди гвардейских офицеров.

Соне Чирковой минуло 24 года, возраст для девушки по тем временам почти критический. Она помнила об этом, к тому же Денис Васильевич ей нравился. Соня никогда бы не решилась выйти замуж без материнского благословения, но споров с Елизаветой Петровной не прекращала, всячески защищая 34-летнего генерала.

Неизвестно, сколько продолжались подобные стычки между матерью и дочкой, если бы не заехал проведать Чирковых находившийся проездом в Москве князь А.Г. Щербатов. Старый генерал был другом покойного Чиркова, пользовался уважением и доверием его вдовы.

За обедом Алексей Григорьевич узнал, что за Соню сватается Давыдов, который служил под его началом в заграничном походе против Наполеона. Князь постарался развеять сомнения матери, обрисовав его в истинном свете. И в заключение одобительно заметил: «Давыдов, когда его хорошо узнаешь, только хвастун своих пороков».

Новый 1819 год Давыдов встречал в Петербурге. Необходимые средства для ланкастерской школы с

трудом, но удалось получить. Денис Васильевич сообщил в Херсон, чтобы вернется к концу января. Столичным друзьям о существовании Сони Чирковой даже не заикался.

В половине января Давыдов возвратился в Москву и услышал приятную новость: Елизавета Петровна согласилась выдать за него дочь. При встрече сообщила, что в качестве приданого молодожены получат сызранское имение с несколькими тысячами десятин земли и пятьюстами душами, а также винокуренный завод под Бузулуком. Старуха призналась, что не заметила у будущего зятя навыков в хозяйственных делах, но узнала его занятость по службе. И решила, чтобы до поры до времени практичная Соня сама своим приданым владела. Если приумножить не сумеет, то, по крайней мере, от разорения сбережет. Денису Васильевичу стало немного обидно. Однако если Соня покажет такие же способности в управлении имениями, как его сестра Сашенька, то лучшего нечего и желать.

3 февраля Давыдов известил Закревского:

«Проклятые люди, они меня соблазнили, и я вступил в вашу шайку и вчера сговорил. Невесту мою, верно, твоя Аграфена Федоровна знает; я прошу не отказать ей в дружбе своей, и душевно желаю, чтобы жена моя была с твоей, как я с тобой, друг любезный! <...> Видеть себя женихом еще не могу привыкнуть! Неужто вы вот так были смешны!»

Вскоре о предстоящей женитьбе узнали все друзья-приятели. 12 февраля А.И. Тургенев сообщил князю П.А. Вяземскому в Варшаву: «Денис Давыдов женится в Москве на дочери Ник(олая) Ал(ександровича) Чиркова».

Новоявленный жених обратился к Закревскому за содействием: «Постарайся выхлопотать мне отсрочку отпуска до конца апреля. Я было намерен был ехать теперь во чтобы то ни стало, весь расчет, что покамест я доеду, пока проживу недели две в корпусе, пост уже кончится и мне опять придется вторично проситься в отпуск для женитьбы...».

26 февраля отпуск Давыдову «был отсрочен» до конца апреля того же года. Кроме того, вышел приказ о переводе его начальником штаба в 3-й пехотный корпус, который пришелся как нельзя кстати. Соня желала после свадьбы ехать с ним в Херсон, хотя и смущало большое расстояние. А Кременчуг, где располагался штаб 3-го корпуса, был значительно ближе, а за городом в своем имении проживала ее тетя.

8 марта Давыдов поблагодарил Закревского и его супругу: «Пожалуйста, скажи мое почтение Аграфене Федоровне и поблагодари ее как от меня, так и от невесты моей за поздравления. Они давно знакомы – и надеюсь, что, узнав дружбу нашу, и они будут друзьями».

В апреле, на Красную горку, в одном из московских храмов был «первым браком повенчан» генерал-майор Денис Васильевич Давыдов с девицей Софьей Николаевной Чирковой «православного вероисповедания». Новобрачный поспешил известить Закревского: «Любезный друг Арсений Андреевич, уведомляю тебя, что 13-го вечером я принял звание мужа, которое поддержал со всею твердостью истинного христианина. Пожелай мне счастья от твоего сердца, скажи от сердца доброго и благодарного, и я буду счастлив!».

В начале мая молодые Давыдовы отправились в Кременчуг. По прибытии немало времени и сил пришлось потратить на обустройство скромной квартиры. В половине июня Денис Васильевич писал своему другу, начальнику штаба 2-й армии П.Д. Киселеву: «Приехав сюда, любезный Паша, я <...> нашел сыпучий песок по улицам, квартиру без стульев, без столов, с оборванными обоями и очаг почти среди гостиной. Теперь кое-как все сладил, по песку езжу на дрожках, а квартиру оклеил и замазал. Здесь канцелярия корпусного штаба в совершенной исправности, так что любо!».

Соня была мила и заботлива, интересовалась всеми делами супруга. Квартира их благодаря ее заботам превратилась в уютное гнездышко, по вечерам она садилась за клавиш. Слушая тихие напевы старинных романсов, Давыдов ловил себя на мысли, что никогда прежде не ощущал такого душевного спокойствия.

С родственниками Соня поддерживала связь через переписку. Ее тетя Екатерина Петровна, в замужестве Энгельгардтова, писала в Кременчуг: «Любезные друзья, Софья Николаевна и Денис Васильевич! С нетерпением ожидаю от вас известия, дабы туда вам писать. Итак вы господа военные, сегодня здесь, а завтра там <...>. Что вам до города, что вам <...> до общества. Вы вместе, вы любите, чего еще более?..».

Елизавета Петровна отправилась к ним в гости, чтобы посмотреть, как устроилась молодая семья на новом месте. Зять вел себя с тещей вполне корректно, даже просил впредь не оставлять их своими советами, что подтверждают сохранившиеся письма.

«Милой мой друг Елизавета Петровна! Душевно радуюсь твоему благополучию, видя своих счастливыми. Очень живо воображаю милой Софьи удовольствие видеть тебя у себя в гостях, с каким чувством она нам это описывала <...>. Остаюсь, сестра и друг Катерина Энгельгардтова».

В конце послания была сделана приписка: «Ми-

лой мой друг Софья Николаевна <...>. Слышу, что ты счастлива, всякая добродетель награждается <...>. Обоих вас обнимаю к сердцу и целую <...> К.Э.».

5 августа Денис Васильевич известил князя Вяземского о переменах в своей жизни:

«Я к тебе так долго не писал, потому что долго женихался, потом свадьба, потом вояж в Кременчуг, поездка в Киев и в Екатеринославль на смотри. Но едва приехал домой, как бросился писать к друзьям моим, из которых ты в голове колонны.

Что тебе сказать про себя? Я счастлив! Люблю жену всякий день более и более, продолжаю служить и буду служить век, несмотря на привязанность к жене милой и доброй, зарыт в бумагах и книгах, пишу; но стихи оставил! Нет поэзии в безмятежной и блаженной жизни! Надо, чтобы что-нибудь ворочало душу и давило воображение».

Если поэзии в безмятежной семейной жизни места не было, то свободно от службы времени хватало. «Ко мне прислали на тысячу рублей книг, – сообщил Давыдов Павлу Дмитриевичу Киселеву. – Я теперь весь зарыт в них и предпринял курс фортификации в Бусмаре, государственное хозяйство в Сее и *politique constitutionelle* в Benjamin Constant и Bentham, коих у меня полные сочинения. Времени много перед руками; давай учиться тем свободнее, что место начальника штаба совершенно пустое...».

22 декабря 1819 года Денис Васильевич снова уехал в отпуск, на следующий год летом вместе с женой посетил поместье Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии. В «необъятных степях» боевой генерал и даровитый поэт поначалу бывал наездами, а с 1829 года проживал с семьей там постоянно, до самой кончины. Благодаря этому незаурядному человеку Верхняя Маза, ныне входящая в состав Радищевского района Ульяновской области, получила широкую известность.

Софья Николаевна Давыдова (Чиркова)

Этот поэтический венок Денису Давыдову составлен из стихов жителей Ульяновской области, гостей Верхней Мазы, а также участников Межрегиональных Давыдовских чтений, которые из года в год проводятся в селе Верхняя Маза Радищевского района.

Отрадно, что наши современники продолжают пушкинскую и языковскую традиции поэтических посвящений Д.В. Давыдову. Среди стихов о герое-поэте и Верхней Мазе есть профессиональные, любительские и совсем детские. Но, согласитесь, вряд ли здесь уместно строго подходить к ним с формально-эстетических позиций. Нам дорог искренний порыв разных авторов, желание сказать свое слово о поэте-партизана. Здесь и динамичные стихи простого верхнемазинца, в старой избешке которого висит входная дверь давыдовского дома, сожжённого вскоре после революции. Мы слышим и как звучат гусарские маршевые ноты и верхнемазинские народные напевы в песнях земляков. Радует искреннее восхищение детей, участников традиционных Давыдовских чтений, удалью и благородством героя-гусара.

Именно поэтому в поэтический венок наряду со стихами признанных авторов вплетены строки самодельных поэтов. Мы в содружестве с поклонниками талантов великого сына России собрали более пятидесяти современных поэтических посвящений герою Отечественной войны 1812 года, оригинальному поэту и замечательному военному писателю. И твёрдо уверены: пока живы люди, пишущие, читающие, хранящие память о таких славных людях, как Денис Давыдов, есть духовное пространство. С таким настроением в Верхней Мазе празднуем 235-летний юбилей поэта-партизана. Пусть и в новых поколениях рождаются стихи и песни о Денисе Давыдове!

Софья Узбекова

«ЧЕСТЬ И ОТЕЧЕСТВО, САБЛЯ И СТИХ...»

Поэтический венок Денису Давыдову

Андрей ЦАРЁВ

ВЕЧЕР НА МАЗКЕ

Ах, как я Мазку уважаю,
Речушкой этой я живу.
К ней на свиданье приезжаю,
Любимой, ласковой зову.
И вижу будто бы впервые.
Она до боли дорога!
Здесь дали синие такие,
Здесь все в ромашках берега.
И воздух с ароматом мяты:
Всей грудью хочется дышать.
А уж закаты так закаты –
Таких в России поискать!
Проходит сумрак незаметно
Из темных чащей лозняков.
В закатный час в местах заветных
Все внемлет пенью соловьев.
И даже юные березки
Под тихий шепот ветерка
Взбивают пышные прически,
Зарей румянятся слегка.
Достойна речка удивленья,
Когда закатный час придет.
И ты не сможешь скрыть волненья –
Река чарует и зовет...
Да, в эту пору, в час свиданий,
Когда возлюбленную ждешь,
Во власти ты воспоминаний

Душой светлеешь и цветешь!
Поэт Давыдов ясноликий
Давно в стихах воспел её.
Ей все от мала до велика
Несут признание свое.
Такие мягкие здесь краски
Любил Давыдов неспроста.
Он на своей тихоне Мазке
Имел заветные места.
Еще любил он с крутояра
Глядеть за синюю кайму.
Там словно сполохи пожара
Тревожно виделись ему.
И будто пушки били глухо,
И где-то кони словно мчат...
Ан нет: кузнечики лишь глухо
В траве назойливо стучат...

Лев НЕЦВЕТАЕВ

НАПУТСТВИЕ СУВОРОВА

Солнце утреннее низко,
И не будит мать,
Но давно не спит Дениска –
Разве можно спать?

Столько было разговоров,
Некогда поесть:
Генерал-аншеф Суворов
Нынче будет здесь.

Вновь соловушка защёлкал,
Облака легки.
В майском поле за Грушевкой
Строятся полки.

Боевое знамя вьётся.
Марш! – За рядом ряд.
У мальчонки сердце бьётся
И глаза горят.

Пыль вдали галопом взбита.
С горки под уклон
Мчится всадник, сзади свита.
Неужели ОН?..

Удивительное дело:
Мелковатый рост,
На простой рубашке белой
Ни крестов, ни звёзд.

Надо лбом открытым вьётся
Хохолок смешной.
Что-то крикнул и смеётся.
(Может, надо мной?)

Вот мелькнул в тумане пыли
Гневный взгляд отца,
Вот уж кони обступили
Храброго мальчика.

– Ну, герой! – воскликнул конник, –
Чуть не сбили с ног.
Признавайся нам, полковник:
Это твой сынок?

Отвечал Василь Денисыч:
– Точно, мой старшой.
Неприменно надо высечь –
Вечно лезет в строй.

И сказал, смеясь, Суворов:
– Смелость – не порок.
Вижу в нём военный норов:
Он, помилуй Бог,

Нас заткнёт за пояс – ишь ты,
экий удалой!
Не умру – а он уж трижды
Выиграет бой.

Пролетело шалым скоком
Столько быстрых лет!
Сказанное ненароком
Всюду мчалось вслед.

И сверкало, и манило
Сквозь огонь и дым...
Только юность изменила –
Локон стал седым.

Только сильно запоздали
В силу злых причин
Эти крестики, медали,
Генеральский чин.

Да и годы в захоlustье,
В сызранской глуши,
Задувают тихой грустью
Огонёк души.

С той поры, как умер Пушкин,
В сердце злая хмарь.
Утром голову с подушки
Не взметнёшь, как встарь.

Не закинешь ногу в стремя,
Не взлетишь в седло...
Отошло лихое время,
Сердце отцвело.

Но спасибо этой жизни,
Ибо вся она
  славе, музе и Отчизне
  честно отдана!

Вячеслав СУСПИЦЫН

ЮБИЛЕЙНОЕ

Ухватить свою Лебедь-удачу
Кому дадено на скаку?
Лишь Суворовым предназначенному
Лейб-гусару и казаку.

Да поэту, отнюдь не салонному.
Аксельбанты, балы-мишура.
Гренадёров французских колонны
Партизаны берут на ура.

Это жизнь! И совсем не веселье,
Когда Родина горем полна.
И смертельной кружит каруселью
По долинам и градам война.

Но, воспрянув и телом, и духом,
В рост поднялся народ-богатырь.
От Можайска до Богодухова
Католические кресты.

Да, Европа отведала лиха,
Но горела-то наша Москва!
И взметённые яростным вихрем
Чётко в строфы слагались слова:

«Пусть... Но, чу! Гулять не время!
К коням, брат, и ногу в стремя,
Сабли вон – и в сечу! Вот
Пир иной нам Бог даёт».

Бог даёт, бог забирает
Славу в мирные года,
Но стихи, как пунш, играют,
Строки, словно повода.

И недаром Пушкин юный
Старшим братом называл,
Чтил элегий звонких струны,
Песен гордые слова.

Не грешно сейчас потомкам
И к тому же землякам –
Нам поднять под тост негромкий
В честь Давыдова бокал.

Владимир ВАРЛАМОВ

ТЕБЕ, МОЙ КРАЙ!

Сложить не смог я главной песни
В родном лазоревом краю,
Где дух живет гусарской чести,
Где верность Родине в строю.

Я помню лес, цветы на склонах
И возле школы обелиск.
К нему народ не шел с поклоном,
Почтить чтоб преданность и риск.

Стране не требовалось это,
Другим идеям отдан флаг.
И образ создан для поэта:
Кутила, мот и весельчак.

Прости, мой край, что век забвенья
Достался пламенным стихам.
Но вновь сегодня озаренье
В сердца приходит землякам.

Растет сознание и гордость,
И мы, Отечества сыны,
В ответ на глупость и на подлость
Твоею правдою сильны.

Прости, мой край, я мало сделал,
Чтоб ты сегодня лучше жил.
Скажу, душа всегда болела
По той земле, что я забыл.

Владимир САФРОНОВ

ДАВЫДОВ – ЖИВОЙ!

Как витязь из сказки, на резвом коне,
Гусар удалой часто видится мне.
Лихие усы, и огонь карих глаз,
Да грозная сабля, что в битвах не раз
Рубила врагов на российских полях.
«С ней славу свою приобрёл он в боях,
Гонял по лесам проклятых французов.
Недаром любил Дениса Кутузов!
Он был партизан, поэт-забияка,
Лихой генерал, бесстрашный рубака.
Герой! Бесшабашный гуляка-гусар,
Знаток колдовских женских ласковых чар.
В свободу влюблённый, в простор ковылей,
Был предан всем сердцем Отчизне своей.
Мы помним и чтим его мудрый наказ:
«Беречь от врага нашу Русь и Кавказ!»
...Пусть время течёт так быстро порой –
В памяти нашей Давыдов – живой!

ЗАВЕТНАЯ ЗЕМЛЯ

О, край родной, Давыдовым воспетый,
Лоскут российской дивной красоты!
Живёшь спокойно ты в земле заветной,
Среди поволжской светлой тишины.

Как ты мне дорог, уголок мой милый:
Хмельная ширь седых, степных полей,

Речушка говорливая под ивой,
Где в ней когда-то удил пескарей.

Здесь в Ендове крутые косогоры
Зимою покоряла детвора,
Текли здесь детства радостные годы,
И юности шла дивная пора.

В туманной дымке Атмала лесная,
Она, как сказка, манит и зовёт.
В краю любимом дружная, большая
Моя родня душевная живёт.

Весёлый нрав и юмор искромётный,
Напевных песен ширь и глубину
Впитал здесь дух святой и благородный,

Что в трудный час всегда спасал страну.
И, может, лучше где-то за границей,
Но мне милее непременно тут,
Где вдоль лощины распростёртой птицей
Лежит село, что Мазою зовут.

Николай ПОЛОТНЯНКО

ДЕНИС ДАВЫДОВ

Прекрасна поздняя любовь
На склоне лет, в седую зрелость.
Как шумно будоражит кровь
Поступков и речей несмелость!

Вон из деревни!
Вьётся пыль.
И коренник хрипит в запале.
Так жадно он давно не жил,
забыв на время об опале.

С дороги – прямо в шумный дом.
По-молодому сердце бьётся.
Он звонко щёлкнет каблуком
И в полонезе с ней сойдётся.

Поправит молодецкий ус.
Обнимет нежный стан девичий.
Старухи шепчутся? И пусть!
Ему сейчас не до приличий.

Никто не знает всё равно,
Что эта дева – не забава.
Дуэли, женщины, вино –
Дурная у гусара слава.

Красавиц много покорил
Герой гитары и сражений.
И сколь всего присочинил
Для стихотворных упражнений!..

Но эта пылкая любовь,
Уже последняя, быть может,
И шумно будоражит кровь,
И сердце холодом тревожит.

ГУСАР, ПОЭТ, ГЕРОЙ. Песня

Сл. *Николая Можаяева,*
муз. *Николая Королёва*
р.п. *Радищево*

Напал француз на русскую державу
Далёкою прошедшею порой.
Нашёл в России он худую славу,
Среди снегов обрёл себе покой

Припев:

Водил гусаров в бой
Да командир лихой,
Давыдов наш –
Гусар, поэт, герой!
Служил царю, Отечество любил,
В боях с врагом героя заслужил.
Владел штыком, стихи пером писал
Денис Давыдов – русский генерал.

Припев:

Водил гусаров в бой
Да командир лихой,
Давыдов наш –
Гусар, поэт, герой!
Хотим сказать, и это не секрет,
Прожил он в Верхней Мазе десять лет.
Усадьбу, парк и пруд нам не забыть –
Места бывлые надо возродить.

Припев.

Алексей АЛЕКСЕЕВ, г. Москва

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕНИСЕ ДАВЫДОВЕ

Не знаю, кем я в прошлой жизни был,
Но мне милей то время золотое,
И та пора, когда Денис Давыдов жил,
Когда над Русью встало небо грозное.
Быть может оттого, что был тогда
Гусаром я в его лихом отряде,
Меня влечет к себе эпоха та,
И хочется в гусарском быть наряде.
Лететь стрелой на бешеном коне,
Не кланяясь ни пулям, ни картечи,
Горя любовью к родной стране,
Рубить врага в пылу кровавой сечи.
А между схватками, в бивачной тишине,
Послушать, как стихи свои читает
Давыдов. Словно сокол к вышине,
Он, вдохновленный музой, воспаряет.
И хочется на стих его стихом
Своим ответить. Чашу поднимая,
Замолвить слово о наезднике лихом,
Поэта-партизана прославляя.
Да, видно из эпохи славной той
В двадцатый век я был судьбой заброшен.
Век жуткий, век суровый, скоростной,
Явился в этот мир, никем не прошен.
Не знаю я, гипотеза верна ль,
Что все мы кем-то в прошлой жизни были,
Но я сквозь годы всматриваюсь вдаль,
Где мы с Давыдовым в одном полку служили.

ВЕРХНЯЯ МАЗА Песня-баллада

Владимир Инчин
с. Верхняя Маза,
Юрий Русаков
р.п. *Радищево*

Спеть бы взახлеб, дорогие сельчане,
Песнь про родное село!
Так, чтобы струны души зазвучали,
В светлую даль увлекло!
Верхняя Маза! – село так зовется,
Что на развилке дорог...
Верхняя Маза! – и тропкою вьется
Сказ про родимый порог...

Словно любимая мамина сказка,
Там, где судьбы поворот,
Катится тихая реченька Мазка
Мимо отцовских ворот...
Вот и усад с чесноком, с огурцами...
Вот и родное крыльцо...
Вот и гармошка звенит бубенцами...
Вот и в улыбке лицо...

Шепчутся в светлой аллее березы,
Веря в покой тишины.
Катятся вдовьи горючие слезы
Прочь от проклятой войны,
Светлых вам снов старики-ветераны,
Снов про покой и уют!
Но бередят вас давнишние раны –
Спать по ночам не дают...

Времени Речка... В ней – знаний истоки
Для краеведов-друзей.
Знает Дениса Давыдова строки
Мазинский школьный музей.
Был партизаном-поэтом недаром
Наш легендарный земляк.
Слыл он в сражениях храбрым гусаром,
Яростным в громе атак...

Руки в мозолях. Рубаха вся в поте.
Всяк у других на виду.
Мазинцы! Други! Вы честно живете,
С совестью чистой в ладу!
В дар родниковой водицы попьете –
В знак плодородья полей!
Песню о Мазе родимой споете –
Станет душе веселей!

МАЗИНСКАЯ СТОРОНКА

Песня

Тамара Никитина
с. Верхняя Маза

1. Под горою, вдоль дороги,
Где течет Мазка-река,
Пораскинулась широко
Наша Мазинская земля.

2. Здесь великий жил Давыдов –
Воин, гений и гусар.
И о нем поем мы славу –
Все, кто молод и кто стар.

3. Вот мой луг, моё вот поле –
Сердцу милое село.
И мы счастливы, что предкам
Здесь родиться суждено.

4. Вот березовая роща,
Где резвится соловей.
Это русская глубинка
Стала родиной моей.

5. Обещаем мы потомкам
Нашу землю сохранить.
И как память о Денисе
Эту землю свято чтить.

ГУСАРСКИЙ МАРШ

Сл. Геннадия Щепалова,
муз. Юрия Русакова

1. Успехом легким окрылен, да, окрылен,
Вошел в Москву Наполеон, Наполеон,
Стремясь к престижу, стремясь к престижу,
Но тут был дан пришельцу старт,
пришельцу старт.
И покатился Бонапарт домой – к Парижу,
домой – к Парижу, домой – к Парижу.

2. России верный сын – солдат, да, сын – солдат,
Пошел врагу наперехват, наперехват
Денис Давыдов, Денис Давыдов.
Что было там в тылу врага, в тылу врага –
Закрыли белые снега, того не выдав,
Того не выдав, того не выдав.

3. Всем сердцем Родину любя, всегда любя,
Сам не щадил гусар себя, гусар себя
За честь Отчизны, за честь Отчизны.
Он партизан был и поэт, да, и поэт,
Провел в сраженьях много лет без укоризны,
Без укоризны, без укоризны.

4. Герою – слава! Как-никак, да, как-никак,
Денис Давыдов – наш земляк, да, наш земляк –
Молва – без лести, молва – без лести.
Во всякий век и всякий год, да, всякий год
Земли Российский патриот достоин чести,
Достойн чести, достоин чести!

Стихи школьников, участников Давыдовских чтений

Кривцова АНГЕЛИНА, Хлебодарная школа №18
Ростовской области

* * *

Век восемнадцатый... Время отважных.
Мальчик родился, назвали Денис.
Станет однажды героем бесстрашным –
Мальчик, взрослей, развивайся, учись!

Бойкий, задиристый и низкорослый,
Он не боялся почти ничего!
Просто ли было в боях? Нет! Непросто!
Только Отчизна – превыше всего!

Быть адъютантом у Багратиона –
Да уж, задачка не из простых...
Есть на войне для героя законы:
Честь и Отечество, сабля и стих.

Гордость России! Давыдов бесстрашен!
Смело в атаку – и враг посрамлён!
Стоит лишь вспомнить: гусар наш отважный
С детства Суворовым благословлён..

Максим АГАПОВ, Верхнемазинская средняя
школа имени Д.В. Давыдова

* * *

О сынах России говоря,
Вспоминаем сильных, храбрых...
Кто же знает, может быть, и я
Послужу когда-нибудь отважно?

Как Денис Давыдов на коне,
Саблей чужаков я разброшу
И спою о Родине своей:
Ведь красивей места я не знаю!

Антонина ЛОБКЕРЕВА, старший научный сотрудник Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова

ОБ АЛЕКСАНДРЕ ТИТОВСКОМ

Встречи сотрудников музея И.А. Гончарова с Александром Ивановичем Титовским были неоднократными. Но прежде чем перейти к рассказу об этих встречах, позволю себе привести некоторые сведения из автобиографии Александра Ивановича, которая была написана в сентябре 1991 года и хранится в его фонде Государственного архива Ульяновской области. Он пишет о себе следующее: «Я родился 7 сентября 1912 года в Дубовке Царицынского уезда, ныне Волгоградской области. В 20-е годы жил и оканчивал девятилетку в Сталинграде. Там же с 1930 по 1934 годы учился в художественном техникуме».

С декабря 1941 г. Титовский сражался на фронтах Великой Отечественной войны. После демобилизации в октябре 1945 г. попал в Ульяновск, куда во время войны была эвакуирована его семья. Здесь Александр Иванович работал художником-ретушёром в газетах «Ульяновская правда» и «Ульяновский комсомолец».

С 1963 по 1973 годы Титовский работал художником в областной типографии, а во время отпусков путешествовал по лермонтовским местам Кавказа. Большинство сделанных там зарисовок художник передал в краеведческий музей Пятигорска. После выхода на пенсию в 1973 году Александр Иванович занимался поисками связей Лермонтова с Симбирском.

«Восьмидесятые годы были ознаменованы в моей работе двумя параллельными интересами, – вспоминает Титовский в автобиографии. – Была создана серия зарисовок «Ульяновская старина» (хранится в краеведческом музее), а также работа по доказательствам подлинного гончаровского, связанного с романом «Обрыв», места у Киндяковской роши...». Наши встречи с Александром Ивановичем и были связаны с этой его работой. Хорошо помнятся многочасовые прогулки по Винновской роше,

когда он уже не молодой, опираясь на палочку, водил нас по тропинкам роши, показывая на местности, как перемещались здесь герои гончаровского «Обрыва».

Александр Иванович сделал уникальную, очень тщательную и кропотливую работу: он на реальную топографию имения Киндяковых (д. Винновку, господскую усадьбу, рошу) наложил топографию романа «Обрыв». Притом он не просто составил план с указанием маршрутов прогулок Веры, Райского и других героев романа, а скрупулёзно проработал текст романа, подтверждая каждую позицию плана цитатами. Он даже сделал рисунки-иллюстрации для большей наглядности и убедительности. На основе переданных в музей Гончарова материалов А.И. Титовского был создан компьютерный вариант наложения романной топографии на реальную топографию имения Киндяковых, который сейчас представлен в музее писателя.

Незадолго до смерти Александр Иванович пришёл в музей И.А. Гончарова с новым своим исследованием: он определил размеры городской усадьбы Музалевских и доказывал, что фруктовый сад, упоминавшийся в воспоминаниях родственников писателя, был частью усадьбы Музалевских. Александр Иванович считал, что есть все основания обозначить в городе ещё одно гончаровское место. Мы с ним прошли по этим местам, запомнили чувство удивления и уважения к серьёзной, всесторонней проработке поставленной проблемы.

Александр Иванович передал музею два плана и статью с пояснениями к планам. Тогда музей уже приступил к подготовке 200-летнего юбилея писателя, к созданию новой экспозиции, и мысль Александра Ивановича как-то обозначить ещё одно гончаровское место в городе не была реализована.

В этом году исполнилось 150 лет публикации романа «Обрыв» в журнале «Вестник Европы», на следующий год столько же лет исполнится первому отдельному изданию романа. К столетию Гончарова в Винновской роше установили памятник писателю в ознаменовании того, что эти места он описал в «Обрыве», может быть, мы продолжим эту традицию и отметим памятным знаком ещё одно место, связанное с созданием этого романа. Тем более что это место расположено в районе бывшего театра «Рассвет», отсюда открывается прекрасный вид на Волгу, но сейчас оно несколько запущено. Может быть, памятный знак, связанный с именем И.А. Гончарова, поможет его благоустроить.

Предлагаем читателям познакомиться со статьёй А.И. Титовского.

Наша справка

Александр Титовский (1912 – 2004), художник, краевед. Автор зарисовок «Ульяновская старина», серии рисунков, посвящённых лермонтовским местам (хранятся в Пятигорском музее), автор иллюстраций к роману И.А. Гончарова «Обрыв», исследователь темы «Гончаров и Симбирск».

Александр ТИТОВСКИЙ

РАЗГАДКА ПОТЕРЯННОЙ СВЯТЫНИ

Казалось бы, что может краеведу дать знание, где в Симбирске находился, был ли вообще фруктовый сад Гончаровых с беседкой?

Случайные для меня позывные из истории свидетельствуют: симбирские родственники Ивана Александровича Гончарова настаивают даже на том, что обрыв, описанный в романе того же имени, находился не в Киндяковке, а в саду его матери, расположенном в городской черте, на том же горном берегу Волги. Здесь же находилась и беседка, напоминая ту, где, по роману, произошло роковое свидание Веры с Марком Волоховым¹.

О том, где в «городской черте» был этот сад, несколько уточняет подпись под фото 1861 года А.И. Зотова: «Александр Иванович Зотов, состоятельный купец, имевший усадьбу в Зотовском переулке, где у Гончаровых был большой фруктовый сад (разрядка моя – А.Т.)»².

Предпринятые мной поиски подлинного места действия романа «Обрыв», определившие это место у нынешней Беседки-памятника Гончарову, доказали абсурдность утверждения родичей писателя, не соизволивших внимательно прочитать роман <...>

Садовое «дело», однако, этим не закончилось, а имело неожиданный поворот и продолжение. Началось издали и как будто с постороннего. Этим летом, с августа, я начал выходить с акварелью на пленэр. Для работы над эскизами зимой нужны были кое-какие натурные зарисовки. Но я не остановился на этом. Однажды из магазина в старинной северной части города я возвращался пешком, и так меня захватила кружевная, деревянная старина прихотливых обывательских особняков! И я решил: пока не снесли, что-то следует зарисовать. От задумки до дела время не затянулось: находил и писал наиболее эффектные, типа теремов. Затем пришла мысль: а не продолжить ли «Симбирскую старину» Архангельского, ведь далеко не всё успел запечатлеть этот художник. И с авторучкой в руке насчитал я к теремкам ещё более двадцати; замысел разрастался, зарисовки нуждались в атрибуции. Случившийся разнобой в свидетельствах старожилов по одному объекту на бывшем Тихвинском спуске принудил засесть в архиве.

И тут выявилось такое, что заставило отложить в сторону архитектурную старину. В Окладной книге налогов с недвижимого имущества за 1867 год среди домов владельцев на Тихвинской улице по соседству с усадьбой купца Зотова значилась, очевидно, признаваемая за гончаровский сад на самом деле усадьба с садом родственников писателя – Музалевских. Для меня, надавно завершившего гончаровский интерес в Киндяковской роще, сад Музалевских на Тихвинской улице – неожиданно новая грань того же интереса. И вот почему. Известно, что в свой последний приезд на родину летом 1862 года Гончаров гостил, вопреки однажды написанному, не у брата Н.А. Гончарова и у сестры А.А. Кирмаловой³, а у младшей своей сестры, по мужу Музалевской. Как вспоминала её приёмная

дочь Евдокия Петровна (по мужу Левенштейн) свидетельница жизни Гончарова у Музалевских, ещё до приезда на родину писатель писал сестре, что он «думает на досуге работать в Симбирске над новым романом. ...Он писал, вероятно, «Обрыв», так как часто что-то шутил со мной, называя меня «Верой», а племянницу моего отца – «Марфенькой» на том основании, что племянница имела склонность к хозяйству, а я – к книгам и музыке»⁴.

Задуманный в Симбирске в 1849 году, беспорядочно создаваемый в кругосветном путешествии в 1850-х годах, роман «Обрыв» в основном писался и даже отдельными главами публиковался в 1859, 1860 и 1861 годах и, как можно сказать предположительно, в 1862-м году. Что же заставило Гончарова, писавшего «Обрыв» за рубежом, приехать для работы над ним в Симбирск? Довоенный исследователь романа «Обрыв» Злобин подтверждал: «Поездка его (Гончарова – А.Т.) летом 1862 года в Симбирск дала ему новые наблюдения и впечатления. Летние Симбирские впечатления были использованы при обрисовке многих персонажей романа. В это лето он часто посещал Киндяковку, где был крутой обрыв на берегу Волги...»⁵. Не со всем сказанным выше можно согласиться. Как раз нового материала для обрисовки героев своего последнего романа в этот приезд в Симбирск Гончаров не мог иметь, потому что вёл замкнутый, чуждый общения с людьми образ жизни. «Ему, разумеется, отдали самую лучшую комнату в доме, – свидетельствует Левенштейн, – и предоставили сад, в котором он проводил большую часть времени, беспрепятственно работая в беседке. Он был очень доволен всем, говоря, что не столько дорожит комфортом, сколько тишиной и свободой для своей работы... Он просил, чтобы к нему никого не допускали. Если он на улице завидит, бывало, ещё издали кого-либо из наших знакомых, то тотчас же сворачивает куда-нибудь в сторону, избегая встреч... К его счастью, в городе летом почти никого не было, все помещики разъехались по своим именьям». Гончаров избегал встреч даже со своим старшим братом Николаем Александровичем, преподавателем мужской гимназии. «У нас в доме, – вспоминает племянник Александр Николаевич, – в этот период Иван Александрович был всего раз или два». К этому надо добавить, что никого из тех, кто чем-то способствовал в 1849 году зарождению образов будущего романа, теперь уже не было, в том числе и в самой Киндяковской усадьбе.

Будет, на мой взгляд, вернее сказать, что в этот последний приезд в Симбирск Гончаров имел главным намерением для продолжения работы восстановить в памяти во всей широте и достоверности уже во многом забывшиеся впечатления 1849 года от места у Киндяковской рощи. Очевидно, возникшие уже позднее сюжетные перепаити романа, намечавшиеся в пейзаже, требовали новых свежих натуральных впечатлений и уточнений. Известно, что прототипы как живые импульсы для начала работы являются для художника необходимостью не толь-

ко для обрисовки действующих лиц – персонажей, но и для изображения их окружающих интерьеров, пейзажа. В отношении последнего у Гончарова литературовед Цейтлин писал: «В русской литературе немного произведений, где пейзаж играл бы такую существенную роль, вплетаясь в повествование и участвуя в нём»⁶. Добавлю: и право на вымысел не исключает присутствия в описаниях места действия конкретного увиденного в природе, что, как я доказывал в другой работе, тоже весьма присуще Гончарову-художнику.

О том, что пейзажные дополнения в романе действительно имели место после 1862 года, свидетельствует хотя бы этот пример – описание усадьбы Бережковой в главе «Бабушка»⁷, основанное на впечатлениях от подлинной усадьбы Киндяковых 1849 года, ничем не отличается от окончательного (1869 г.) текста романа. Однако эпизод прогулки Райского с бабушкой по хозяйству имеет в завершённом романе подробности, которые отсутствовали в главе «Бабушка» (1861 г.). Бережкова показывает Райскому двор. «Ты что стоишь? – оборотилась она к Матрёне – Поди скажи Егорке, чтобы он бежал в село и сказал старосте, что мы сами идём туда. В саду Татьяна Марковна откомендовала ему каждое дерево и куст, провела по аллеям, заглянула с ним в рощу с горы, и наконец они вышли в село». В главе «Бабушка» (1861 г.) ни рекомендаций деревьев и кустов, ни аллей в саду, ни схода с горы рощей нет. Они появились, причём не выдумались, а подсказались натурой, после посещения Киндяковки в 1862 г. Тогда же, очевидно, окончательно обозначились в подробностях и эпизоды, разыгравшиеся на природе, – прогулка Райского вокруг усадьбы в грозу, поиски Райским Веры в церквях.

Достоверность посещения Гончаровым в 1862 году Киндяковской усадьбы с рощей и обрывом подтверждают свидетельства его родных. «Лето стояло прелестное, – вспоминал племянник Александр Николаевич, – и мы с ним (Гончаровым – А.Т.) предпринимали продолжительные прогулки в Киндяковскую рощу, к Волге, в Поливну...». Несомненно, туда же – в Киндяковскую рощу – Гончаров хаживал и со своей племянницей, юной Софьей Кирмаловой, с которой, со слов родных Суперанскому, любил прогуливаться в это лето писатель.

Итак, гостя у Музалевских в Симбирске 1862 года, Гончаров работал над романом «Обрыв». Факт этот местным краеведам известен. Однако никто из них не пытался узнать – потому это оставалось в неизвестности, – где располагалась городская усадьба Музалевских. Между тем вполне понятно, что определение местоположения этой усадьбы дало бы городу ещё одно гончаровское место. Если учесть, что на сегодня в городе официально признанное, связанное с жизнью самого писателя только одно место – дом, где он родился, важность найденной в Окладной книге записи вполне очевидна.

Что же конкретного она преподнесла? В ней по Тихвинской улице, после владения купца Зотова (два флигеля с фабрикой, кузнецей, холодным строением и садом) указывались усадьбы: титулярного советника Ивана Григорьевича Григорьева (деревянный дом с холодным строением), коллежского асессора Михаила Васильевича Али-

ева (деревянный дом на каменном фундаменте с холодным строением); доктора Петра Авксентьевича Музалевского (деревянная лавочка с жильём, флигель, сад и холодное строение) (разрядка моя – А.Т.); коллежской регистраторши Матрёны Ивановны Слепцовой (деревянный дом с антресолю и холодным строением); коллежского асессора Петра Алексеевича Михайлова (деревянный флигель).

Короче говоря, записью в книге обнаружилось существование в послепожарное время городской усадьбы Музалевских с ближайшими к ней соседями, но без указания места расположения. Это обстоятельство местным краеведам не было известно. Ведущий из них, Бейсов, писал, что Музалевские, обзаведясь капиталом, «приняли участие в железнодорожном предприятии и доверили деньги дельцу Алаеву, который скрылся, разорив Музалевских...». Задолго до Бейсова гончаровед Суперанский утверждал, что Музалевские, «разорившись, переселились в Москву». Вот и всё.

Естественно, с обнаруженной записью явилось желание знать, где на современной местности располагалась усадьба Музалевских, и тут же возник вопрос, с чего начать поиск.

Ещё по моей «лермонтовской» работе мне был известен ценнейший графический документ местного ульяновского архива – Топографический хозяйственный план губернского города Симбирска 1871 – 1872 годов. На нём, помимо общественных, показаны все частные домовладения, но без названия их владельцев. Усадьбы в пределах квартала имеют только порядковую нумерацию. Если, – раздумывал я – из шести названных в Окладной книге владений найти и указать на этом плане хотя бы одно, был бы определён примерный участок местности, вблизи которого располагалась интересующая усадьба; при обнаружении же двух владений установлено её точное местоположение на плане. Возникшая мысль подсказала начало работы. Прежде всего скалькировал в цвете из «хозяйственного плана» часть города с Тихвинской улицей, затем стал просматривать в архиве сборники строительных планов тех времён и отдельные дела – разрешения на постройку частным лицам.

Мне повезло сразу: обнаружилось два плана усадеб Григорьева и Алаева; нахожу их место на «хозяйственном плане». Выясняю следующее: в углу на стыке Тихвинского переулка и Тихвинской улицы – усадьба купца Зотова под №9; севернее (вверху) – Григорьева под №10; ещё выше – Алаева под №11; Музалевских под №12; влево (к западу) – Слепцовой под №13; Михайлова под №14. Причём дворовая часть усадьбы Музалевских одной стороной по переулку, другой по Комиссариатской улице. По ней же и оба следующие владения (см. план «а»).

Данные эти требовали проверки, так как сведения из Окладной книги – за 1867 год, а «хозяйственный план города» – 1871 – 1872 годы. Просматриваю Окладные книги за 1871, 1872, 1874 годы. Да, разница есть. В Окладной книге за 1874 год под №12 «Хозяйственного плана» взамен Музалевских значится владельцем мещанин Шахторин; переулок Тихвинский (южный) стал именоваться Зотовским, а владения Шахторина, Слеповой и Михайлова зна-

чилились уже по Комиссариатской улице.

Вся территория, по которой располагались по Окладной книге и «хозяйственному плану» перечисленные выше частные владения, в наши дни находится между областной стоматологической поликлиникой и улицей Степана Разина с кинотеатром «Рассвет» в центре. С помощью шагов, на глаз я прикинул, в каких границах на этой местности проглядывалась усадьба Музалевских – Шахторина «Хозяйственного плана» 1871 – 1872 годов. Для более точного представления требовался план современного участка этой местности – его не оказалось в Гражданпроекте. План я обнаружил и скалькировал в общих чертах в управлении архитектуры. А.И. Маркелычев с моего рисунка по этой кальке сделал фото, и в масштабе имевшейся у меня кальки фото той же местности «хозяйственного плана» 1871 – 1872 годов. Совмещение фотографий и последней кальки показало достаточно точно место усадьбы в наши дни (см. план «б»). Вот так было обнаружено мною ещё одно (после усадьбы Бережковой) примечательное «гончаровское» место в городе. Обнаружено, но ещё полностью не определено.

Как мы знаем из юбилейного Гончаровского каталога, в Зотовском переулке у Гончаровых (а как теперь выяснилось – у Музалевских) был «большой фруктовый сад». Но как можно назвать «большим» сад, если при повторном его определении на действительном месте он занял 45 на 45 метров? Сомнение вызвало новый вопрос: а была ли найденная усадьба Музалевских – Шахторина 1871 – 1872 годов в тех же границах, в каких она находилась у Музалевских в допожарном «гончаровском» 1862 году. Где гарантия того, что сад в прошлом не был более обширным, при том что, как видно по «хозяй-

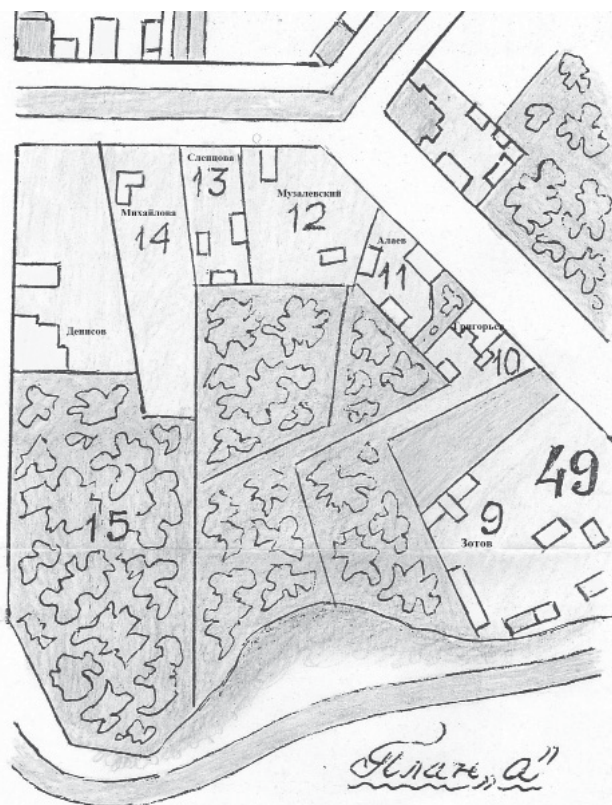
ственному плану» 1871 – 1872 годов, окружён соседними садами?

Вновь читаю и рассматриваю в копиях и кальках текст, планы владений; и тут выявились некоторые, не обратившие на себя прежде внимание, весьма существенные детали.

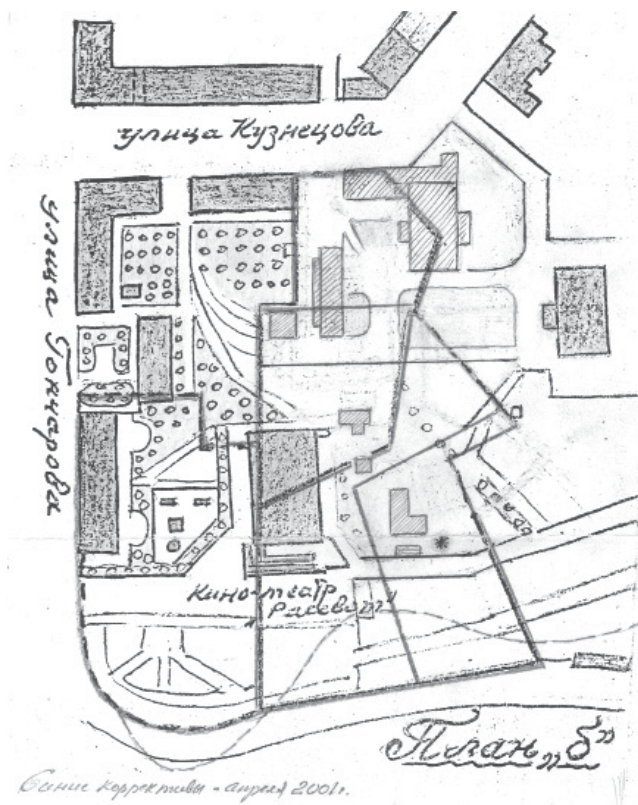
В Окладной книге 1867 года при указании содержания в каждом из владений по Тихвинскому переулку (от Зотова до Михайлова) только у двоих – Зотова и Музалевских – упоминаются сады. В «Сборнике строительных планов» за тот же 1867 год у двора Григорьева тоже сада не числится, у Алаева есть, но незначительный. А вот на «хозяйственном плане» 1871 – 1872 годов у Григорьева и Алаева сады имеются, причём находятся они далеко в стороне от дворов, территориально, или, можно сказать, органически, не связаны с ними – вынужденно соединены длинными и узкими переходами (см. план «а»), что убедительно говорит об их позднейшем, после дворов, приобретении владельцами.

К сожалению, пока остаётся неизвестным время и условия продажи Музалевским своего владения Шахториным. Можно лишь думать, что, решившись на переезд в Москву, Музалевские или сами частями распродали свою усадьбу, или это позднее, после них сделал новый владелец Шахторин, оставив при этом за собой место с границами, указанными в «хозяйственном плане» 1871 – 1872 годов.

В пользу последнего предположения, по одному лишь месту, есть следующее косвенное свидетельство: архивный документ-закладная от 22–25 августа 1867 года «на дом» со всем при нём строением и землёю (разрядка моя – А.Т.) штабс-капитана А.Н. Денисова⁸, правого (по Большой Саратовской – ныне улице Гончарова) соседа Музалевских.

План А1

План Б2

Ещё при них, в 1862 году Денисовым у ротмистра Л.В. Королькова было куплено место, на котором он после пожаров возвёл деревянный двухэтажный дом на каменном фундаменте, с надворным строением; причём при образовавшемся дворе (37 на 38 саж.), в 1867 году, как следует из закладной, сада не имелось. Между тем, по «хозяйственному плану» 1871 – 1872 годов, к двору Денисова с южной стороны примыкает значительно превосходящий по размерам сад, граничащий в восточной части с садом Алаева. Откуда взялся у Денисовых сад?

Очевидно, после 1867 года, как и Алаев с Григорьевым, он приобрёл сад у Шахторина, что, само собой, позволяет признать его допожарной собственностью всё тех же Музалевских.

Таким образом, на основе всего вышесказанного (и показанного) есть основания считать, помимо дворовой части, только территорию бывшего сада Музалевских, в следующих, на современной

местности общеочерченных границах: прямая от старой котельной, через кафе, до обрыва к улице Степана Разина; отсюда – по кромке обрыва до поворота на улицу Гончарова, от него – до сквера перед агенством Аэрофлота; от скверика – снова к котельной. Территория эта, если учесть размеры площадей обычных, городских, внутриквартальных садов, вполне отвечает данному Суперанским в юбилейном каталоге, определению сада Музалевских – «**большой** фруктовый (разрядка моя – А.Т.)», а по месту расположения – «в городской черте» и утверждению (по Суперанскому) родственников Гончарова.

Вот так, благодаря случаю, был рождён, брошен на поиск мой интерес к усадьбе Музалевских, приведший к её определению в современном городском квартале, т.е. установлено ещё одно «гончаровское» место на родине писателя.

¹ Суперанский М. И.А. Гончаров и новые материалы для его биографии. Вестник Европы, 1908. Т 6. Кн. 11. С. 22. Сноска 2.

² Каталог юбилейной выставки Гончарова. 1912 г. С. 12.

³ И.А. Гончаров в портретах и иллюстрациях, документах. Пособие для учителей. Л., 1960. С. 247.

⁴ И.А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969.

С. 36.

⁵ Литературная учеба. 1937. №7. С. 46-53. Злобин В. Как создавался «Обрыв». С. 36.

⁶ Цейтлин А.Г. И.А. Гончаров. М., 1950. С. 28.

⁷ Отрывок из романа «Обрыв» – «Бабушка». Отечественные записки. 1861. №1.

⁸ ГАУО. Ф. 317. Ед. хр. 720.

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Иван СИВОПЛЯС родился 9 сентября 1972 года в городе Москве. Ульяновский историк, краевед, архивист, журналист, автор книги «Прогулки по Московской». В 1994 году дебютировал в печати стихотворной подборкой.

НАПИСАНО В ПИТЕРЕ

31 ОКТЯБРЯ 2017 ГОДА

среди петербургской
сырой погоды
вдруг понимаешь
всю тихую мудрость
Ильи Ильича
что лежал на диване
кусачий ветер
и вечная слякоть
мало способствуют
променадам
и только
любовь твоя
сердце греет
когда гуляю
вдоль чёрной Фонтанки

2 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

где дом
Ильи Обломова
на улице Гороховой? –
про это
кроме автора
не ясно никому
кусают ветер за руки
а Солнце
светом радует
из неба петербургского
и радуюсь ему
на улице Гороховой
твоей
любимой улице
на улице Обломова,
любимая моя!

7 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Солнышко
на питерских
улицах и крышах
солнечные лучики
небо голубое
улицей торопятся
люди и машины
не хватает одного –
нет тебя со мною...

настоящую любовь
время не излечит
время приближает
миг
желанной встречи!

1 МАЯ 2018 ГОДА

в крыши и в тротуары
лупит сердитый дождик
питерская погода
небо темно и серо
ветер рвёт капюшоны
и зонтики у прохожих
во время моей пробежки
по Загородному проспекту
над крышами – пара чаек
к тебе обращаю сердце
и радуюсь, ощущая
тепло твоё и молитву

6 МАЯ 2018 ГОДА

Федор Михайлович
Достоевский
жил в доме
на улице Егорова
улица
называлась по-другому
а Федор Михайлович
всё тот же

6 МАЯ 2018 ГОДА. ВЕЧЕРОМ

на Измайловском
наискось от собора
запряжённая парой
какета – как тыква
к ней привязаны
карие тихие пони
тётя в сером
спортивном костюме –
возница –
лимонад пьёт
из пластиковой полторашки
был бы
сахар в кармане
или морковка...

9 МАЯ 2018 ГОДА

ветер
над Первой
Красноармейской
с шумом раскачивает
транспаранты
вечер
прохожие и машины
гляжу из окна
на мир и на небо
безнадёжно
до дрожи
в тебя влюблённый

21 ОКТЯБРЯ 2018 ГОДА

Питер
встречает
теплом и солнцем
а сердце моё
по тебе
томится
как там
тебе
без меня живётся
как улыбается
дышится
спится
день
постепенно
сменяет вечер
и без разлук
не случаются встречи

22 ОКТЯБРЯ 2018 ГОДА

небо Питера
плачет тихонечко
я в каплице
молюсь и думаю
как там
Маша моя
моё Солнышко
светловласое
сероглазое
счастье
значит
друг друга
радовать
даже маленьким
света лучиком
и тогда нам
становится лучше
когда нам
друг о друге
думается

**26 ОКТЯБРЯ 2018 ГОДА.
ВЕЧЕРОМ**

пойду гулять
сегодня я
в Гороховую улицу
искать,
где дом Распутина

и, может,
дом Обломова
по мокрому
поребрику
с шавермой
и гречёю
и ангелом-хранителем
товарищем
и спутником
скорее бы
скорее бы
к тебе,
моя любимая...

31 ОКТЯБРЯ 2018 ГОДА

из петербургского неба
дождик
тихонько
накрапывает
думаю о тебе
дорогая моя
любовь не придумана
она просто есть
и всё тут
мир вокруг нас
она делает лучше
и в сердце живёт

**31 ОКТЯБРЯ 2018 ГОДА.
СУПРУЖЕСТВО**

дверь в вечность
распахнута
и над нею
две птички
клюют
от плодов
Воскресения
виноград
и небесный хлеб
смерти нет
любовь побеждает
смерть

2 НОЯБРЯ 2018 ГОДА

тёмная вода
под мостом
на котором
сфинксы из бронзы
женского пола
тьма
над водой
над мостом
надо мною
как бы хотелось
быть рядом
с тобою
полог небесный
расстелен над нами
над водами
арками
и куполами

Оксана РЯБОВА

ЗВУЧАЩАЯ НАД ВОЛГОЙ ЛИРА

В областной библиотеке для слепых состоялась презентация аудиосборника стихотворений поэтов Ульяновской области «Звучащая над Волгой Лира».

Сборник создан из произведений ульяновских авторов на разные темы: о любви, дружбе, добре, родном крае и многом другом.

Особенностью аудиокниги является то, что стихи записаны в исполнении самих авторов. Именно голоса отражают характер каждого из них. Также авторы говорят о себе, своём творчестве и делятся советами с начинающими поэтами.

В создании диска приняли участие поэты: Ольга Вольнова, Елена Кувшинникова, Марина Курылёва, Виктор Малахов, Николай Марянин, Андрей Медведев, Татьяна Мельник, Татьяна Толоконникова, Александр Филатов, Андрей Цухлов, Мария Шакун, Елена Яговкина.

На диске представлена и «звучащая поэзия» ульяновской поэтессы Елены Токарчук (1976 – 2007). Использована авторская архивная аудиозапись. Также в подготовке диска приняла участие Любовь Константиновна Токарчук. Она прочитала стихи дочери и рассказала о её жизни и творчестве.

Каждый читатель (слушатель) аудиокниги найдёт в ней что-то своё, близкое его сердцу.

Идёт запись

*М. Курылёва
и А. Медведев*

Т. Толоконникова

О. Вольнова

Т. Мельник

А. Филатов

В. Малахов

Е. Кувшинникова

Диск можно получить для прослушивания
в Ульяновской библиотеке для слепых.
Адрес: ул. Верхнеполевая, 11. Тел. 8-8422-44-53-36.

*Владимир АРТАМОНОВ, член Союза писателей России,
доктор филологических наук*

БЕЛЫЙ КОРАБЛИК НАДЕЖДЫ

СТИХИ-ПЕСНИ

ЖИТЬ

Гимн максималиста

Жить – это значит петь,
сметь, попирая смерть,

плыть, налегать на вёсла,
зимы встречать и вёсны.

Жизнь – бесконечный бой,
схватка с самим собой:

перед соблазном стоек,
значит, чего-то стоишь.

Жить значит выбирать,
в чью становиться рать,

правды какой держаться,
с кем за неё сражаться.

Жить – это значит греть,
ярко пылать – не тлеть,

чтобы судьбы ветрами
лишь раздувалось пламя.

Жить значит брать вполне
и отдавать вдвойне,

встреченным по дороге
не отказать в подмоге.

Жить – это значит петь,
сметь, попирая смерть,

плыть, налегать на вёсла,
зимы встречать и вёсны –

жить – это значит петь!

КАПИТАН

Мир... он, в сущности, ни плох, ни хорош:
тут найдёшь, там ни за грош пропадёшь.
Что сулит удачу, в чём скрыт подвох,
в курсе разве что один Господь Бог.

Ну а я не Бог, но я и не тля:
если жизнь – корабль, то я у руля.
Есть ещё Земля, и есть Океан...
Но на судне этом я капитан!

Что с того, что штормовая волна
мой корабль в пучину ввергнуть вольна?
Я ведь тоже волен (тем и живу)
удержать корабль свой на плаву.

Так что всё здесь по-честному:
победителя чествуют.
А сломался,
покорился волне –
тебе самое место на дне!

Ну а книгу моего бытия
если пишет кто, так точно не я.
Мне сдавать по ней мой главный урок –
вот я и учусь читать между строк!

Так что я не Бог, но я и не тля:
если жизнь – корабль, то я у руля.
Есть ещё Земля, и есть Океан...
Но на судне этом я капитан!

ШАМАН

Прежде был рус, а вот теперь сед я –
каждый фрегат однажды найдет свой риф...
Только привык я доверять сердцу,
а у него твёрдый, живой ритм!

В сердце моём шаман. Вот он бьёт в бубен:
духам Земли и Неба, Воды и Огня
подан сигнал – и духи меня любят,
и не гнобят – духи хранят меня.

В сердце моём шаман. Вот он бьёт в бубен:
духи Земли и Неба, Воды и Огня
пляшут вокруг и никаким бурям
не отдадут, не предадут меня.

В жизни я трус, но не страшусь смерти.
Это не трёп и не игра рифм,
ведь если вдруг смолкнет моё сердце,
в песнях моих тот же живой ритм.

В песне моей шаман. Вот он бьёт в бубен:
духам Земли и Неба, Воды и Огня
подан сигнал – и духи меня любят,
и не гнобят – духи хранят меня.

В песне моей шаман. Вот он бьёт в бубен:
духи Земли и Неба, Воды и Огня
пляшут вокруг и никаким бурям
не отдадут, не предадут меня.

МНЕ ЖАЛЬ

Мне жаль
бездомных псов и бесприютных птиц –
потерянных и сбившихся с пути
мне жаль.
Я не крылат и не четвероног,
но был таким же пасынком дорог,
пока не понял, что не одинок...

Мне жаль:
в саду моем не вызрел виноград
и гроздьё бесполезные висят –
мне жаль.

Им солнечных недоставало дней,
так было и со мной до встречи с ней –
с любимой день светлей, а ночь нежней...

Мне жаль:
полвека как корова языком...
И мальчик всё же станет стариком –
мне жаль...

Благословляю день и час любой,
что были мне отпущены судьбой
и прожиты, любимая, с тобой...

ТЫ – ЖЕНЩИНА

Причина моих кручин,
последствие всех причин,
страшнейшая из пучин –
ты, женщина!
Тобою душа больна,
ты, словно весна, вольна
покою лишить и сна –
ты – женщина!

Допустим, что я – моряк,
себя потерял в морях,
мой парус и мой маяк –
ты, женщина!

Лечу на твою свечу
и имя твоё шепчу,
ведь всё, чего я хочу,
ты, женщина!

Валяюсь ли пьяный в хлам,
стою ли у входа в храм,
за пультом вселенских драм
ты, женщина!

А смилуется творец,
воздастся мне наконец,
серебряный мой венец –
ты, женщина!

ВЕСЕННЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ

Календарь листает
страна у окна:
снег лежит – не тает...
А всё же ВЕСНА!

Вровень с ночью длится
и светится день...
на подлёте птицы –
и пары недель

не оставим стуже –
ну же, брат Март!
Мы осилим, сдюжим –
верный твой бард –

под твои штандарты
сзываю войска.
Победа близка –
середина марта!

Треть из нас гриппует –
введён карантин,
а душа ликует,
и я не один,

ведь
вровень с ночью длится
и светится день...
на подлёте птицы –
лишь пара недель,

и отступит стужа –
ну же, брат Март!
Голос мой простужен,
но я-таки бард!

Под твои штандарты
сзываю войска.
Победа близка –
середина марта!

СОСЕД, ЧТО ВЫШЕ ЭТАЖОМ

Сосед, что выше этажом,
живёт, должно быть, к Богу ближе
(я тоже Богом не обижен,
а всё же ниже этажом)...

Меж ним и небом только крыша...
Известна прочность наших крыш...
И милость Божья льётся свыше
лишь на него, а прочим – шиш!

Но на судьбу свою не сетуй,
живущий подо мной сосед! –
Бог справедлив и милосерд –
всё, что не верхнему соседу, –

твоё! Хранят тебя от скуки
тревоги, частые разлуки,
недуги – успевай, лови,
живи и Бога не гневи!

Он справедлив и милосерд...
Пою я не о Боге, впрочем,
на деле всё гораздо проще:
меня опять пролил сосед...

АНТИЗАВИДАНТ

Не завидуй брату, брат,
а другу – друг!
Пусть богаче брат стократ –
а друг стокрут!
Выпить антизавидант,
и принять чужой талант,
и простить чужой успех –
дай Бог успеть.

Зависть, мелкий злобный червь,
забьётся в щель,
если ты, счастливый чел,
не горд и щедр!

Но Господь убереги
счастьем мериться с другим –
вот таким – куда ни кинь,
повсюду клин!

Зависть твой привычный круг
разрушит в раз:
станет друг уже не друг
тебе, а враг,

станет брат тебе не брат,
станешь сам себе не рад...
Одному не сладко, друг,
остаться вдруг.

ЧТО НИ ДЕНЬ – ТО ПОНЕДЕЛЬНИК

Что ни день – то понедельник,
что ни пища – всё не в прок.
Ни друзей тебе, ни денег.
Есть прохвосты, нет дорог.

За грехи какие плата –
беспросветный круг земной?
На работу как на плаху,
как на каторгу домой.

Пыткой кажется неделя...
Я срываюсь на фальцет:
«Где ты, свет в конце тоннеля?»
Нет конца и света нет.

«Будет день, и будет пища...»,
«утро вечера мудрее...» –
только это песни нищих,
и они меня не греют.

СОБРАЛИСЬ ЗА СТОЛОМ ПОЭТЫ

Пензенскому клубу «Поющие поэты»

Где-то в мире ином – не этом –
собрались за столом поэты,
только лики вокруг – не мины,
и гитара как трубка мира,

наши песни плывут по кругу,
в чутком сердце находят друга,
и ни зависти, ни гордыни,
только музыка слов отныне,

присно и во веки веков...
Жаль, что этот мир не таков.
Где-то в мире ином – не этом –
не кончается бабье лето,
продолжается наше время,
наши годы ещё не время,

наши головы не плешивы,
и родители наши живы,
ни корысти в нас, ни уныния,
только музыка слов отныне,

присно и во веки веков...
Жаль, что этот мир не таков.

Где-то в мире ином – не этом –
собрались за столом поэты,
и на этом застолье славном
я не лучший из всех, но равный,

и подхвачена добрым другом
эта песня плывет по кругу,
в чашках чай дымится – не стынет,
и ни зависти, ни гордыни,

только музыка слов отныне,

присно и во веки веков...
Жаль, что этот мир не таков.

БЕЛЫЙ КОРАБЛИК НАДЕЖДЫ

Могут не верить неверы
или не ведать невежды,
но для меня не химера –
белый кораблик надежды.

Держит свой путь, как и прежде,
к битым, забытым, опальным,
к тем, кто действительно между
молотом и наковальней,

между Харибдой и Сциллой,
жизнью и смертью между...
Дай вопиющему силы,
вырви из бездны кромешной!

Жду не дождусь тебя, где ж ты,
чистый, манящий, нездешний?
Сломленный и безутешный,
но всё ещё на плаву,

я в океане безбрежном,
грешном, безумном, мятежном,
белый кораблик надежды
снова на помощь зову.

Знаю: твой путь, как и прежде,
к битым, забытым, опальным,
к тем, кто действительно между
молотом и наковальней,

между Харибдой и Сциллой,
жизнью и смертью между...
Дай вопиющему силы,
белый кораблик надежды!

Елена Токарчук (1976 – 2007), поэт,
член Российского Союза профессиональных литераторов

*Лена Токарчук и Л.К. Токарчук
в гостях в Лесной долине*

На даче

ОДУВАНЧИК СОЛНЦА

* * *

Месяц, солнце, звёзды глядю
Вышивала на траве.
Летний дождь меня погладил
По плечам и голове.

По плечам, чтоб я печали
Обращала в песнь крыла.
Чтоб меня не замечали
Духи засухи и зла.

Головы моей коснулся,
В струйки света уводя,
Чтобы в ритм живого пульса
Просочился ритм дождя.

И теперь я этот ливень,
Этот дождь в себе несу.
На берёзе, клёне, иве
Вижу чистую красу.

*30 июля – 10 сентября 2000 г. Ундоры,
спортивно-оздоровительный лагерь
«Волжанка»*

ОКО СОЛНЦА

Похож ты, жёлтый одуванчик,
На Око Солнца в синеве.
И так заманчив, так заманчив
Восход лучей твоих в траве!

В ключе рассветном и вечернем
Ты дорог светлой красотой –
Открытым, смелым излученьем
Своей короны золотой!

12 июля 2004 г.

* * *

А птицы поют, а цветы
В июне вздыхают свежей.
И всё, что ни скажешь мне Ты,
Всё к сердцу идёт, всё – к душе.

И запахи разных деревьев
С амритой и дивной смолой.
И листьями их возгорев,
Иду я в невидимый слой.

Где, может быть, боги живут,
Где духи озёр и дубрав
Выводят живую из пут
И дарят божественный нрав.

6.06.1999 г.

ЛЮПИНЫ

Для кого расцвели вы – люпины?
Кем разбужены в летнее утро?
Наблюдают за вами глубины
И высоты, живущие мудро.

Лилит

Что за дождь напоил вас красою?
В этом пламенном танце Жар-птицы
Вы кого позовёте с собою
В царство светлой и нежной денницы*?

Вы цветёте, как юность июня,
Красотой красоту удивляя.
И для вас буду петь я – певунья –
Песню счастья, и солнца, и рая.

*Царство денницы – (славянск.) – зари.

17 июня 2003 г.

* * *

В воду смотрят лесные деревья.
Красотой своей сводят с ума.
И кого-то огнями согрев, я
В воду Леты спускаюсь с холма.

Ощущаю себя я душою
И стремлю свой звенящий пот
В ту страну, где чего-нибудь стою,
Где распушится алый цветок.

29 июня 2000 г.

* * *

Когда я скажу: «Неужели?» –
Меня назовут «Удивленьем».
О, как зелены эти ели,
Уютно жилище оленьи!
Срастусь с вековой тишиною,
Сроднюсь с золотым испусканьем
Лучей. Сквозь листву или хвою
Я найдена скрытым исканьем,
Вдыхаясь зелёным дыханьем.

24 августа 1998 г.

* * *

Это камни изумруды,
А не зелёные листья.
Здесь в окрестностях запынды,
Как кора белес и чист я,

Как листья имею шелест.
Ветка ветке – тонкий стилос.
Что за чудо, что за прелесть
В этом древе воплотилась.

23 августа 1998 г. Сенгилеевский лес

МОЙ ДУБ

Зреют гроздья на калине,
А вдали темнеет сруб.
У меня в лесной долине
Есть высокий крепкий дуб.

Расскажу ему все тайны –
Скинет желудь на ладонь.
Как дорога в мир бескрайний,
Как летящий в небо конь.

Он взмахнет зеленой гривой
И умчит меня в Усинь.
Вижу вещей Сигурдривой
Тени сидов и богинь.

Этим сидам вдохновенным
Наши чаянья ясны.
Дуб становится священным
Под влиянием луны.

В дубе жизни всё, что люблю,
Что храню всего верней.
Другом древа, девой дуба
Верю в май грядущих дней.

Это дерево Перуна.
Мне приятно с ним дружить.
Станет тяжело, станет трудно –
Дарит силу, чтобы жить.

На его качаясь ветке,
Поднимаюсь к облакам,
К высоко стоящей метке,
За которой хор и храм.

20–23 августа 2002 г.

п. Баратаевка, Лесная долина

* * *

Здесь ива пальчиками длинными
Схватить пыталась стрекозу.
И куст, обвитый паутинами,
Ронял алмазную слезу.
В траве кузнечики скрипачили.
Мечтой земли плыла трава.
Пусть ничего для Вас не значили
Мои заветные слова.
Пчелы припевное жужжание
И чудный глас соловьих месс.
Для Вас в них нету содержания,
Но летний лес без них – не лес.

6.06.1999 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ СМОЛЯНОЙ КАПЛИ

*Мужчина
даже серьёзный
втайне мечтает (...)
слепить из женщины своей судьбы
позолоченную серьгу
в виде преданного зверька
и продеть себе в ухо
«вот так»*

Верочка Вербина
«Как всё просто»

Из кого-то уже слепили
позолоченную серьгу,
из кого-то – брошь,
из кого-то – заколку.
Как бы мне хотелось,
чтобы из меня
кто-то умудрился
слепить талисман –
маленькую статуэтку
солнечной девы,
танцующего журавлика
или дракона.
Я опасуюсь,
что моей массы
не хватит
даже на пуговицу.
Если моим ювелиром
станет кузнечик,
он скуёт из меня
ажурную диадему
для гусеницы.

19 февраля 2004 г.

* * *

Кузнечик мой стрекочет
И бабочка летает.
Здесь кто чего захочет
Мгновенно воплощает.

Здесь кто чего увидит
Мгновенно им и станет.
Раскрытие всех наитий
В лесной, дремучей тайне.

ОРАНЖЕВЫЕ МАКИ

Как золотые рыбки в океане,
Оранжевые маки на траве.
Как солнца в небесах рассветной рани,
В источнике начала, в синеве.

Мы смотрим на оранжевые маки,
Медовых мудрецов – шмелей и пчёл.
И то, что не доверю я бумаге,
Ты бережно в душе моей прочёл.

Цветок вхожденья в сон, вхожденья в грёзу,
Вхожденья в янтарный, жёлтый стих,
Таишь ты расставания угрозу
Иль светлый образ счастья для двоих?

23. 07. 2004 г.

НЕЗАБУДКИ

Незабудки как синие воды
поют – не стихают –
Голосами ушедших, но вечно
с тобой неразлучных.
Я хочу их услышать и высказать
теми стихами,
Что когда-то в степи наговаривал
сетиу-лучник*.
Точно в неба глаза посмотрю я
в глаза незабудок.
Мне раскроется каждый цветок
пятеричною тайной.

И печальная песня расставшихся
с озером уток
В лепестках синевы мне покажется
вестью венчальной.

*Сетиу – по египет. «азиат».

2.06.1999 г.

ВАСИЛЕК

Королевский цветок – василёк.
Верный спутник и вечный кумир.
Ты мой дух безнадежно увлék
В переполненный радостью мир.

Ты на чашечку смело надел
Голубое подобье венца.
И талантам не найден предел,
И могуществу нету конца.

Я с пестов собираю пыльцу.
Я пою: «Василевствуй, живи!»
Пусть текут по святому лицу
Просветлённые слёзы любви.

Пусть крапивницы кружат везде,
Поднимая нектар в облака,
Чтобы в каждой зашедшей звезде
Разглядеть ипостась василька.

Синий цвет, синий свет – василёк –
В сонме трав несказанно красив.
Мне мотив этот на душу лёг –
Быстротечный цветочный мотив.

* * *

17 июня 1999 г.

На ароматной розовой заре
Послушаю советы канареек.
Я к лету отношусь, как к той поре,
Которая поймёт и отогреет.

Чтоб чувствовать невиданную дрожь,
Мне снится знак изменчивости – цапли,
А из груди у лета хлынет дождь,
И я приму пророческие капли.

Земля не исстрадалась до конца,
Ломают ей – цветы, деревья – руки,
А в трёх косах у лета – месяца.
И цепью изо рта – живые звуки.

У лета – изумрудные глаза.
И месть границы разума нарушит,
Как множество веков тому назад
Мы пачкали среду – а грязны – души.

Пусть не испортит свежей красоты
Ни запах трав, ни разноцветный праздник.
Мне это лето принесло черты
Предвидений далёких и бесстрастных.

Пусть не уйдёт от сердца ремесло
И мыслей пробегание олене.
Мне это лето мягкость принесло
И тонкое, как луч, воображенье.

25–26 августа 1994 г. Уральск

У памятника Фурье

Елена ШИШКИНА (МАРКОВА), ульяновская поэтесса, соединяющая способность к стихотворчеству с умением говорить, думать и писать на английском языке.

Автор книги стихов «Другое отражение».

*Мой стих не я, не мой двойник,
Не тень, но всё-таки сродни...
Леонид Аронзон*

1961

«КУХНЯ» МОИХ ПЕРЕВОДОВ

Часто нашими кумирами в поэзии являются иностранные поэты – французы Верлен и Рембо, англичане Шекспир, Киплинг, американец Уитмен или немец Гейне. Мы любим их в переводах и даже не сомневаемся, что они точны. Впрочем, нам не стоит думать о «кухне» переводчика. Мы просто наслаждаемся «готовым продуктом». И это, я считаю, правильно. Но нужно отдать должное переводчикам. Они постарались выразить как можно точнее идею автора, «вошли в его душу» и творят от его имени, только на другом языке. Существует более 20 переводов знаменитого монолога Гамлета «Быть или не быть», признаюсь, мне ближе перевод Пастернака. Может быть, потому, что он был замечательным поэтом?

Вот начало английской народной потешки про Робина Бобина: Robin Bobin, what a man! He eats as much as no one can! (Перевод: «Робин Бобин, какой человек! Он ест так много, как никто!») У Маршака – «Робин Бобин кое-как подкрепился натошак». У Чуковского – «Робин Бобин Барабек скушал сорок человек...» Вот какие разные начальные строки, и всё же как хороши и запоминаемы!

Меня подруги и просто знакомые часто спрашивают: «Как ты переводишь стихи?» Для учителя иностранного языка, в принципе, нет ничего сложного в поэтических переводах. Надо понять смысл стихотворения и знать достаточно хорошо оба языка, уметь писать стихи, чтобы передать смысл стихов на иностранном языке ещё раз, уже с русскими словами, с русской рифмой. Хотя, впрочем, кроме этого должна быть большая доля деликатности. Как писал поэт Лев Щеглов, «А деликатность – так приятность для стюардесс и для принцесс, она почти невероятность, она почти деликатес». Надо было ему добавить в свой список и переводчиков. Приходится при переводах изводить «тонны словесной руды», чтобы добиться нужного соответствия, не испортить рифмы и творческие находки другого поэта. Переводами лучше заниматься в юности, когда впереди ужасно много времени и не жалко тратить его на языковые эксперименты.

Опасаясь быть навязчивой и неосторожной в передаче чувств и мыслей других поэтов, к переводам стихов я относилась всегда с большой опаской, переводила их редко. Ведь в переводах неизбежны какие-то изменения. Нужно очень постараться, чтобы они были органичны, были в стиле автора. В смысле, не обидели бы его, если бы он прочитал и проследил все эти изменения. Сделала я исключение лишь для переводов поэзии Аллана Альберга, английского поэта, который писал с улыбкой о школе. Его стихи мне послала подруга по переписке – английская учительница из графства Хэмпшир Вэлери Боттомли, добавив, что его книжки есть в каждой учительской Англии. Я чувствовала, что понимаю этого поэта-учителя, его тематика была близка мне, все ситуации, которые описываются в стихах, одинаковы и в русской, и в английской школе. А я, обыкновенная русская учительница, примечавшая порой те же ситуации в школьной жизни, что и он, решила, что смогу передать и мысли, и наблюдения, и юмор автора. Он описывал чувства учительницы перед встречей с родителями двоечника, поведение детей, когда их учительница заболела, мальчика, который приходит в класс после стрижки, «отмазки» учеников при несделанном домашнем задании и другие школьные события. Почти весь сборник стихов Аллана Альберга был мной переведён с удовольствием, и, когда журналист и библиотекарь Людмила Дягилева пригласила меня выступить в библиотеках перед школьниками со стихами Альберга, я согласилась. Было интересно, как дети воспримут стихи. Ребята поняли автора, приняли его стихи и сами дружно отметили, что мысли и чувства школьников Англии и России похожи. Однажды перед 1 сентября мои ученики читали переведённые стихи Альберга о школьниках по областному радио, затем моя статья про творчество Альберга была напечатана в российской газете «1 сентября. Английский язык». Мне очень хотелось издать эти переводы отдельной книжкой, что-то типа «По-русски про английскую школу», но как-то не сложилось. Это пока из серии «мечты о будущем».

Вот стихотворение Аллана Альберга «Это яблоко твоё?».

IS THAT YOUR APPLE?

Is that your apple?
What a charming sight!
I would be your best friend
For a little bite.

We could play at my house.
You could stay to tea.
We could get my train set out.
We could watch TV.

We could go up to the park.
We could sail my yacht.
We could... Oh, you greedy pig,
You've gone and ate the lot.

Вот дословный перевод стихотворения «Это яблоко твоё?» – Это яблоко твоё? Какой очаровательный вид! Я буду лучшим другом твоим за маленький кусочек. Мы могли бы поиграть у меня дома. Ты бы остался к чаю. Мы могли бы поиграть с моей игрушечной железной дорогой, могли бы посмотреть телевизор. Мы могли бы пойти в парк, могли бы покататься на моей яхте! Мы могли бы. О, ты жадный поросёнок, ушёл и съел всё яблоко.

Вот мой перевод:

ЭТО ЯБЛОКО ТВОЕ?

Это яблоко твоё? Ух, не может быть!
Крупное, румяное, сладкое, наверное.
Дай кусочек откусить,
Буду другом верным я!

Приходи ко мне домой,
Приглашаю чай попить,
Мы в железную дорогу
Поиграем, может быть.

Мы посмотрим телевизор,
Прогуляться в парк пойдём
И на яхте нашей после
Покатаемся вдвоем.

Мы б могли... Да что там,
Много разных дел...
Эй, жади́на-говя́дина,
Все яблоко доел!

В переводе сохранилась рифма и произведены только два изменения. «Очаровательный вид» был мной расшифрован, как «крупное, румяное, сладкое», думаю, автор был бы не против. И «жадный поросёнок» превратился в «жадину-говядину», это нашим детям понятнее.

Тогда же у меня возникла мысль перевести на английский язык свои собственные русские стихи для моей подруги по переписке. Сначала я перевела на английский своё, как я считала, лучшее стихотворение «Театр». Это стихотворение я написала в то далекое время, когда занималась в литературном

объединении «Надежда» во главе с А.С. Буниным. Оно было напечатано на литературной странице «Ульяновской правды» в конце 70-х годов. Помнится, в просторном кабинете литературного отдела газеты мне сделали лишь одно замечание – «Почему «вне тайны он становится бедней...?» «Пусть «бледней!» – тут же исправилась я. А сколько изменений произошло в английском варианте! Сколько общений со словарём! ...Но смысл-то остался! Вот моё стихотворение на русском:

ТЕАТР

В театре не ходите за кулисы.
Вне тайны он становится бледней.
Я верю, что актёры и актрисы –
Особый мир особенных людей.

Прощаю ярко освещённой сцене
Условный мир взаправдашних страстей,
Раскрашенную рошу в отдаленье
И каменность матерчатую стен.

В затверженные верю изречения,
В заученные жесты гибких рук...
И, значит, неизбежно вовлечение
В извечную актёрскую игру.

И чудо совершится непременно,
И чувство сопричастности придёт,
Сквозь маску улыбнётся Мельпомена,
И ливнем тёмный занавес падёт.

Именно его я перевела первым из своих стихов на английский язык. Вот мой перевод этого стихотворения с подстрочником.

THEATRE

You'd better not attend the theatre behind
The curtain. Mystery is hidden there.
It wouldn't really impress your mind,
In fact, the stage is vulgar, false and bare.

(вам лучше бы не посещать театр за
Занавесом. Тайна спрятана там.
Она бы разум ваш не впечатлила,
Фактически сцена вульгарна,
лжива и обнажена.)

I think all actors are a bit unreal
But I believe in their jests and faces.
They seem to be so exquisite and dear
Dyed gauze is like the ancient laces.

(Я думаю, все актёры немного нереальны,
Но я верю в их жесты и лица,
Они кажутся такими изысканными
и бесценными,
Крашенная марля, как старинные кружева.)

I do believe in actors' passion
And in the marble of the sackcloth palace,
The audience, involved in animation,
Believes in generosity and malice.

(Я на самом деле верю в страсть актеров
И в мрамор их дворца из мешковины,
Публика, вовлечённая в анимацию,
Верит в благородство и в безумство.)

And miracle created in the theatre
Belongs to me, to you, to all of us.
It's special and magic! And you'd better
Not take away that Melpomene's mask.

(И чудо, созданное на сцене в театре,
Принадлежит мне, тебе, всем нам.
Это особенно и волшебное! И лучше
Не снимать маску с Мельпомены.)

Это стихотворение отметила в своем письме моя подруга по переписке Вэлери, тоже поклонница театра. Возможно, в английском варианте больше материального. Кстати о том, что переводы обогащают лексику. Ранее я не знала слова «мешковина» на английском, при переводе подумалось – пригодится. Полезла в словарь, и оно органично встало в ряд с другими.

Разумеется, на мой придирчивый взгляд, одни стихи лучше в английском варианте, другие – в русском. Это уж кому как понравится.

Затем совершенно органично в моем мозгу стали появляться новые стихи на английском. И много. Возник соблазн перевести их, наоборот, на русский. Как-то к Рождеству я послала Вэлери свои английские стихи. Позже с удовольствием перевела их на русский.

(Дословно: Рождественские мысли мечтательны и медлительны. Огонь в камине горит ровно и тихо. Кошка смотрит на падающий снег, сидя лениво на подоконнике. Надеюсь, Рождество принесёт тебе радость и искрящиеся ярко часы досуга. Пусть зловредные заботы не раздражают твою жизнь, полную поэзии и стихов. Рождественские мысли мечтательны и медлительны. Звёзды проникают сквозь темноту и туман. Снежинки, как ангелочки, тихонько подкрадываются, шепча: «Надейся и верь в Христа»).

Christmas thinking is dreamy and slow.
The fire in the fireplace is even and still.
The cat is watching the falling snow,
Sitting lazily on the windowsill.

Рождество мечтательно и медлительно.
Кто-то в камине огонь разжег.
Кошка, выгнув спину, стремительно
Прыгает на окно взглянуть на снежок.

I hope White Christmas will bring you joy
And sparkling brilliantly leisure hours.
Let mischievous troubles not annoy
Your life, full of poetry and flowers.

Пусть Рождество тебе щедро подарит
Искрящийся фейерверком досуг,
Пусть встречи, заботы тебя не старят,
Пусть будут стихи и цветы вокруг.

Christmas thinking is dreamy and slow.
Stars penetrate through darkness and mist.
Snowflakes like angels quietly tiptoe
Whispering «Hope and trust in Christ».

Рождество мечтательно и медлительно,
Метель, словно ангел, в окно постучит,
Сквозь звезд перезвон удивительный
«веруй» шепнет и исчезнет в ночи.

Когда переводишь свои собственные стихи – «есть разгуляться где на воле...», поэтому «кошка, лениво сидящая на подоконнике» в английском варианте, превращается в «стремительно прыгающую на окно, чтобы посмотреть на снежок» в русском. О, чудо – слово «искрящийся» есть в обоих вариантах. (По-русски пожелание «пусть встречи, заботы тебя не старят» звучит, по-моему, немного грубовато, но я-то знаю, адресат их не прочтает, ведь в английском стихотворении у меня всё прилично – «пусть беды, заботы тебя не раздражают»). В английском варианте более поэтично – «Звёзды проникают сквозь темноту и туман, а снежинки, как ангелочки, тихо скользят на цыпочках», а на русском – «Метель, словно ангел, в окно постучит сквозь звезд перезвон удивительный». Ангелочки «шепчут «Надейся и верь во Христа», а ангел-метель в русском переводе – «веруй» шепнёт и исчезнет в ночи». Вроде то же самое, но отличия есть... Это – задание на сравнение для тех, кто знает оба языка.

Из собственных переведенных стихов получилась маленький сборник Another reflection – «Другое отражение», который, помнится, я подарила ученикам 10 А класса, где была классным руководителем, при расставании на выпускном вечере. Он был выпущен издательством «Корпорация технологий продвижения». Это был мой первый авторский сборник. «Чтение стихов становится интерактивным действием со стороны англоговорящего читателя, ему интересно знать, что поменялось в переводе, без нарушения смысла оригинала», – написала в рецензии заслуженный учитель России, учитель английского языка Л.З. Сорокина.

С Вэлери мы переписываемся и сейчас. Только вот стихи «туда и обратно» я больше не пишу. Моя подруга по переписке переехала в сельскую местность в графство Йоркшир, ей за семьдесят. Она работает на общественных началах в школьном совете. Да ещё у неё заботы о доме и саде, словом, остается мало времени на переписку. Впрочем, у меня тоже. Мы ограничиваемся поздравлениями. Да мало ли каких грустных и счастливых изменений произошло с тех далёких времён, когда было круто и очень соблазнительно сесть за стол и перевести свои стихи с русского на английский или свои английские – на русский! Есть такое английское слово challenge. Оно переводится на русский по-разному – «вызов», «трудность», «задача», вот стихотворные переводы для меня всегда и были – «challenge», вызовом и преодолением, стремлением не только бережно донести до читателя мир другого поэта, но и по-другому, на другом языке выразить свои собственные мысли и чувства.

Галина АНИСИМОВА, поэт, член Союза писателей России. Автор книг «Игры, в которые играют люди» (2006), «Мемуары юмористки» (2007), «На ноте сердца» (2008), «Иллюзион» (2013).

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Мне раньше часто снился странный сон:
лечу в каком-то тесном самолете,
дыханье замирает, в унисон
дышу с мотором, дрогнувшим на взлёте...

Свет гаснет, нарастает звук беды.
Отчаянье. Паденье. Непреложность.
В конце пути фантазии бедны,
лишь переходит в данность невозможность

вернуться в мир, где я была с тобой,
где звуки лета радостны и гулки.
Все изменилось, в карте мира – сбой.
Лишь память посещает переулки,

где мы гуляли и хотелось петь,
где было счастье и душа светлела.
Я столько лет пыталась долететь,
но рухнул мир. И я не долетела...

ПУТЬ К СЕБЕ

Сон тягучий, как патока, патовый
априори, и выхода нет:
я бегу, спотыкаюсь и падаю,
и лечу на убийственный свет.

Цепенею в пугающем холоде,
замираю на самом краю.
Прокурор и бесстрастен, и холоден:
суд – отнюдь не прописка в раю.

Вопреки затянувшейся паузе –
Бог подсчитывал все голоса,
я себя как барон фон Мюнхгаузен –
из болота да за волоса,

чтобы впредь на былое не сетовать,
тени прошлого не ворошить,
за виною обидой не следовать,
а простить, отпустить. Просто жить...

* * *

В.Т.

Как быстро стираются лица друзей
из сердца, из памяти, из телефона...
Мой старый альбом – это фотомузей,
а жизнь – как спектакль. Без прогона...

И камень на сердце, и камень в душе
(вовсю постаралась старушка Горгона!).
Безликие файлы, уколы-туше
и номер – уже – без дозвола...

P.S. Прости за память...

НОСТАЛЬГИЯ

Это лучшее средство –
босиком по росе
в безмятежное детство
убежать. В полосе

чёрно-белых историй
и раскрашенных снов,
в череде бутафорий
мне привиделся вновь

остро пахнувший счастьем
из ромашек венков.
И недетские страсти,
и последний звонок...

Разлетелись-расстались
не на год – на года,
а потом потерялись
как-то вдруг навсегда...

Вспоминается только
лишь хорошее, но
не жалею нисколько –
это было давно...

Я ПРОЩАЮ СЕБЕ...

Наша жизнь – это сад расходящихся тропок,
бесконечных дорог, тупиковых идей.
И глухая тоска небоскрёбов-коробок,
и случайная роль неслучайных людей...

Я когда-то в пути заблудилась немного:
или тропинка моя оказалась не та,
или к выбору я относилась не строго,
только в сердце – змеей – заползла пустота.

Но ранимость души закалялась, и крепла
правота, отгоняя сомнения прочь.
Я, как Феникс, живу, отряхнувшись от пепла,
отпустив от себя бесконечную ночь.

И теперь обхожу все ловушки, наветы –
отправляю моим не отмщённым врагам,
оставляю друзьям их ошибки-советы,
а обратный отсчет оставляю годам...

Я прощаю себе всю безрадостность будней,
немоту вечеров, опрометчивость дней.
Отряхнусь от тяжёлой обиды и буду
амазонкой среди легкокрылых коней...

ОСЕНЬ

Грустная странница-осень
дождичком в дверь постучит,
горлинкой бросится оземь,
лето с зимой обручит.

Выдохлось сердце из стали
от перепадов судьбы.
Часики жизни устали
от постоянной ходьбы.

Откуковали годочки,
значит пора на покой.
В жизни расставлены точки
чьей-то бесстрастной рукой.

Ночью слезливая осень
тихо стучалась в окно.
Сколько останется вёсен,
было уже всё равно...

Осень вернуться божилась,
наобещала тепло.
Утром позёмка кружилась.
Даже следы замело...

НОВЫЕ ПЕРИПЕТИИ ЛЮБВИ

Развязка

*Я играю с судьбой,
беспощадной, как танк,
в поддавки и рулетку,
в бадминтон и петанк...*

Я не плачусь в жилетку,
а играю с судьбой,
ставя фишки в рулетку –
все – на встречу с тобой.

Макияж цвета хаки –
подготовка к войне?
И кровавые маки
на бесцветной стене...

Мерь неравною мерой,
отступленья готовь.
За неверие – верой
лишь в любовь. За любовь...

Растворяю мгновенья
исчезающих дней
в чёрных дырах забвенья,
в мириадах огней.

Стану капелькой с крыши
иль росинкой с листа.
Только ветер услышит:
Я у-с-т-а-л-а, у-с-т-а...

ПРОСТО...

Просто, ну просто вспомнить.
Просто, ну просто заплакать.
Солнце – оно – на что мне,
если в душе – слякоть...

Просто, ну просто увидеть.
Выдохну – и... оттаю!
Холодность и обиды
памятью перелистаю...

Сомнения и печали –
все – отпущу с богом!
Наш не-роман-вначале
вышел в конце – боком.

Хотя от приязни бывшей
много чего осталось...
Но о любви остывшей
уже не молюсь – каюсь...

РОМАШКИ

Рассказ инопланетянки

В гуще кофе, на дне сотен чашек
отметала обман и навет.
На Земле не осталось ромашек,
чтобы дать мне правдивый ответ.

Вот и стала я, жертва гамбита,
нежеланной фигурой в игре.
А когда-то была Аэлита*,
свет далёкой звезды на заре.

Облака разрывались на части
той безжалостно-длинной зимой.
Мой король неразгаданной масти
заменил беззаботность виной...

Замечая краплённость рубашек,
не заметила злой оговор.
На Земле не осталось ромашек,
чтобы вынести мне приговор.

Распрямляется боли пружина.
Я сама себе строгий судья.
Я и следствие, я и причина,
я сама по себе, я – ничья...

**Аэлита – в переводе с марсианского – «видимый
в последний раз свет звезды»*

И СНОВА МАЙ...

И снова май. И снова снами маюсь,
живу почти несбыточной мечтой,
и в прошлом на трамвайчике катаюсь,
пытаясь сделать точку запятой,

перелистать знакомые картинки.
Но в памяти, застывшей как базальт,
лишь осень разметает паутинки
и укрывает листьями асфальт...

Бесцветный мир и серые одежды
почти не отделимы от меня.
Мир без любви, без веры, без надежды...
Но ведь мечты никто не отменял???

Я СЖИГАЮ МОСТЫ ЗА СОБОЙ

Улеглись некиношные страсти,
поднят занавес жизни иной.
Я тоску разрываю на части
и сжигаю мосты за собой.

Забываю весёлость капелей,
в одночасье весну разлюбя,
И бегу от обманных апрелей,
от любви, от тебя, от себя...

Ольга ДАРАНОВА, ученый секретарь областной научной библиотеки им. В.И. Ленина – Дворца книги, член Союза писателей России

Я ХОЧУ ПРИЕХАТЬ В УЛЬЯНОВСК!

Издания Ульяновской области были представлены на большом книжном фестивале «Красная площадь» в Москве.

С 1 по 6 июня 2019 года библиотечные работники Дворца книги Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина приняли участие в большом книжном фестивале на Красной площади в Москве.

Все дни стенд Ульяновской области был многолюдным. Ульяновцы не первый раз принимают участие в столь престижном книжном событии России, и многие посетители книжной Красной площади это знают и ежегодно приходят к стенду Ульяновской области.

Впервые книги, изданные в Ульяновской области, были представлены ещё на первом книжном фестивале, прошедшем в 2015 году, в Год литературы в России. Тогда ульяновцы заявили о себе не только как о родине Ленина, но и открыли многим россиянам, что Симбирский-Ульяновский край – родина Карамзина, Языкова, Платова, Минаева, Ознобишина. Фундаментальные издания ульяновских историков, филологов и краеведов, посвящённые знаменитым землякам, заинтересовали многих посетителей книжной ярмарки. Труды Ж.А. Трофимова, Л.А. Сапченко, С.М. Шаврыгина, В.А. Сукайло, А.П. Рассадина, Е.К. Беспаловой были востребованы и по достоинству оценены посетителями. Следом за исследованиями, посвящёнными историческим фигурам XVIII – XIX века появились книги Ю.В. Козлова, донесшие до современников образы Платова, Столыпина, Каппеля, Керенского, Протопопова. Эти книги были презентованы автором и привлекли внимание многих слушателей.

Выступает Юрий Козлов

Ольга Даранова представляет журнал «Симбирск»

Замечательные историко-документальные альбомы с прекрасными фотографиями и иллюстрациями, представляющие историю и культуру Симбирска-Ульяновска, природный ландшафт и достопримечательности, выпущенные издательствами «Корпорация технологий продвижения», «Фризия», «Печатный двор», «Дом печати» всегда вызывают интерес и пользуются спросом.

В этом году на стенде Ульяновской области представлено более 80 изданий ведущих издательств области. За фестивальную неделю интерес посетителей к нашим книгам не ослабевал. Сотрудники Дворца книги Лариса Утина, Людмила Черенова, Наталья Головина активно пропагандировали ульяновскую литературу.

Кроме историко-документальных книг была представлена также художественная словесность края, проза и поэзия, эссеистика. Состоялись презентации книг С.Б. Жданова «Фишки и мыслишки» и «Ура, детвора!», Ю.В. Козлова «Последний министр Российской империи Протопопов», Е.К. Беспаловой «Призрение неимущей юности. Летопись благотворительной деятельности симбирского общества конца XVIII – первой половины XIX века», новых сборников поэзии ульяновских авторов П. Мельникова, В. Дворянскова, Н. Марянина, С. Матлиной, Е. Кувшинниковой, Т. Эйхман, сборника поэзии молодых литераторов «Новый Венец».

Как известно, на прошедшей региональной выставке-конкурсе «Симбирская книга-2018» в номинации «Лучшее издание, подготовленное библио-

текой», победила Национальная библиотека имени А.А. Айдамирова Чеченской Республики. На Красной площади директор Ульяновской областной научной библиотеки С.В. Нагаткина вручила Чеченскому издательству для передачи в библиотеку приз и диплом за победившее издание «Грозный в стихах».

Листая книги на стенде, многие посетители задерживали взгляд на достопримечательностях нашего города, с удовольствием узнавали историю края и тот факт, что знаменит он не только Лениным. Узнав об уникальных местах региона, его памятниках, природных заповедниках, музее под открытым небом, олицетворяющим деревянный Симбирск XIX – начала XX веков, одна дама, проживающая в Москве (сибирячка по рождению), воскликнула: «Я очень хочу приехать в Ульяновск! Покажите мне всё интересное у вас!».

Презентуя книги ульяновских поэтов в Пушкинский день России, 6 июня, Ольга Даранова, учёный секретарь Дворца книги, член Союза писателей России, рассказала о только что вышедшем сдвоенном номере (за май – июнь) журнала «Симбирск». Он посвящён 220-летию А.С. Пушкина и символично открывается вступительной статьёй редактора Елены Кувшинниковой, озаглавленной «Под пушкинским небом». Журнал ещё раз доказал приверженность традициям классической литературы и верность наследию прославленных земляков, мастеров русского литературного слова. В эссе Валентина Курбатова, прозаика, литературного критика, члена Союза писателей России, которым открывается журнал, прослеживается глубокая мысль о необходимости Пушкина сегодня. «Кто будет встречать 300-летие поэта и оглядываться на нас, как мы в 1999-м оглядывались на 1899 год?..» – задаётся вопросом Валентин Курбатов. И утверждает мысль, что Пушкин нам нужен как воздух, который мы вдыхаем, не замечая, а замечаем лишь тогда, когда перехватывает дыхание. Он наш свет и воздух, он укрепляет нас в мужестве и терпении, в любви и свободе. Пушкин – наше оправдание перед миром, наше спасение души и укрепление веры в лучшее будущее.

Диплом «Симбирской книги» передан в Чеченскую Республику

Гостем ульяновцев на книжном фестивале «Красная площадь» стал известный художник Никас Сафронов

Новые книги ульяновских поэтов и прозаиков были представлены на московском фестивале «Красная площадь»

Юлия УЗРЮТОВА

«Я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ СВОЮ МАЛУЮ РОДИНУ – УЛЬЯНОВСК»

Никас Сафронов передал в дар городу новые работы

Видеосюжет
«Улправда ТВ»
о выставке
и интервью
с художником
доступны
по QR-коду

Известный российский художник, наш земляк Никас Сафронов написал несколько работ специально для Ульяновска и передал их в дар городу. Под впечатлением, полученным от музея «Симбирская чувашская школа. Квартира И.Я. Яковлева», знаменитый художник написал портреты Ивана Яковлевича Яковлева и Фёдора Осиповича Ливчака, а также копию картины Ливчака «Грибы».

Картины для музея

В феврале – июне этого года в музее работала выставка Никаса Сафронова «Полёты во сне и наяву». Здесь можно было посмотреть репродукции работ художника, созданные с 2004 по 2018 годы: натюрморты, портреты, сюжетные сюрреалистические композиции, а также работы в авторском стиле Dream Vision.

Симбирская чувашская учительская школа, созданная в 1868 году Иваном Яковлевым, стала крупным культурно-просветительским центром, объединившим мужскую учительскую школу и женские педагогические курсы, начальные мужские и женские училища. Никас Сафронов поделился своими впечатлениями после экскурсии по музею:

«Это замечательно сохраненное прошлое, в красивом ностальгическом понимании. Я сразу вспомнил свою школу 1960-х годов: у нас были почти такие же парты, мы писали чернилами. Сразу появляются какие-то ностальгические воспоминания о прошлом, о детстве. Я бы с удовольствием вернулся в конец 19-го – начало 20 века и поучился в этой школе. Здесь есть ностальгия, есть память, и мне очень приятно, что сотрудники так трогательно и бережно относятся к своей истории и памяти о великом деятеле образования и культуры. Это достойно уважения. Дух Яковлева здесь присутствует».

Написанные после посещения музея картины Никас передал в дар Музею-заповеднику «Родина В.И. Ленина».

Приехав в Ульяновск в День защиты детей, Никас Сафронов наградил участников проходившего в городе конкурса рисунков «Впечатление»: дети рисовали свои впечатления от посещения музея «Симбирская чувашская школа. Квартира И.Я. Яковлева». Никас Сафронов был председателем жюри.

«На самом деле, хочется быть ребенком и радоваться, что вся жизнь еще впереди, что ожидает много всего хорошего, но, может быть, и огорчения, например, плохие оценки, – обратился к детям художник. – Но надо стремиться к хорошему. Я, если бы сегодня учился, то был бы отличником, я бы учил все уроки, слушался воспитателей, учителей и родителей. Сколько мы совершаем ошибок, о которых потом жалеем! Я надеюсь, у вас этого не будет. Я вам всем желаю хорошего лета».

Воспоминания об Ульяновске

Будучи в Ульяновске, Никас Сафронов поделился своими воспоминаниями о родном городе:

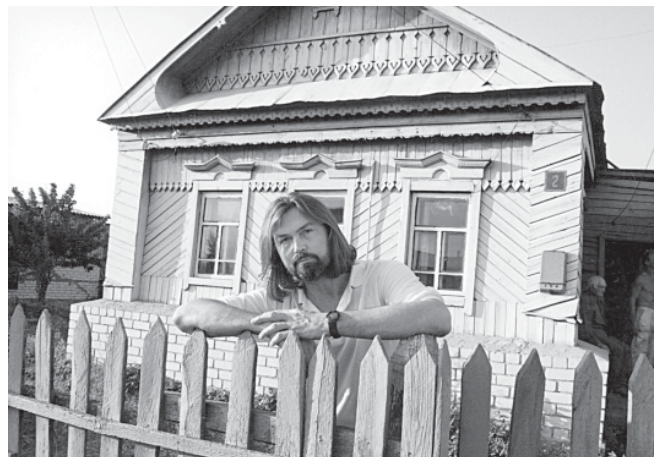

Ульяновск. Памятник А. Платову. 2012

«Я очень люблю Ульяновск. Я помню в детстве развалины женского монастыря на месте Дворца профсоюзов, у меня даже есть детские рисунки. Я прожил часть жизни в Ульяновске, родился недалеко отсюда (от музея «Симбирская чувашская школа». – **Прим. ред.**) – на той стороне Свяги. Здесь фантастически красиво весной, в мае, когда поют соловьи. Тогда ностальгия усиливается, создает какую-то осо-

бую поэтичность и романтизм и достойную память о прошлом, о наших праотцах, которые оставили в истории такой значимый след. На это нужно равняться, неважно, сколько тебе сегодня лет, надо этому следовать, учиться и оставлять после себя только добро. Можно даже в 70 или 80 лет изменить свою жизнь и сделать что-то позитивное».

Отчий дом. Вышки. Ульяновск, где прошло детство

Художник также рассказал о том, что купил участок в Ульяновской области, в районе Ундор, где планирует проводить пленэры и вести хозяйство.

«Мой папа родом из Ульяновска. Когда родители вышли на пенсию в 1976 году, они уехали в сторону Ундор и там купили домик. Сейчас там могила моих родителей, я поставил часовню и решил восстановить дом. Помню, как мы на Волге сходили с небольшого корабля, шли пешком, а вокруг были волки. Мне было года 4-5, я, конечно, переживал, но эти воспоминания для меня очень волнующие. И я подумал, почему мне ехать куда-то в Турцию, почему не поехать на малую родину – в Симбирск, откуда родом мой отец, и не посвятить часть творческой жизни этому месту? Поэтому часть моих работ будет посвящена прославлению этого замечательного края. Здесь родились Языков, Гончаров, этими местами восхищался Пушкин, когда писал «Капитанскую дочку», не говоря уже о Карамзине, написавшем «Историю государства Российского». А потом, знаете, я скучаю, когда нахожусь за границей, – я после недели начинаю тосковать. Наверное, я в широком смысле русский человек по духу. Я люблю Россию, люблю свою малую родину – Ульяновск».

НАШ ЗЕМЛЯК НИКАС САФРОНОВ

Никас Сафронов родился в Ульяновске в небогатой семье отставного военного. Четыре старших брата и младшая сестра были верными спутниками его детства, и тёплую привязанность к ним, несмотря на все перипетии своей жизни, Никас сохраняет до сих пор. Отец – Степан Григорьевич (родился в 1910 году), из семьи потомственных православных священников. Мать – Анна Федоровна (родилась в 1915 году), литовско-финского происхождения, родом из маленького города Укмерге под Паневежисом.

Еще в юности Никас обнаружил в себе интерес к рисованию. Он копировал иллюстрации и репродукции, однако тогда еще не планировал заниматься художественным творчеством профессионально и решил поступить в Одесское мореходное училище, где проучился год, а затем уехал в Ростов-на-Дону. Там Никас учился живописи с 1971 по 1974 год в Ростовском художественном училище имени М.Б. Грекова. В 1974 году был призван в армию и два года прослужил в ракетных войсках в пригороде эстонского города Валга.

После демобилизации Никас переехал на родину матери в литовский город Паневежис. Там три года работал художником в драматическом театре, где художественным руководителем был актер и режиссер Донатас Банионис, дружба с которым продолжилась до конца его жизни. И первая персональная выставка Никаса также прошла в этом театре в 1978 году. В 1979 году он переехал в Вильнюс, где учился на дизайнера в художественном институте. В 1983 году уехал в Ростов, чтобы завершить учёбу в художественном училище им. Грекова. После чего переехал в Москву, где окончил Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова при Российской академии художеств.

Несмотря на то, что уже 35 лет он постоянно проживает и работает в Москве, Никас Сафронов никогда не забывал свою малую родину. И до сих пор называет себя ульяновцем, внося свой вклад в развитие Ульяновской области. Художник постоянно участвует в различных благотворительных акциях. Жертвует средства на строительство храмов, поддерживает одарённых детей, учреждает стипендии лучшим студентам.

Является почетным гражданином г. Ульяновска, профессором Ульяновского государственного уни-

верситета, для которого написал и передал в дар две картины, посвященные родным местам; «Плоды образования» и «Зимняя дорога к Храму искусства».

На фото: Борис Михайлович Костишко, ректор Ульяновского государственного университета, художник Никас Сафронов и директор музея-заповедника «Родина Ленина» Ирина Геннадьевна Котова.

Никас Сафронов неоднократно проводил свои выставки в любимом городе: в Ульяновском областном краеведческом музее имени И.А. Гончарова, в ОГАУК «Ленинский мемориал», в музее «Симбирская чувашская школа. Квартира И.Я. Яковлева».

Творческие и деловые связи Никас Сафронов поддерживает с музеем-заповедником «Родина В.И. Ленина».

Имя Никаса Сафронова носит ульяновская гимназия № 65.

При финансовой поддержке Никаса Сафронова в Ульяновске установлен памятник народному художнику СССР Аркадию Пластову.

Вот уже более 20 лет Н. Сафронов является активным членом региональной общественной организации «Ульяновское землячество» в городе Москве. Работы Никаса Сафронова приобретены известными музеями России, а также частными коллекционерами.

У художника еще много творческих планов, связанных с родным городом.

Фото из архива Никаса Сафронова

Награды и звания:

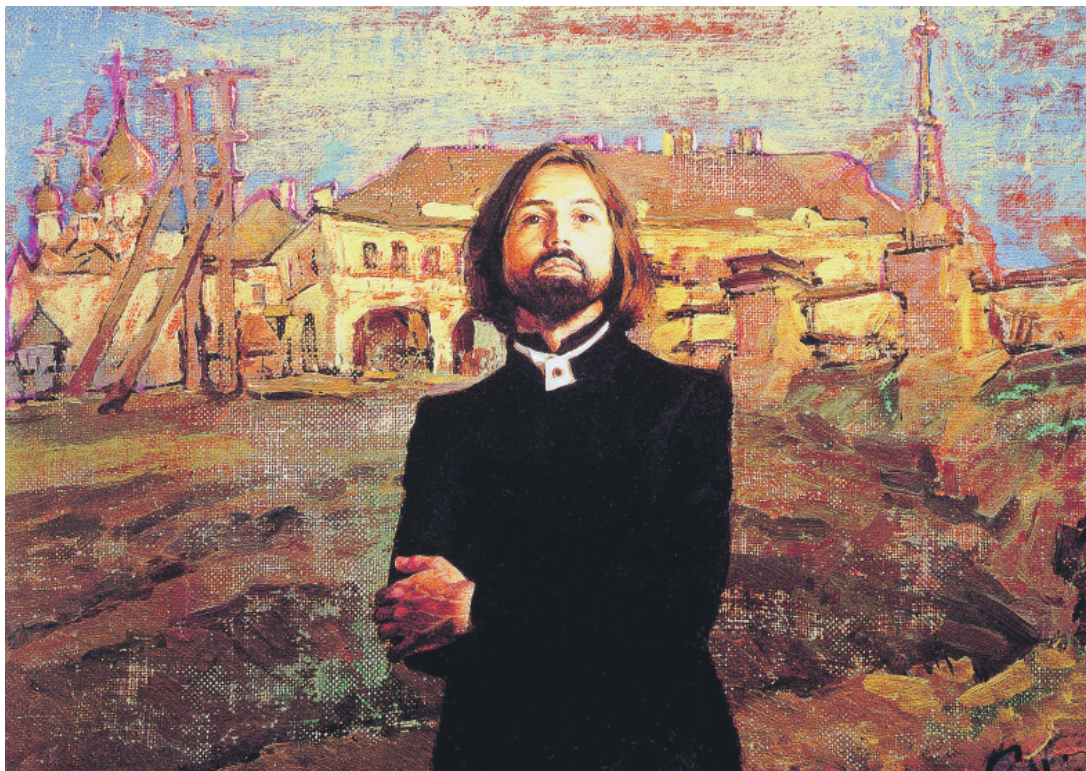
За достижения в живописи и активную общественную и благотворительную деятельность Никас Сафронов удостоен званий:

- Заслуженный художник Российской Федерации;
- Академик Российской академии художеств;
- Профессор Ульяновского государственного университета;
- Почетный гражданин России;
- Почетный гражданин города Ульяновска;
- Почетный гражданин г. Каспийска Республики Дагестан;
- Народный художник Республики Дагестан;
- Почетный член Украинской академии художеств.

Н.С. Сафронов награжден:

- Золотой медалью Российской академии художеств (дважды);
- Золотой медалью Азербайджана;
- Золотой медалью «Во имя России»;
- Золотой медалью «Национальное достояние»;
- Золотой звездой «Слава Нации» I степени;
- Орденом Святого Константина Великого;
- Орденом Святого Станислава;
- Орденом Святой Анны II степени;
- Орденом Преподобного Серафима Саровского III степени;
- Орденом «Пламенеющее сердце»;
- Медалью «За доблестный труд».

Никас Сафронов. Автопортрет на фоне московского двора. х.м. 30x40.1996

НИКАС САФРОНОВ. СИМБИРСКИЕ СТРАНИЦЫ

Из серии «История России». 40x50 х.м. 2017

Повторяющийся сон о музее г. Ульяновска. х.м. 50х60. 2007

Воспоминание о Симбирске через призму шаров. х.м. 30х45. 2010

Зимняя дорога к храму искусства. х.м. 120x150. 2019

Плоды образования х.м. 120x150. 2019

*Две эти картины
Никас Сафронов передал
в дар Ульяновскому
государственному
университету в июне
2019 года.*

Д.В. Давыдов. Худ. Д. Доу

Денис Васильевич Давыдов родился 16 (27) июля 1784, Москва – 22 апреля (4 мая) 1839, с. Верхняя Маза, Симбирской губернии. (Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище).

Герой Отечественной войны 1812 года.

После выхода в отставку поселился в с. Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии (ныне Радищевского района Ульяновской области). Земляки чтят память поэта-партизана.

В 1960 году в Верхней Мазе установлен памятник Денису Давыдову.

В 2016 году принято решение о создании музея-заповедника «Усадьба Дениса Давыдова».

В июле 2019 года проводится в селе Верхняя Маза и п. Октябрьский Ульяновской области XVI Межрегиональный Давыдовский культурно-исторический фестиваль «Тебе певцу, тебе герою!», посвященный 235-летию со дня рождения Дениса Васильевича Давыдова.

Денис ДАВЫДОВ

ВЕЧЕР В ИЮНЕ

Томительный, палящий день
Сгорел; полупрозрачна тень
Немого сумрака приосеняла дали.
Зарницы бегали за синюю горой,
И, окропленные росой,
Луга и лес благоухали.
Луна во всей красе плыла на высоту,
Таинственным лучом мечтания питая,
И, преклонясь к лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

1826

Давыдовская ветла на Мазке. 2016

Пруд. Недалеке от парка внучки Д. Давыдова

Участники Давыдовского праздника из Москвы, Ульяновска и Самары на месте будущего музея-заповедника. 2017

**В РИСУНКАХ – ПРОДОЛЖЕНИЕ СТИХОВ...
КАРТИНЫ СВЕТЛАНЫ МАТЛИНОЙ**

Торжество сирени

Фиалочки

Золотые ирисы

Цветы на воле

Полевой букет

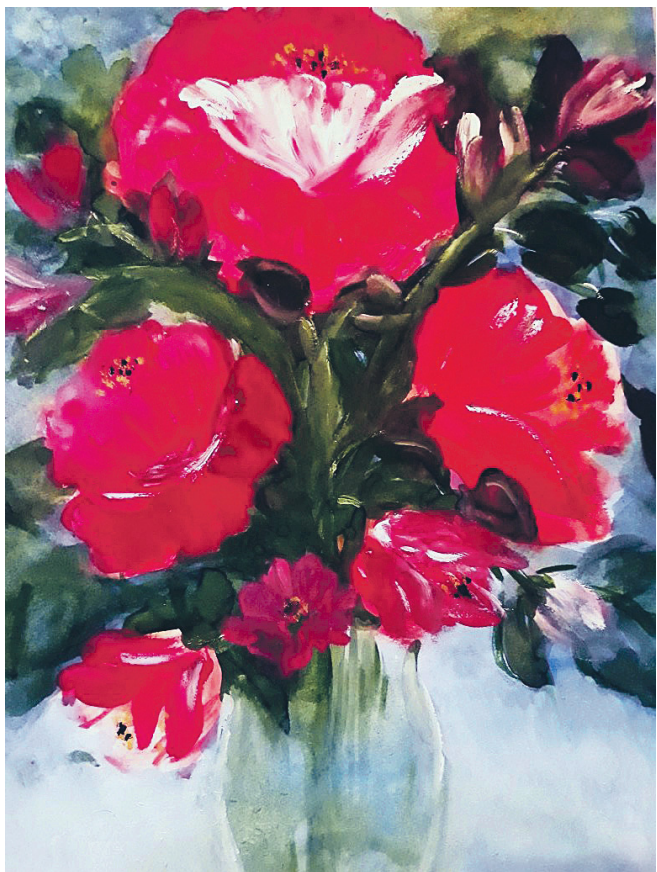
Первые розы

Ирисы июня

Вечерние ирисы

Алый веер

Светлана МАТЛИНА, поэт, член Союза писателей России, лауреат Гончаровской премии, лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова. Автор шестидесяти книг.

Я К ВАМ ИДУ, ЦВЕТЫ И ТРАВЫ...

ВЕРБА

Стоит вся серебристая
Над голубым ручьем.
А солнышко лучистое
Колдует надо льдом.

Оно венчает вербу
Короной золотой.
И рыхлым снегом веет,
И крохотной травой.

И трелями задорными
Прошиты птичьи дни.
Как речки очи темные
Две первых полыньи.

И вербные жемчужины
Взрываются в лучах,
Как будто пчелы дружные
Расселись на прутках.

Вся к утру золотистою
Окуталась фатой
И облако душистое
Качает ветр лесной.

* * *

И в снег проваливаясь, ветку
Поймать, сломать, дыша весной.
Как с ангельским пером, по небу
Спешить, к груди прижав, домой.

И дом затопит свет безмерный!
А в голове, как в синеве,
Все надо льдом сияет верба,
Теснится верба в голове.

ЗЕЛЕНый БЛЮЗ

Когда зацветает тополь,
Это уже апрель.
И воздух вокруг тягучий,
Как добрый ирландский эль.

Когда зацветает тополь,
Мой милый поет о любви,
И нрав его мягче пуха,
А губы ищут моих.

На юной земле веселой,
Сиреновой и голубой,
Коричневой и зеленой
Все голоса – за любовь!

Когда зацветает тополь,
У жизни особый вкус.
И я не хожу, а танцую,
Танцую зеленый блюз.

* * *

Разрумянилась клубника,
Зацветает зверобой.
Счастье солнечные блики
Сыплет с выси золотой.

Зелены, роскошны травы!
Серебристая коса
Ходит звонко вдоль дубравы,
Блеском падая в глаза.

Ветер прядает в покое,
В теплом золоте листвы
И до города доносит
Запах ягод и травы.

Напоили землю росы.
Зелень в небеса – стремглав,
Где сверкают нежно грозы –
Прародительницы трав!

* * *

Закружит, закурит, закурит,
Подхватит сиреневый дым
И сердце, каленое стужей,
Послушником рая – за ним!

Туда, где туманы ночные
С реки уходить не хотят,
Где утки летят заревые,
Над Волгой зеленой летят!

Где каждый листок в перламутре,
И где на глазах у меня
Заново каждое утро
Сама создается Земля.

Вот так начинает красую
Купальщицы тело цвести,
    когда та встает над водою –
И взгляда нельзя отвести!

Какая живая свобода!
Вот выплывет – и обниму
Омытую в ласковых водах,
В сиреновом сладком дыму!

БОГОРОДИЦЫНА ТРАВКА

В голубой листве – стрекозы.
В загородный поезд – давка.
Расцветает по откосам
Богородицына травка.

В алом Божья Мать наряде,
Покрывалом косы скрыты...
Тут с Ней ангелы шли рядом
И девиц прекрасных свита.

Босиком Она ступала
Под лилеей блесток лунных.
Слезы чистые роняла
О несчастных добрых людях.

Рассинелись благодатно
По следам проникновенным
Русский ладан и лаванда,
Забивая запах тлена.

И меня за этой травкой
Посылали бабки снова.
Устилали ею лавку,
За божницу клали снопик.

И подушка набивалась
Для усопших из охапки,
Чтобы сладко отдышалось
С богородицыной травкой.

* * *

Заката ясный розовый огонь
Окрасил воды, лег на зелень ивы
И так, не обжигая никого,
Горит бездымно, ровно, терпеливо.

Цветы и травы мирно шелестят,
Что мир, рукой не тронутый, прекрасен!
Что в этот час раздумьем он объят,
Что твой приход в него был не напрасен.

А ласточки заботливо снуют,
Влетают в дом, садясь на подоконник,
Где в плосках розы мелкие цветут,
И ты их кормишь хлебушком с ладони.

И все сильнее их тонкий, резкий крик,
И за окном сгущаются их тени.
И внятен вдруг становится язык
Упавшей наземь темноты вечерней.

То ветер, словно конь, блеснув уздой,
Промчит по водам, спрячется в купавы.
Цветы и травы берегут покой,
Качает темнота цветы и травы.

АНИСИИ

Жужжащее золото луга,
Улыбка смуглых небес.
Я знаю, что жизнь – подруга,
Что счастье – сейчас и здесь.

И я как пчелы собираю
Радости алый мед
В чашечках иван-чая,
Что пыль султаном метет.

Пропахли донником, тмином
Руки твои и мои.
И мальвы в полях невинны,
И в степях – ковыли.

Колосья, бабочек стая,
Сплетенье древесных жил...
Волна за волной набегают,
Не стихая, песни души.

Когда же с земли не встану, –
По звездам маршрут открыт.
Положите на грудь мне гитару –
И она зазвенит.

* * *

Обрящет дорогу идущий,
Ищущий счастья – найдет.
А всюду – зеленые кущи
И воздух звенит, как осот.

Дыханье лесной клубники
С дыханием земляники,
Стрекоз бирюзовый рой
И трав молодых настой.

И вещая в сердце тоска,
Полынная и густая,
Поет, поет не смолкая,
Скликая слова легкой стаей,
И облака, облака.

ОТПЕЧАТОК ЛИСТА

Есть местечки в лесу: как в одном загрузу,
Так в другом прояснею душою.
А с иного домой еле ноги тащу,
Не пойму, что со мною!

И случается, что отпечаток листа
У себя вдруг находят на коже,
Словно явлены кровные знаки родства,
Словно: вспомни, прохожий!

Ничего мы не знаем, а чувствуем – все.
Да и жизнь потому дорога,
Что чарует и держит под тайной свое,
Красотой окружая.

Ведь однажды и сердце, как лист, задрожит:
Пурпур, трубы и голос с востока!
И потребует он – и отдашь ему жизнь
За минуты земного восторга!

* * *

Утро доброе! Утро доброе! –
Свой привет на волне крылом
Чертят ласточки. Звоны долгие,
Сонмы брызг цветных – за веслом.

Лодка кружится под сиянием –
Разожглись зарей небеса.
Утро тихое. Утро раннее
Распеваётся на голоса.

Только свежесть в окнах растворенных
И раскаты далеких гроз.
И на розах у подоконников –
Влажный след от вчерашних слез.

* * *

В моем саду душиста зелень.
И свежей прелестью дыша,
В накидке из листвы кисейной
Шумит березка, хороша!

Плывут, как письма от Бога,
Берестяные облака.
Никто их не прочтет до срока,
Концы неведомы пока.

На всем – живые блики света
И солнца алая печать.
Росинке даже хватит света,
Чтоб образ мира передать.

СКАЗАНЬЕ О МИЛОЙ ЗЕМЛЕ

Зеленое лето, глазки травяные,
Высокие стены плакучих ветвей
И благость сереющей дали за ними,
Мазки буйных красок в цветении дней,
И лаковый остов обмытой березки,
И кольца на пне, и бересты полоски,
Сырые избушки за чернью заборов
И гроздья дождя на вагонном стекле,
И церковь куличиком над косогором
Ложатся в Сказанье о милой земле.

СКИТАНЬЯ

Синее солнце над бронзовым полем
Звонкой сухой пшеницы.
Как Богородицы плат на приволье
Тень голубая ложится.

Стрекот кузнечиков там, где поляны,
Запах дразнящий клубники,
Леса березовые туманы
Да облаков сиреневых станы,
Столб за столбом, как пики.

Лужа, разбитая колесом,
На жирной грязи дороги.
И никого... один с подождом,
Как лист, стоишь перед Богом.

Все выше тянется иван-чай
С трепетною любовью,
Розовым выкрасив неба край
Под бронзы молитвословье.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В глуши лесной я шла. Закат над лесом таял.
И птичьи голоса пропели лес.
И островки алели иван-чая,
Как облачка, упавшие с небес.
Тянулись чередой дегтярные колодца,
Пучки травы блестели на воде,
А камыши торчали из болотца
И затонувшей кланялись звезде.

Меж конских щавелей, крапивы, пижмы диких
И сизых зарослей колючей ежевики
Вдруг озеро глазам моим предстало:
В дозоре елей стройных все оно
Лик Ангела собой отображало,
Из светлой высоты смотрящего в него,
Как радуга играло и пылало –
И сколько длился взгляд, сияние росло!

Майна. Дегтярка

* * *

Я к вам иду, цветы и травы,
Чтоб вашу подружкой стать.
Приветствуя среди дубравы,
Проходим головой кивать.

Еще не все пропеты песни,
Я буду нежно их звенеть.
Когда в груди от песен тесно,
Еще не время умереть.

Любимые! Союз прекрасный
Мы заключили меж собой.
От вас и мира лик вчерашний
Овеет новой красотой.

И от избытка плоти грузно
Ввалясь с венком в окно зарей,
Летает над поэтом Муза,
Над русой спящей головой.

* * *

В заброшенном саду разросся пышно ландыш.
Сирени сбросили лиловый свой покров.
Вкруг в крестиках земля. Траву разгладись –
Сплошь перламутр глядит из-под листов.
Слетевшие с чудесной акварели,
Порхают бабочки замедленно, сквозь сон.
Жизнь – миф сновидческий до вечной
колыбели,
Жизнь – миг всего, но как блаженен он!

Владимир ЛЬВОВИЧ

ГОРОДОК НА ВОЛГЕ

Путевые заметки

Уже четвёртое лето мы с дочкой путешествуем на теплоходе по Волге. Однако это путешествие вызвало у меня столько мыслей, что не попытаться в них разобраться было бы ...странно.

Началось всё с утра, в день нашего отъезда. Путешествие наше начиналось вечером, а мы пошли в магазин купить кое-какие вещи. И вот на пути из магазина дочка задала мне вопрос: «Папа, а почему названия всех профессий мужского рода?».

Ответил я так, что дочка поняла, но совершенно неожиданно в первый же день нашего путешествия мой ответ был дополнен яркими подробностями.

В этот день у нас были запланированы остановка и экскурсия на острове граде Свияжске, но большая вода затопила там пристань, и нам заменили экскурсию в Свияжске экскурсией в городке, о котором я даже не слышал, под названием Мариинский посад.

Первое упоминание о поселении на месте этого города относится к тысяча шестьсот двадцатому году. Было это поселение селом, и называлось оно Сундырь.

А вообще-то эти места стали заселяться во времена Ивана Грозного.

Отряды Емельяна Пугачёва прошли ниже села Сундырь, около деревни Нерядово летом 1774 года. Этот крутой склон на берегу Волги находится в 3-5 км ниже Мариинского Посада и называется «Пугачёвский взвоз». «...Утром в Сундыре пугачёвцы повесили около 10 человек, в течение дня разграбили и подожгли в селе церковь, казнили священника Ивана Петрова, разгромили питейный дом и, уничтожив запасы вина и захватив казенные деньги, отправились в сторону Цивильска». На другой день Емельян Пугачёв обратился к населению с манифестом, в котором он провозгласил освобождение крестьян от крепостной зависимости навечно и призвал их беспощадно уничтожить помещиков, дворян и попов.

А.С. Пушкин в своё время проезжал через Мариинско-Посадский район (около села Октябрьское) и в пропущенной главе «Капитанской дочки» описал жуткую картину расправы с крестьянами: «Вдруг луна вышла из-за облака и озарила зрелище ужасное... плыла виселица на плоту, три тела висели на перекладине... Яркая луна озарила обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш, другой русский крестьянин, сильный и здоровый лет 20-и... над ними прибита была чёрная доска, на которой белыми крупными буквами было написано: „Воры и бунтовщики...“ Плот плыл вниз по реке. Виселица долго чернела во мраке». Но вскоре село Сундырь и соседние шесть деревень: Коновалово, Денисово, Ворошилово, Новый Починок, Моляково, Чекурский выселок – оправались и занялись торговлей лесом, хлебом, рыбой и промыслами.

Всё это, пока мы преодолевали совсем небольшое расстояние от причала до набережной, нам рассказывал экскурсовод, молодой парень, по всей видимости, очень любящий свой город.

– А вот и наша местная «Рублёвка». Правда, формироваться она начала даже не в девятнадцатом, а в восемнадцатом веке. Казанские и нижегородские купцы стали селиться в Сундыре и возводить себе каменные здания. Один из них возвёл себе даже два дома, но потом дела у него пошли не лучшим образом, и большой дом он отдал городу.

С фасада это был достаточно скромный двухэтажный дом, но насколько он огромный, мы увидели, когда отошли немного в сторону.

– Городские власти открыли в этом здании лесную школу, которая готовила лесных кондукторов или, говоря более современным языком, лесничих.

При советской власти эта школа была преобразована в лесной техникум, и в нём учился космонавт номер три – Андриан Николаев. Сейчас в городе есть музей космонавтики, входящий в мемориальный комплекс, посвящённый Андриану Николаеву.

Кстати, 9 июля 1919 г. с балкона здания лесной школы выступала Надежда Константиновна Крупская, супруга В.И. Ленина. Она прибыла на агитационно-инструкторском пароходе «Красная звезда».

Постепенно село Сундырь срослось с упомянутыми слободами и починками. У нашего современника может возникнуть вопрос: а что такое слобода и починок?

Починок – это просто вновь возникшее сельское поселение, а вот со слободой немножко сложнее. В двенадцатом – семнадцатом веках это отдельные поселения или группа поселений, население которых временно освобождалось от местных повинностей. Слобода – свобода. Освобождение от повинностей обычно не было полным. Характер льгот менялся и зависел от времени и места. В первой половине восемнадцатого века эти льготы были отменены, и слободы превратились в обычные сёла. Не мог Пётр Великий оставить какие-то свободы простолюдинам.

В 1844 году несколько купцов-торговцев и лесопромышленников, числившихся крестьянами, хотели для своих промышленных дел перейти в сословие горожан. Для получения купеческой гильдии, ссылаясь на малоземелье (так как при малоземелье нанимали пахотную землю у соседних помещичьих крестьян), они составили ходатайство перед царским правительством, прося разрешения «именовать город или посад Мариинским в честь имени императорского величества государыни императрицы Марии Александровны и построить за счёт ходатайствующих богадельный дом тоже имени её...». Подписалось в этом ходатайстве 2106 человек.

В Николаевской России бюрократия была ещё та, почти двенадцать лет лежало оно «под сукном», и только с воцарением нового государя вопрос решился.

18 июня 1856 года император Александр Второй «высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить» мнение Государственного Совета о переименовании села Сундырь Казанской губернии и близлежащих деревень в посад и наименовании посада Мариинским. 21 июня 1856 года министром внутренних дел был подан соответствующий рапорт Правительствующему сенату, который в свою очередь 6 июля 1856 года издал Указ «о переименовании села Сундырь и близлежащих деревень в посад и наименовании посада Мариинским».

Мы ещё немного прошли вдоль набережной, и нас пригласили в музей купеческого, мещанского и крестьянского быта.

Музей, основанный 12 апреля 1963 года, размещен в здании жилого дома купца Сапожникова. Дом одноэтажный с полуподвалом; говорят, во время становления Советской власти в этом подвале находились застенки ЧК, но мы туда не спускались.

Про «предбанник», где расположена мини-композиция, посвящённая местной природе, говорить собственно нечего, интересная история начинается с посещения комнаты, посвящённой мещанскому быту. Вряд ли имеет смысл пересказывать всю экскурсию, но вот некоторые детали мне показались забавными. Ну, во-первых, мещанином, снимавшим эту комнату, был... сапожник! Правда, мещанином он стал не сразу, сначала он числился ремесленником и только со временем получил статус мещанина. Чем, собственно, отличался ремесленник от мещанина? Мещанин имел право нанимать работников, а простой сапожник – нет. Ну, этот сапожник, похоже, был мастер своего дела, и, скорее всего, присказка, «пъёт (ругается), как сапожник», не про него. Нам показали изготовленные им сапоги. Я думаю, поэт Дмитрий Быков захотел бы приобрести такие.

– Вы поглядите на сапоги повнимательнее. Посмотрите, какие гвозди. Не поняли? Часть гвоздей деревянная. Как вы думаете, почему?

– На самом деле ответ очень простой. Долгое время у нашего сапожника не было возможностей самому изготавливать железные гвозди, а стоили они очень дорого. Значит, и сапоги были бы дороже, а раз так, то и спрос поменьше. Кстати, как вы думаете, из какого дерева делались гвозди?

Да, далеко оторвались мы от простых работ, а ведь в школе было у нас столярное дело, рассказывали нам про свойства древесины из разных пород дерева. Ну, я-то за пятьдесят лет подзабыл, а никто и помолodge правильно не ответил.

Оказывается, из осины.

– Помните, когда делают изгородь из осиновых кольев, со временем эти колья твердеют и трудно с ними что-либо сделать.

Ну, в наше время дети, начитавшись, нет, насмотревшись фэнтези, знают, что осиновые колья предназначены для немного другого.

Приятная комната – плетёные стулья, но всё-таки следующая интереснее.

Вряд ли так была оставлена жилая комната, уж слишком много разных вещей в ней собрано. Это комната крестьянского быта.

Вот топоры, которыми рубили дрова и щепали лучины. Вот светильники, устроенный так, чтобы упавшая горящая лучина не вызвала пожар. Вот разного вида коромысла, с которыми бабы ходили по воду. Почему они такие разные, я то ли прослушал – вокруг столько интересного, – либо об этом не сказали – нельзя же рассказать обо всём. Вот кочерга, вот деревянные вёдра, вот коробы, вот корыта.

– А вот это приспособление для переноса тяжестей, некоторый аналог современного рюкзака – две широкие крепкие лямки и достаточно широкая дощечка между ними. Понятно, что эта дощечка принимает горизонтальное положение, и если на неё положить груз, то он будет хорошо держаться. – С его помощью, – продолжала экскурсовод, – пере-

носились грузы весом более ста килограммов. Село у нас было торговое, постоянно приходили суда, баржи, и мужики нанимались в грузчики. Вот посмотрите рубахи. Они были достаточно грубые. Мужики потели, грязь прилипала. Женщины стирали водой, но обычно до конца отмыть не могли.

Тогда они расстилали их вот на таких плитах, – показывает на каменную плиту длиной чуть меньше полутора метров. – И вот таким валиком, – показывает на каменный валик диаметром сантиметров сорок с отверстием посередине, – выдавливали грязь, катая его по рубахе. И, в общем-то, рубаха становилась белой. Так появилась поговорка «не мытьём, так катаньем».

Вот посуда для приготовления пищи, вот прялка.

– Видишь, дочка, сколько всяких работ приходилось делать женщине дома – ни минуты отдыха. Когда же ей профессию осваивать?

Вот детские санки. Вот сани для хвороста.

– А вот лапти. За год крестьянин изнашивал до двадцати пар лаптей. Плести или, как говорили, вязать их было крайне простым делом. Занимались этим мужчины. Ну понятно, что плели их из лыка. Это как надо было напиться, чтобы быть неспособным к такому простому делу? Отсюда и вторая поговорка «лыка не вяжет».

– А вот на что похожи эти дощечки? – экскурсовод показывает на «гирлянду» из щепок длиной десять – двенадцать и шириной три – четыре сантиметра.

Кто-то говорит: «На нос».

– А как вы думаете, для чего они предназначались? – после некоторого молчания она продолжает: – Большинство крестьян были неграмотные, а налоги надо было платить и как-то фиксировать: сколько, какие, заплачено или нет? Вот на такой щепке, «на носу», делали зарубки. По мере выплаты зарубки уничтожались. Отсюда поговорка «зарубить на носу». Вообще-то после того как зарубки были сделаны, «нос» расщеплялся на две половинки: одна оставалась крестьянину, вторая хранилась у старосты». Все щепки отличались друг от друга, да и не всякие половинки совмещались, так что всё было чётко. Не всегда крестьянин мог вовремя всё заплатить, в этом случае...

Этот рассказ уже не так интересен, но я не думал, что про крестьянский быт, про какие-то стороны крестьянской жизни можно рассказать и столь просто, и столь увлекательно.

Ну а в купеческих комнатах... Четвёртый год путешествуя по Волге, насмотрелись мы уже купеческих комнат. Здесь нам понравилось два момента. Во-первых, фисгармония. Не то что уж очень увлекательный инструмент, но всё же знать, что это похоже на аккордеон, только меха раздвигаются педалями, может быть и полезно. Во-вторых, не в каждом музее экскурсия заканчивается угощением посетителям чаем (русским чаем – Иван-чаем) с пряниками под игру на фортепьяно одного из экскурсантов (как правило, среди посетителей находится человек, умеющий это делать.)

В городке ещё несколько музеев, но «хорошего помаленьку», и «всё хорошо в меру».

Удивительный городок Мариинский посад. Удивительно: как они догадались, о чём меня вчера спросила дочка?

Фото автора

ВСЁ ЖИВОЕ

Жан МИНДУБАЕВ, писатель, публицист, член Союза журналистов России, корреспондент «Литературной газеты».

Лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова

КОЛЕСО ПРЕВРАЩЕНИЙ

Рассказ

На рассвете Кобик вышел из будки во дворе старой крестьянской избы и крепко встряхнулся. Просыпаясь, он всегда встряхивался так, что казалось, оторвутся его черные уши, и весь сам он вылетит из рожденной для счастья жизни и движения упругой плоти. Душа и плоть были в нем едины – так считал его хозяин. «Ну, что, брат, душа опять зовет? – спрашивал он Кобика. – «Айда, пошли в лес!».

Кобик взвизгивал от слова «лес» и рвался за ворота. После целого года жизни в городе, после нудной зимы, после скучных прогулок на поводке, Кобик готов был сутками носиться в этом мире запахов, звуков, шорохов. Но главное – запахов. Он был слепопыт, охотник, хоть и числился в дворянках.

Обычно по утрам они с хозяином уходили далеко по зарастающей лесной дороге. Кобик, не теряя из вида ни запаха, ни шороха шагов хозяина, носился по лесу – как хотел и куда хотел. Но это было по-

сле девяти утра. А Кобик вставал рано. Лежать у будки, томиться было так скучно! И появилась у него маленькая, скрываемая от хозяина тайна.

Вот и сегодня. Безветрие, безмолвие, сырость... Потому так хорошо было слышно окрест. До ушей Кобика, стоявшего возле запертых ворот, дошептало, дошло: далеко отсюда, за четыре километра, в осыпающемся овраге, в вырытой под старым корневищем норе, повернулась и стала лизать своих щенков волчица. Он услышал еще, как волк, спавший у входа в нору, на шевеление в своем доме слегка прихлопнул хвостом, явно довольный жизнью. «Да, да! – подумал Кобик. – Они уже просыпаются! Но – подальше от них, подальше!»

Нырнув в подворотню, он понесся по росистой колее. С каждым прыжком он все больше и больше захлебывался от влажного воздуха и тех чувств, что распирали его.

А чувств было два. Первое: он знал, что хозяин огорчался, когда Кобик уходил из дома. И Кобик очень не хотел портить любимому человеку настроение. Потому и удирает из дома по своим делам в рань, пока хозяин еще спал. Он знал, что еще успеет вернуться до того часа, когда этот стареющий и, возможно, добрый человек встанет, зашаркает в сенях шлепанцами. А Кобик уже будет сидеть у входа в будку – и сделает вид, будто он только что встал. Потянется, потянется, встряхнется. Но брызги с еще не высохшей шерсти долетят до хозяина. И он так посмотрит на Кобика, что тот засмущается и даже, возможно, покраснеет.

Вот почему он несся сейчас вперед всё быстрее и быстрее. А бежал он к поселку Техмел, где... Ну, ждали его там, ждали.

Собака у художника Максимова завелась случайно. Он никогда не думал, что это ему понадобится. Он смотрел на всех этих овчарок, догов, дворняжек, спаниелей и прочую четвероногую публику с некоторым пренебрежением – и даже с жалостью. «Ну, что прилепились к людям, сами себе еду не умеете добыть? И это – потомки волков? Эх-хе, побирушки несчастные, за кусок хлеба стараются...» Может, такое отношение к собакам было у него потому, что он не без тайной гордости считал себя человеком крепким.

Однажды он пришел к приятелю, большому оптимисту и бабнику и застал его в сильном трансе. «Ты чего?» – поразился Максимов. «Джек вчера под трамвай попал», – ответил приятель и заплакал. Максимов тогда изумился: так убиваться из-за собачьей смерти?! «Вот заведешь – сам узнаешь», – ответил приятель. «Я? На кой хрен он мне нужен?»

Со временем выяснится, что Максимов сильно заблуждался. Но выяснится это не тогда, когда, вернувшись с персональной выставки из Москвы, он найдет на столе записку, в которой его молодая (уже вторая) жена сообщит, что навсегда уезжает из Приволжска с греческим бизнесменом... А может он изменил свое отношение к собачьему племени после двух лет черной пьяни, когда он, чудом выжив, отпустил бороду и поклялся на могиле матери «не брать на грудь» больше ни грамма? Или в тот день, когда Максимов впервые встретился с Кобиком?

А встретились они так... Отдышавшись, отмаявшись, оклемавшись после бегства жены, после невероятных загулов с черными пропастями отчаяния, Максимов медленно возвращался к жизни. Давалось это с трудом, требовало аскетизма. Со старыми приятелями общение было утрачено – а где обрести новых, когда тебе уже за пятьдесят? Впрочем, отшельничество художника и не особенно мучило. Он отскреб засохшие краски на палитре, стал выезжать на этюды. И набрел вскоре на крошечный хуторок Вязки, где и купил за гроши старую избу. Изба была изъедена мышами, нестерпимо воняла – особенно после дождей; нещадно дымила печка. А за хлебом и едой надо было ходить за километр в поселок с тоскливым названием Техмел, которое, естественно, местные остряки давно переименовали в Похмел.

Как-то, поев щей, Максимов пошел выкинуть головизну и кости. Маленький черненький щеночек топтался на крыльце. Дернулся убежать. Но приостановился и завертел хвостиком: «А вот я тут...» На шее у него болтался ошейник из бельевой веревки.

Схватив мосол, щенок бросился вон. Ну – и с Богом!

Они, однако, снова встретились. Под вечер, в саду. Щенок сладко спал. Передние лапы лежали на драгоценной кости. Что-то в душе Максимова сдвинулось. Он тихонько пошел из сада к себе. Оглянувшись, увидел, как щенок бредет за ним, держа в зубах все тот же мосол. Темнело. Девать неожиданного гостя было некуда. Вытряхнув из картонной коробки какую-то рухлядь, Максимов поставил ее на веранду. Щенок улегся в коробке, как в собственном доме. А через день – исчез. Среди зарослей пижмы, густо перевитых мышиным горошком, художник увидел бездыханного щенка. Он лежал на боку, по морде деловито сновали муравьи. Максимов взял его на руки и понес домой, недоумевая: зачем он это делает?! Четыре дня щенок не ел, не пил и все пытался забиться в самый темный угол избы. Максимов, разжимая слабенькие челюсти, вливал в дохлика очередную дозу биомицина. На пятый день щенок, не вставая, потянулся к половине яйца на ладони Максимова и стал жевать. «Захотел жить, стервец! – улыбнулся Максимов. – Ну-ка, глянец, кто есть. А, кобель. Маленький. Значит, Кобик».

Черный, с рыжими бровями и белыми подпалинами на лапах и таким же трезубцем под хвостом, собачий детеныш оказался умным и сообразительным. Коричневые глаза его все глубже и глубже заглядывали в душу Максимова.

Первую в жизни Кобика и пятьдесят третью в жизни Максимова зиму они просидели в Вязках. Зима была сиротской, малоснежной, мороз устоялся лишь к Рождеству. Еще осенью Максимов соорудил для своего песика будку, навалил на нее копешку сена – и радовался тому, что его питомцу и тепло, и уютно, и сытно. Раз в неделю они ходили в поселок Техмел – через поле, сквозь молодой соснячок, мимо зарослей терновника. Им было хорошо вдвоем.

Обретя дом и хозяина, Кобик приосанился, выпрямился, вроде бы даже подрос. Опасности не сознавал, бежал навстречу любимому живому существу – человек, лошадь или злющая соседская корова Азиза – все едино. Облаивал от души, отгонял от двора: чужим не смей! Все, что жило на территории подворья, он считал подлежащим своей опеке и защите.

Однажды Максимов увидел Кобика явно не в своей тарелке. Поскуливая, он нерешительно топтался возле будки. А в ней слышался писк котят и умиротворенное урчание соседской кошки Настюны. Отчего ей взбрело превратить Кобинову будку в роддом? Почему пес не вытряхнул вон всю кошачью семью? Пришлось для сверхгостеприимного хозяина соорудить еще одну будку. Котята выросли в прежней.

Кобик удивлял Максимова сметливостью, интуицией, логичностью поступков. Подчас ему казалось, что пес этот явлен в его жизнь для того, чтобы нечто прояснить, растолковать, на что-то намекнуть. От этого становилось не по себе. Как и от мысли, что однажды Кобик вдруг возьмет да исчезнет, уйдет из его жизни.

Это лето они ждали с особым нетерпением. В июне Кобику исполнилось ровно пять лет. Юбилей. Все равно, что полвека для человека. Как только они явились в Вязки, сосед Иван Гришин, посто-

янно живший на хуторе, хмуро сообщил странную новость.

– Нынче в зиму у меня десяток овец резанули! – Выпил поднесенный Максимовым стакан и добавил: – Нехорошо стало в наших краях, волки завелись. Серые хищники. Да. Охотники нужны. Да.

Максимов пропустил эти слова мимо ушей. Какое они имели к нему отношение? У него ведь не водилось ни овец, ни кур, ни свиней. С чего бы ему тревожиться, есть волки возле Вязков или нет?

Бог был щедр на радости. Менялись дни – с дождями и солнцем, с вековечными ку-ку на утренней и неизменным крэк-крэк на вечерней заре. Каждый день нес ощущение полнокровной радости бытия. О, как тянулась к свету трава! Как шалели ласточки над крышей! Как запахи в июне таволгой и ромашкой лесные поляны! Что творилось с Кобиком! Ошалевший от свободы, носился он по окрестностям хутора; исступленно гонял воробьев, норовивших пожить у его кормушки; закрутил крутой роман с сучкой Милкой – единственной в округе дамой – и оттого вальяжной и вроде бы недоступной. Но разве можно было устоять перед галантностью Кобика и его донжуанскими манерами! Милка жила в поселке Техмел – и именно туда бегал Кобик по утрам тайком от хозяина.

...А к волчьей норе его привел запах. Острый, отдающий собакой и еще кем-то, запах заманил Кобика в глухой, забытый папоротником и валежником овраг. Что-то было там, в этих зарослях, тревожно манящее, влекущее. Некая тайна. Она открылась ему внезапно. С высокого обваливающегося края оврага он увидел разнеженную на утреннем солнышке волчицу. Она блаженно вытянулась у черной дыры, уходящей под вывороченное корневище сосны. Под брюхом у нее сладко спали трое волчат. Волчья нора! Обливающий все тело страх охватил Кобика. Не пикнув, не дыша, не шевельнув ухом, пополз задом прочь. Он впервые в жизни учуял запах смерти. «Никогда больше не приду сюда, никогда!» Он не знал, что зорко наблюдать, ходить по следу, затаиваться и ждать своего часа дано не только ему.

Следы чужака возле логова волк обнаружил сразу. Мгновенно понял, откуда пришла эта ненавистная, вмиг наполнившая его яростью тварь. Собака! Собака с хутора! С того самого, где прошлой зимой они так славно отмечали с подругой свою свадьбу. Запах теплой овечьей крови – аромат пиршества до сих пор пьянил его. Тогда этот праздник удался именно потому, что на хуторе не было собаки. И вот, значит, она появилась? При мысли об этом у волка вздыбился загривок и подтянулись губы, обнажив мощные, еще даже не начинающие желтеть клыки... О-о-о, собачье племя! Кровные враги, предатели рода, лакеи человечества! На вопрос, кого убивать первым – овцу, человека, собаку? – ответ мог быть только один: собаку!!!

Так началась охота за Кобиком.

Бежавшее светлым росистым утром на любовное свидание существо было беспечным, веселым и расположенным только к добру. Хуторок еще спал, лишь скворцы оглашенно носились со своими выводками. Все здесь было родным и знакомым для Кобика. Вот старый вяз, под которым он однажды затеял свару с черно-белым котом Барся-Марся. Слишком зазнался котьяра, пришлось его загнать на

дерево. А вот кирпичный домик Егорыча, который всегда выставляет для него еду в разбитом чугулке. Неважная еда – жидкая каша, рыбы кости – да ведь не то дорого. А во-он, на отшибе, крепкое хозяйство, куда и принесли пять лет назад щенка для утешения внучатам. А когда он им надоел – его выгнали со двора...

И если бы не хозяин?

Вспомнив о нем, Кобик даже привстал: а не повернуть ли назад? Как-то совестно ему стало перед стариком, который даже не догадывается, для каких утех чешет сейчас его любимец по росистой июньской тропе. Именно в это мгновение нечто большое, страшное, молчаливое и вылетело из одичавшего вишенника, навалилось, хапануло громадный пастью. Зверь хотел захватить загривок, чтоб враз, намертво перекусить горло. Но Кобик рванулся, капканьи челюсти сомкнулись на костреце, у самого хвоста, впились в тело, чтобы уже не отпустить жертву, добыть... Развернувшись до хруста в позвоночнике, Кобик достал-таки правым верхним клыком желтый, стальной, немигающий глаз врага. Тот отпрянул.

Кобик рванул из последних сил. К дому! К хозяину!

Он добрался до дома, с трудом пролез в подворотню и затих в будке.

Максимов проснулся бодро, весело. Просвистал, покликнул – у Кобика не было сил отозваться.

Хозяин долго ворчал, сердился, искал его – и только тогда из израненного, пропоротого в двух местах собачьего тела истек жалобно-извиняющийся стон. У Кобика хватило сил выползти из будки. Целый день он лежал в тени у крыльца и все пил, пил из подносимой Максимовым плошки. «Поддохнет, – равнодушно сказал зашедший за куревом сосед Гришин. – Его почти насковзь прокусили, у него воздух в брюхе. Поддохнет...» Максимов посыпал собачьи раны стрептоцидом, промыл марганцовкой – он не верил словам Гришина, ему все казалось, что песик поцапался в обычной собачьей сваре, что вот он отлежится, встанет, отряхнется – и, ткнувшись холодным носом в ладонь, скажет: «Ну, пошли, поиграем в мячик!».

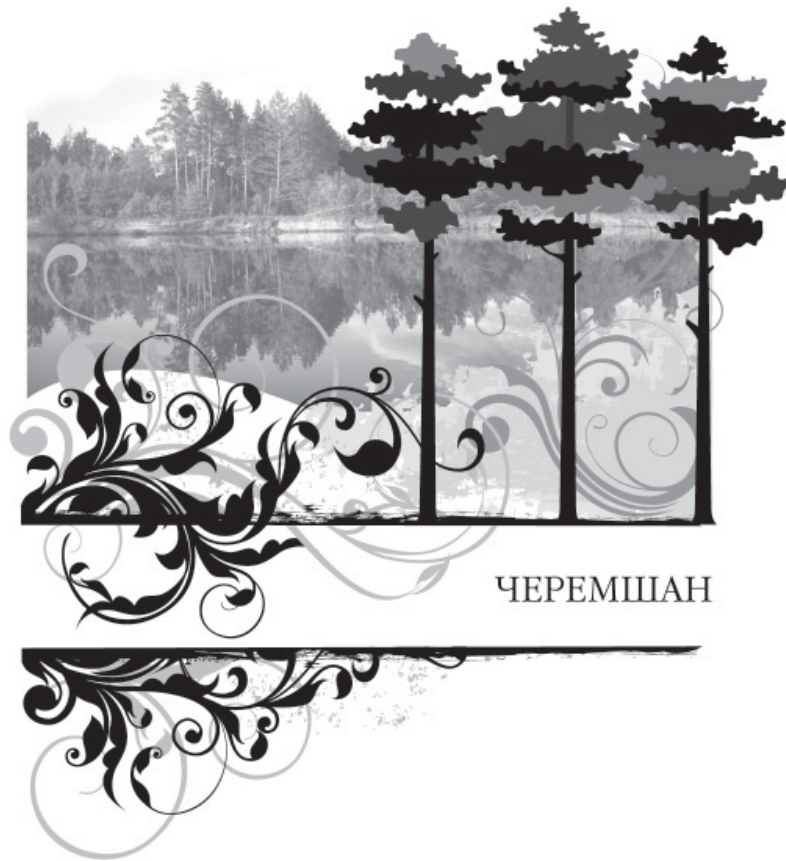
Кобик умер ровно в десять вечера. Лапы дернулись, отвисла челюсть, вывалился длинный, теплый, еще розовый язык. Максимов заворачивал его в свою рубашку – слезы текли по его небритому лицу. Схоронив Кобика у забора под соснами, Максимов долго пил водку с соседом.

Потом взял свою старую тулку, подул в стволы. Загнав два патрона, пошел на собачью могилку.

Над лесами, над тихой июньской благодатью разливалась розовая заря. Выстрелы никого не встревожили – в этих краях браконьеры падали в любое время года.

Хватились Максимова лишь через три дня. Он лежал ничком на подсохшем могильном холмике. Милицейский следователь не затягивал расследование: «Самоубийство на почве пьянства». «Да он по собаке своей убивался, как умалишенный. Пять лет в рот не брал, а тут как на грех беда пришла! Вот и не выстоял», – уточнил сосед Гришин.

Участкового это не интересовало. Он был озабочен другим: пустых патронов в магазиннике два, а рваная рана на груди – единственная. «Может, этот псих еще кого прикончил, а?».

Инга ГААК родилась в городе Мары Туркменской ССР, среднюю школу окончила в Белоруссии. Училась в Тартуском университете, играла в молодежном театре. С 1993 года живет в г. Димитровграде. Член Союза писателей России. Работает в Центральной городской библиотеке г. Димитровграда.

ЗВУКИ ФЛЕЙТЫ

* * *

Волшебные краски лета угасли в студёной мгле, в кибитке разбитой Осень странствует по земле: она колесит полями, и жёлтый фонарь луны лик нищенки освещает, что в измороси уныл.

И гонит и гонит ветер обрывки вчерашних нот той музыки дивной света, что тьмы менестрель поёт.

...И слушает Осень ночью лишь первых морозов хруст, и жажда терзает, впрочем, кувшин вдохновенья пуст. Три брата любили осень – но где их следы? Их нет. Кибитка, кряхтя, поносит проклятый немилый свет...

Не знает пощады память, разбужен осенний пыл, и флейты дымок, не тая, над миром ночным поплыл...

...Июнь – молодой, бедовый, с девичьей косой играл и нежных цветов бутонны всё в волосы ей вплетал;

Июль – золотой, медовый, её целовал в уста, венчаясь в прозрачных водах, ей мужем на месяц стал;

с корзиной даров чудесных к ней Август навстречу шёл – она же, стыдясь, исчезла в дымах и туманах сёл...

...Играет, играет флейта, и каждый хрустальный звук, рождаясь, тотчас рождает снежинки искристый круг. И ветер их вдаль уносит, и в кружевах фаты, Зимой обернувшись, Осень несётся в санях золотых...

МАЙСКИЙ ЗОВ

Я слышу леса стон...
 Тот зов со всех сторон
 Меня манит в зеленый
 сумрак сводов.
 Стволов замшелых сонм
 Над плачущей водой –
 Как острова русалочьих затонов.
 Незримый «Ом-м!» – и чуть шуршит тростник, –
 Лягушечья осанна летним грозам.
 Мой жадный взор под сень деревьев проник
 И замер в глубине...
 Метаморфоза:
 Я становлюсь и деревом, и росой
 Июньского дождя.
 И в купах облепихи
 Я – соловей!.. и леса дух босой,
 и звон песка,
 И мыши шорох тихий.

Я – часть Вселенной, я – одна из всех!..
 Сознания раздвинуты границы...
 Я – маргинал, я – вне мейнстрима тех,
 кто Космоса в себе самом боится...

СКАЗКИ ЛЕСА

Лес вечерний тревожит напевно,
 Тихо стонет лягушечья топь;
 Сладкий ландыш – что слёзы царевны;
 Эхом множится зыбкая дробь...
 То ль смеётся залиvisto леший,
 Рассыпая в траве жемчуга?
 Иль меж тропок ступает неспешно
 За кореньями Баба-яга?!
 На заросшей тропе пень-кудесник
 Сонно жмурит опята-глаза.
 Вековечного царства ровесник
 Сказки леса готов рассказать...
 В купах сосен куражится вихорь,
 Не касаясь крылами низин.
 Там, в долине, и дивной, и тихой,
 Зверь чудесный, холмов властелин...
 На ветвистых рогах синий вечер
 Звёздным в травы струит молоком.
 В тонкой дымке шагает навстречу
 Нежной Ладушке Лель босиком.
 Зверь проводит их сумрачным взглядом
 (Ночь недолго пирует в лесах),
 Лето – песнь торжествующей Лады,
 И звенят, и звенят голоса...

ЛОПАТИНСКИЙ МОТИВ

На краю рассвета бродит наше лето
 Росами
 И бросает в травы золотого цвета
 Россыпи...

По тропинкам детства
 Я спешу одеться в радуго;
 я придумал песню и хочу делиться
 Радостью!

Ветер-колокольчик трогает деревья,
 Им смешно;
 Дым с приходом ночи сизым опереньем –
 Хорошо!

Мы – июня гости, не посмеет осень
 Тронуть нас;
 Солнечные гроздья, запах трав и грозы –
 Про запас...

30 ИЮНЯ.**ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПОЛЯНУ**

Кружева наброшены на травы –
 Белой кашки отцветает мёд,
 Завтра ждут июльские забавы,
 В области легенд июнь уйдёт.

Выйдет осторожно в перелесье
 Шоколадный лось в плену дождя;
 Пожует губами, что-то взвесив,
 Скроется в дубраве погода.

Соловью, что так смешил ночами
 Филигранной песенкой своей,
 Летом больше не чудить над нами –
 В хлопотах семейных соловей.

В переливах флейты – грома ропот,
 В звонких рифах – града жемчуга.
 Зарастут душицей наши тропы,
 Не узнать воздушные луга.

Лето вяжет жизнь неторопливо;
 Круг времён – улитки завиток.
 Мир поляны, дикий и красивый,
 Неизменен, как и жизни ток.

Мы здесь жили-были, ели-пели,
 Днём творили – кто во что горазд!
 Вечерами на огонь смотрели,
 Видели друг друга без прикрас.

Мы – Вселенной дети и Поляны,
 В жилах кровь зелёная стучит.
 Радужные ритмы барабанов
 Строили Поляне нашей щит.

Хрупок мир: гроза пройдёт, и кашка
 В травы, измождённая, падёт
 Кружевами рваными... и тяжело
 Сизый ветер поутру вздохнёт.

Будет лето, будет снова счастье –
 Соловьи, звериный рык ночной;
 Призовёт дружину символ власти –
 Витязь деревянный, расписной.

Лето вяжет жизнь неторопливо;
 Круг времён – улитки завиток.
 Мир поляны, дикий и красивый,
 Неизменен, как и жизни ток.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

...У крыльца Домика-на-Опушке расцвели подснежники... Зяблики несут на крыльшках звонкие песни лета, но пока весна... Закройте глаза, даже если вам всего лишь осталось переступить ступеньку и постучаться. Закройте глаза и развернитесь к солнцу, впитайте его ласковое тепло и подумайте о том, что солнце одинаково светит всем – волшебникам и чудачкам, творцам и лапландцам, муравьям и крынке на заборе. Поворачивайте голову за солнцем, как подсолнух, наслаждайтесь его теплом и светом...

Ага, вы крутанулись на пятке и вновь упёрлись взглядом в дверь? И спрашиваете, к чему эти церемонии?..

Церемонии и ритуалы важны... Вы должны это понимать, раз пришли. Чайная церемония, танцевальные позы и жесты, чистый холст в ожидании шторма красок – всё это церемонии. Ароматическая палочка, букет в стеклянном флаконе, спицы, нервно позвякивающие в ожидании новой сказки, – ритуалы.

Северная мантра – апрельский ветер приносит туман с пустошей, серый ломкий кустарник окунулся в цвета зари, и на пурпурных ветках набухли капли влаги. Листья ещё спят в пушистых пазухах, но уже готовы выглянуть наружу и, сладко потянувшись, прошептать свои слова бесконечной мантры природы.

Флейта не знает преград. Её музыка пронзает пространство пустых комнат и заполняет их образами... Музыканты полукругом на полу, за окнами метель, а в доме свет и любовь, джембе, дарбука, детская погремушка – не всё ли равно на чём играть, только бы мелодия не смолкала, только бы переливы северной мантры не угасали...

Облака цветной шерсти: травяные и чайные феи танцуют в облаках... длинные косы, тонкие иглы, яркие глаза – из миража рождаются причудливые создания... горьковатый аромат костра, череда рождений в пульсации фрактальных проекций деревянных мандал – Космос...

Тёплые деревянные и яркие нитяные, из солнечного шёлка, мандалы, заряженные звёздным светом; сотканые из дружеских объятий и птичьей радости Ловцы сновидений; говорящие камешки; суворушки-суронушки из замысловатых сучков и коряжек; кружева, связанные из зимних мечтаний для летних хороводов...

Следуйте за звуками флейты. Домик-на-Опушке расскажет вам не одну сказку.

ЧУДЕСА В СТРАНЕ АЛИСЫ РИСОВАТЬ

– Научите меня рисовать! – тоненький голосок позади заставил Художника поперхнуться и, откашливаясь, он опрокинул рукой замызганную кружку без ручки. Холодный сидр пролился на землю, а от краешка кружки отлетел черепок.

– Ну вот тебе! – неприветливый тон Художника

не отпугнул юную особу. Длинное белое платье, конопушки на вздёрнутом носу, неприметные бровки на крутом лбу... Только глаза! ...нет, глаза тоже ничем не примечательные, просто взгляд настырный. Вот хочу и мне надо!

– Я что, похож на учителя рисования? Иди в школу и рисуй!

– Простите, мне, конечно, приятно слышать комплимент в свой адрес, только школу я давно окончила и уроки ИЗО вообще никак не повлияли на моё желание научиться рисовать.

Художник вытер рукавом когда-то, сто лет назад, наверное, модного вельветового пиджака вспевший лоб.

– И?..

– Я повсюду вижу картинки... Вот на что ни кину взгляд – сюжеты, иногда в ярких цветах, чаще однотонные..

– Монохромные...

– Д-да, монохромные... и эти картинки они повсюду!

– Мне кажется, вы всё же ошиблись адресом, – вкрадчивым голосом произнёс Художник.

Мягким движением он приобнял особу за хрупкое плечико и вывел на бульжную мостовую, такую старенькую и затёртую многолетними каблуками, что камни едва лоснились среди пучков травы.

– Если вы пойдёте, и пойдёте по этой дорожке, она обернётся песчаной тропой, – так же мягко начал Художник, – тропа травяной стёжкой, а та уткнётся в дом в виде заячьей головы.

– Так там же настоящий сумасшедший дом!

– Вот туда вам и надо, раз уж вы повсюду начали видеть «картинки», значит, скоро услышите голоса, это обычно добром не кончается... А в сумасшедшем доме вам помогут!

– Вы не понимаете!

– Нет, душечка моя, это вы не понимаете! – повысил голос Художник, глаза его исторгли плеяду зелёных всполохов, усы встопорщились, модный сто лет назад пиджак затрещал по швам:

– Вы не понимаете, что у Художника, у творческой личности есть высочайшее вдохновение, этот полёт души, неподвластный обычным существам, а вы врываетесь в моё пространство, хватаете за крыло и вниз!

– А, по-моему, нет у вас никакого там крыла, вы просто – спивающийся старый Кот! – дерзко заявила бледная особа и, повернувшись спиной, пошла в направлении противоположном дому в виде заячьей головы.

– Научите меня рисовать! – особа была сегодня в длинном холщовом платье с капюшоном и походила на окулкивающуюся гусеницу.

– Мы разве не договорились в прошлый раз? Вы идёте в сумасшедший дом, а я спиваюсь в тишине и покое?

– Нет.

– Что «нет»?!

– Не договорились.

– Я не...

– ...учитель рисования, я поняла. Научите, как мастер ученика.

– Что? Чему? Вот точка, линия, пятно! Вот штрихи, вот светотень! Вот краски – акварель, вот виноградная чёрная, умбра, сиена жжёная. Вот крапак, лазурь. Вот кисти, их много – плоские, круглые, щетина, белка... Чему вас учить?! Вы что, не в состоянии самостоятельно сходить в художественный магазин и приобрести все! Эти! Товары?! – вопил Кот, в два прыжка взлетевший на макушку пирамидального тополя. Поднявшийся ветерок раскачивал дерево всё энергичнее, Кот вжимался в сочащуюся кору, а пиджак, щеголеватые штаны и жёлтые ботинки на каучуке всё ещё сохраняли образ Художника. – Я опять вне себя из-за вас! – шипел и плевался Кот на дереве. – Мне столько лет стоило это умение сохранять себя в здесь и сейчас, а не распыляться по атомам где попало, и вот являетесь вы, и всё снова!..

Особа стянула капюшон с головы, выпустив на ветер тонкие бледные кудряшки, и поплелась во свояси. Сколокольчики, недовольно позвякивающие на длинных тонких стеблях, на всем пути следования слышали её упавший голосок:

– Зелёная травяная, изумрудная, алая... сиена жжёная... лазурь...

– Здравствуйте! Сколокольчики уже отцвели, ду-маю, теперь пришло время нам поговорить без ссор и обид.

Кот лежал, развалившись на мягком топчане, убранном по-турецки – покрывало, подушечки с кисточками, вышивка золотым шнурком, – он лениво покуривал трубку, выпуская клубы сладковатого белого дыма, а ярко-зелёные сверкающие жуки лениво гудели в зарослях чубушника¹, стараясь увернуться от следов псевдодеятельности Кота.

– Наговорились уже! Мне больше нечего сказать ни вам, ни в искусстве.

– Хм... А где же ваш образ Художника?

– Выбросил на свалку истории.

– Тогда... Тогда можно посмотреть ваши работы? Мне ведь не у кого больше учиться. Кроме вас, я не нашла здесь других художников...

– Мои работы? Мои работы... – горько усмехнулся Художник. Он стоял, облокотившись на жёсткую поверхность живой изгороди и подперев голову одной рукой, в другой руке бездумно пританцовывала тросточка... – Я так долго собирал мозаику из осколков стёкол, отражений в лужах, обрывков фотографий, всю жизнь создавал одно полотно – себя самого, что... Я не написал ни одной картины... Я всё умею – растирать краски, грунтовать холсты, сколачивать рамы... Умею появляться и исчезать по своему желанию, распускать слухи, создавать иллюзии... Но, по большому счёту, я – пустышка, я сам – мираж, иллюзия, меня «знает» толпа поклонников, но разве можно «знать» кого-то, если и в себе-то не уверен, если каждое утро сам меняешься, колеблешься как маятник... Друзья, не видевшие ни одной моей картины, только ссылаются на какие-то авторитеты... В нашем виртуальном мире очень просто притвориться кем-то и играть в кошки-мышки...

– Когда я принимаю душ...

– О! Опустите эти душераздирающие подробности...

– Когда принимаю душ, то смотрю на стенку, а на ней облезла штукатурка, хозяин экономит на ремонте... так вот я каждый раз вижу разные картинки... эти ваши линии, пятна, штрихи складываются в забавные портреты и сюжеты... мне кажется, я вот-вот найду этому всему объяснение, но не нахожу.

Вот, поглядите, на стене вашего дома пятна плесени, в них я вижу две скособооченные башни. А это молоденькая монашка в дурацком чепце подставляет губки ветру, будто надеется получить от него поцелуй... А-ха-ха! Вот толстый господин поскользнулся в мыльной пене и шлёпнулся, а из пены появляются облака, которые на самом деле – пар из кофейной чашки. Ну вот же, посмотрите!

А эта купа цветов? Она же напоминает даму из магазина шляп по соседству, её вздёрнутый длинноватый нос, её кокетливая шляпка... А тени трав на стене сарая? Их хочется просто обвести углём и запечатлеть сегодняшний вечер...

– Вечер? Но сейчас ещё утро, и довольно раннее! – прервал её Художник, и замер сам. В изумлении обвёл взглядом свой маленький, такой обычный сад, заметил золотистые блики на досках флигеля. На сонном бледно-оранжевом горизонте растягивались малиново-золотые диски солнечных облаков, тонкий серп луны торопливо выглядывал из дымчатого флёра и снова нырял в него, ожидая свой черёд. Да, скоро он вовсю разыграется на небе, усеивая черноту ночи сверкающими конопутками звёзд.

– Мы провели вместе весь день и вы ни разу не прервали меня, – улыбнулась бледная особа. Впрочем, закат и горячность придали красок и свежести её оживлённому личику. – Я приду снова, и тогда уж вы возьмётесь за кисти и краски и покажете мне ваши фокусы... Покажете, как вызывать мираж из мира фантазии и наполнять его светом и тенями; научите придавать форму несуществующему, дадите звукам эха имена и заставите свои создания танцевать под звёздами и пить молоко, и запах круассанов и горячего кофе вас превратит в мальчишку, знающего, кто он и чего хочет в этом мире... До завтра, мой Чешир! Надеюсь, скоро мы станем добрыми друзьями, а не игроками в кошки-мышки...

Особа слегка кивнула головой, встряхнула медными локонами, рассыпанными по плечам и решительно двинулась к садовой калитке.

– Пойдите! Одну минутку! Как же вас звать?!

– Муза! – улыбнулась странная особа и, выйдя за калитку, скрылась в густой траве весёлой полёвкой.

ЧУДЕСА, ЧУДЕСА...

(Вольная цитата из «Агаты Кристи»)

С минувшего четверга будто нахожусь в Потомке, плыву, скольжу, замечаю, осмысливаю... Стоило 4 часа пообщаться с чудесной подругой, на час погрузиться в прекрасную музыку, на полтора – в беседу с незнакомыми, но такими милыми людьми, обняла папу, 2 часа плыла сквозь лесную тишь, и что-то изменилось. Будто вошла в портал... Сегодня в 4.30 отправилась с Тусей на прогулку, яркие ночные светила ещё не скрылись в солнечном сиянии;

почки на деревьях уверенными космическими кораблями нацелились в небо; утро готовится вспыхнуть прохладным, но бесконечно светлым многоцветьем... Соки под корой вётел окрасили ветви в пурпур и охру, красота... И петрикор...

Под звёздами пролетали группы уток, оглашающие воздух короткими вскриками. Вспомнила нашу поездку с хором мальчиков в Таллин, был конец апреля, и стаи гусей длинными цепочками вытягивались по небосводу, и сердце щемило при взгляде на их розовое, подсвеченное рассветом оперенье, и при гортанных звуках, исполненных радости встречи с родиной. Понятно, что, скорее всего, это мы, человеки, вкладываем свои чувства в волнующие переливы их голосов, но, вполне вероятно, мы ошибаемся, и животные испытывают всю гамму чувств, присущих нам...

Пока моя Туся резвилась, знакомясь с хвостатыми товарищами, я размышляла о силе воображения, о надуманных страхах, о готовности к встрече с чудесами, мысли толкались, рвались из меня... И я немного поиграла с эмоциями. Ранним утром – почти ночью – легко представить себе страшную сказку, странное безлюдное пространство. И эти дома с тёмными окнами – избушки на курьих ножках, пряничные домики, пещеры болотных ведьм... и эти обнажённые кусты с искривлёнными ветвями, скрученными в причудливом танце – заколдованные принцы и принцессы.

И эти неведомые звуки... Где-то за оградой раздался короткий приглушённый мяукающий всхлип – воображение услужливо представило угнетённое в каменной глуши привидение, прикованное заклятьем. Чуть дальше по улице лязгающий грохот и шум падения – на все четыре лапы приземлился косматый оборотень?! Заигралась. Сама себя испугала-таки. Нет, светлого окраса, дружелюбная длинноногая лайка. Хотя зимой издали она вполне могла сойти за белого волка – если играть, конечно.

Алёша вчера рассказал о забавной старушке, лихо раскатывающей на скутере с прикрепленной сбоку метлой! Вот это да! Увидеть бы и с фотографировать! Но что если это не человек с хорошим чувством юмора, а настоящая волшебница? А что

если персонажи сказок и мифов на самом деле существуют в параллельной Вселенной и периодически нас навешают? Сфотографируешь таких, как же!

Как-то Вика Волконская высказала мысль о том, что сказочные существа никуда вообще-то и не удалялись, а ассимилировались, растворились в человеческой расе... Есть ведь среди нас эльфы, гномы, великаны. Птичий и лошадиный тип лица, люди с собачьими глазами, жабообразные... Удивительные и прекрасные создания, каждое по-своему.

Иногда идёшь, погружённый в свои мысли, мучаешься над неразрешённым вопросом – и вдруг проходящий мимо паренёк кричит в свой мобильник необходимый мне ответ, громко кричит, чтобы я услышала. Или ещё вот, «надписи на заборах», или граффити по-современному. Тоже, если настроиться на волну, почерпнёшь философских идей или с проблемой справиться сумеешь – ответы всюду. Как и вопросы. Всё обещаю себе примеры записывать, но они словно ускользают, исчезают из памяти, едва ты справился с задачей. Нет, в следующий раз зафиксирую, чтобы без голословных утверждений...

В ванной стены не отделаны, неужё в струях воды, а в пятнах краски проступают лики, образы, глаза из других миров. Ну хоть это я могу запечатлеть мгновенно. Могу и делаю. Через две недели открываю файл, смотрю и не по-ни-ма-ю: зачем мне этот снимок?

В таллинском кафе пьём невероятный кофе со сливками и клубничным пирожным. Ум-м! На стенках чашки явственно проступил силуэт носатой такой тётки с устремлённым к луне этим самым носом и кошки, орущей что-то в Космос. Домишко их кофейный, скобобоченный. Сфотографировала, и уже 6 (шесть!) лет пытаюсь вспомнить, что меня так очаровало и почему я так мечтала нарисовать или написать этот сюжет?

Мысль опять ускакала. Что ж, философ из меня никудышный. Никакого резюме нет. Просто очередной волшебный день, ничего «такого»!

P.S. А есть что-то такое – серьги-перья, приглашающие взмыть в небеса, серьги-ловцы снов, серьги, подаренные Кристиной, сегодня я буду самой красивой!

¹ «Чубушник» - кустарник садовый «ложный» жасмин получил за то, что его побеги с полостью внутри в старину использовали для создания мундштуков и чубуков курительных трубок.

Александра БЕЛОВА родилась 26 июля 1944 года в Красноярском крае, по образованию – инженер-химик. С 1969 г. живёт в Димитровграде, работала конструктором на ДААЗе, корреспондентом газеты «Автостроитель».

С 2005 по 2012 год была руководителем городской писательской организации «Слово», редактором литературного приложения газеты «Димитровград», организатором литературного фестиваля «Лопатинские чтения».

Публиковалась в периодике Саратова, Львова, Красноярска, Москвы, автор шести книг стихов, рассказов и эссе.

Мать троих детей.

Член Союза писателей и член Союза журналистов России.

Редакционный совет литературного журнала «Симбирскъ» поздравляет Александру Георгиевну Белову с юбилеем! Добра, радости, света, гармонии, вдохновения!

«ДУША ЖИВЁТ ПО БОЖЬЕМУ ЗАКОНУ...»

ЗЕЛЁНЫЕ КАМНИ

Обожаю зелёные камни.
В них такая сквозит глубина!
Сбирала их вроде недавно,
набегала на берег волна.
Зеленели берёзы и сосны,
любовался на них Енисей.
Далеко ещё было до взрослой,
неприкаянной жизни моей.
С Енисеем судьба мне расстаться.
Черемшан принят сердцем моим.
Но зелёные камни хранятся.
Взгляд всегда обращается к ним.
Я от Волги до Енисея
Добираюсь охотно, легко.
По дороге люблюсь Россией.
Не могу быть от них далеко.
Навсегда эта нежность дана мне.
Навсегда мне Россия дана...
Обожаю зелёные камни,
в них такая сквозит глубина.

КАРТИНА

Натянут холст,
продумана палитра.
Волнение полнит разум
по ночам.
Еще немного – и окно открыто
туда, где Свет,
где тайна всех начал.
Покоя нет, но сладостно решенье
нарушить
безмятежность полотна.
И молится художник
вдохновенью,
и вот уже картины суть ясна.
Восходит дух,
огонь в творце пылает,
и сердце неустанно гонит мысль
к руке и в кисть огонь передавая.
И рвётся он на холст,
и рвется ввысь.
Душа живёт по Божьему закону,
ведь каждый холст
мечтает быть иконой.

ДОМ

Строитель
видит мысленно свой дом.
Топор в руке.
Пришло уже решенье,
Какие двери, окна будут в нём.
И брёвна ждут
его прикосновенья.
На Небесах
начертан мыслей план:
одно окно
направлено к востоку,
а к людям – дверь.
Крылечко будет там,
открытое Небесному потоку.
Назначен угол, спрятанный от глаз,
где поселится тихое смирение,
где станет
небольшой иконостас
свидетелем
земного откровенья.
И замысла уже не изменить.
Ведь каждый дом
мечтает храмом быть.

«ВСЯКОЕ ДЫХАНИЕ ДА ХВАЛИТ ГОСПОДА»

(псалом 150)

У ног моих весенняя река
забытый плеск свой ласково явила,
со льдом уже простились берега.
Звучат ручьи так ясно и так мило!
Листочки пробиваются на свет
и заполняют небо кружевами.
В восторге птиц я нахожу ответ,
который мне не выразить словами.
Уходит лето. Красок торжество
вновь удивляет. Радостно и грустно.
Спешит на смену снега волшебство –
то рой снежинок, то повалит густо.
И день, и ночь, и звёздный небосвод –
всё благодарность Богу воздаёт.

ЛЕГЧЕ ВЕРИТЬ

Из древности красивая легенда
дошла до нас что если человеку
положено безжалостной судьбой
оставить этот мир, то только тело
уходит безвозвратно, а душа
среди живых всё так же остаётся...
Мне легче в это верить, чем не верить.

ЧУДО

Всё постепенно уходит:
восторги, желанья,
неодолимая жажда успеха
и страсть наслажденья.
Только извечное чудо –
душа человека –
снова и снова поднимется,
прочь от себя отметая
пепел угасшей надежды...

У МОРЯ

А море, как доверчивый ребенок,
качается, к ногам моим ласкаясь.
Вся эта широта его и ясность
так радостно колышутся во мне.
Я рядом с этим трепетным созданием
вдруг чувствую такое изумленье!
И тёплой доброты порыв сердечный,
и жгучее желание творить.

СУМЕРКИ

Сумерки гаснут за нашим окном.
Ты после долгого, трудного дня
входишь. Всегда на твоём лице
светится миг ожидания тепла...
Как я люблю этот миг!

ПОМНИ

Если, лаская берег,
волны тебя коснулись –
это тебе с надеждой
я прошептала: «Помнишь?»
Если осенний ветер
бросит под ноги листья –
это к тебе упрямо

мысли мои стремятся.
Если другие руки
Плечи твои ласкают –
это к тебе упрямо
нежность моя вызывает
Если, всю ночь рыдая,
ветер стучится в окна –
это моя надежда
стонет, теряя силы:
«Помни! Помни! Помни!»
Если ко мне среди будней
светлый ворвётся праздник,
если судьба, как факел,
вдруг осветит дорогу –
это твоё дыханье
эхо приносит: «Помню!»

ОДИНОЧЕСТВО ВДВОЁМ

Странно и больно – ты рядом со мной,
а мне так холодно и одиноко.
Плохо мне, если вижу тебя
и не могу к тебе прикоснуться.
«Уйди скорее», – молю судьбу.
И дверь спешу закрыть за тобою.
Но самый тревожный, последний миг
жаркой волною пройдёт по сердцу.
И долго, долго дрожит во мне
огромный мир, освещённый солнцем.

В КРУИЗЕ

Чтобы оценить любое благо,
надо хоть на миг его утратить.
Милая земля моя, ни разу
я ещё тебя не оставляла.
Но теперь, когда седые волны
скрыли берега мои родные,
знаю я, что буду с нетерпением
ждать, когда тебя увижу снова,
шорохи снегов твоих услышу,
воздух твой вдохну самозабвенно.
Не заплачу, но смахну украдкой
радости доверчивые слёзы
И поняв: чем дальше от Отчизны,
тем сильнее по ней тоскует сердце –
снова я приду в твои объятия.

ХОККУ *Трёхстишия в японском стиле*

***
Всё затихает,
когда идёт первый снег.
Даже лай собак.

***
За снег, за дожди
Благодарна Тебе я.
За алый закат.

***
Матушка. Отец...
Часто вижу их лица.
ночами, во сне

***
Ночью не спится...
Утром - звонок от сына.
Покой подарил.

***
Песня ручейка
слышится из-под снега.
Ранняя весна.

***
Визг бензопилы.
Долго берёза росла....
Как зеленела!

***
От грусти идут,
не от радости, строки.
Жить помогают.

***
Водой из ручья
детям дала напиться.
Весело шли до дому.

***
Бабочка села
на вербу цветущую.
Радостно Небу.

***
В цветных пальтишках,
как птички весенней порой,
дети щебечут.

***
Давят заботы.
Синее небо всегда
силы подарит.

***
Не огорчайся.
Новый денёк принесёт
радость. Увидишь!

Галина ЗАРУДНЕВА родилась 8 июля 1938 года в Ульяновске. Пишет стихи и прозу. Автор книг «Доверчивый мотив», «Листопад, листопад», «Черепашка», «Рябиновый свет».

МИР УДИВИТЕЛЬНЫХ ЗВЕРЮШЕК

Стихи для детей

ВОЛШЕБНЫЙ СУНДУЧОК

Стоял на кухне сундучок,
Закрыта крышка на крючок.
А там, под этой крышкой,
Спокойно «жили» книжки.

Вот книжка «Маша и Медведь»
Пыталась даже песни петь,
А семь козлят с козю
Паслись у водополя.

На перекрестке двух дорог
Стоял красивый «Теремок».
В нем добрая лягушка
Ждала мышку-норушку.

А крутобокий Колобок
В траве на солнышке прилёг,
Где мимо вдоль дорожки
Летала Бабка-ёжка.

Кашей под деревом сидел,
И в поле дальше глядел.
Там маленький Антошка
Опять копал картошку.

Ну вот, короче говоря,
Наш сундучок стоял не зря.
Раз у него под крышкой
Такие «жили» книжки.

* * *

Ёжик вышел из тумана,
И увидел великана.
Был он страшен и высок,
На спине тащил мешок.
Ёжик очень испугался,
Под какой-то куст забрался.
У корней его залёг,
Превратившись в колобок.
А как солнышко пригорело,
Сразу принялся за дело.
Распрянул тугую спинку,
Быстро вылез на тропинку,
Никого там не нашёл
И к себе домой пошёл.
Ждали там его ежата,
Непослушные ребята,
С ними матушка Ежиха
Управлялась очень лихо.
Ежик всё ей рассказал...
Бедный, как же он устал!

* * *

Лупоглазая улитка
В сад вползла через калитку.
Ни одной у ней нет ножки,
Но зато какие рожки!

Чтоб жилось ей веселей,
Завела она друзей.
Самый лучший её друг
Симпатичный майский жук.

В гости он когда летит,
Обязательно жужжит.
Так что этого жука
Слышно всем издалека.

А ещё улиткин друг –
Старый дедушка паук –
Паутину всё плетет,
Никогда не устает.

Как сойдутся они вместе –
Нет компании чудесней.

* * *

Медвежонок косолапый
Жил в большом густом лесу.
И, гуляя вместе с папой,
Встретил рыжую лису.

Угостил её малиной,
Даже в гости пригласил.
И, прощаясь под осиной,
Ей цветочек подарил.

Хитро лисонька мигнула
И исчезла за кустом.
На прощание махнула
Рыжим огненным хвостом.

Мишке так обидно стало,
Что он сразу загрустил,
Даже пожалел сначала,
Что малиной угостил.

Но потом заулыбался,
Перестал о ней жалеть,
И уже не обижался, –
Он ведь добрый был медведь.

* * *

Тётушка Ежиха – чудо повариха.
У неё иголки, как у нашей ёлки.
Кормит всех зверюшек, белочек и хрюшек.
Прибежал к ней зайчик, непослушный мальчик.
Прилетела птица – важная синица.
И пришли козлята с мамочкой рогатой.
А ещё лягушка – звонкая квакушка,
Толстая индюшка да мышка-норушка.
Даже воробышка, серенький мальчишка,
Полетав немножко, постучал в окошко.
Тётушка Ежиха – чудо повариха,
Форточку открыла и его впустила.
Всех она накормит, будут её помнить.

ЖИТЕЛИ УЛЬЯНОВСКА ВСТРЕТИЛИСЬ С ПЕРВЫМ ГОСТЕМ ПИСАТЕЛЬСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ ГОРОДА ЛИТЕРАТУРЫ ЮНЕСКО

27 июня во двореике Дома Гончарова прошла встреча с Андреем Хочеваром из Любляны, по-этом, писателем, редактором известного журнала LUD Literatura. Хочевар стал первым гостем международной писательской резиденции в Ульяновске для авторов из литературных городов ЮНЕСКО.

Результатом пребывания писателей в Ульяновске должен стать текст, посвященный городу. После месяца работы в резиденции автор шести книг стихов и одного сборника рассказов Андрей Хочевар встретился с ульяновцами, прочитал свои стихотворения, ответил на вопросы поэта и журналиста Сергея Гогины и гостей. Ульяновцы смогли услышать не только звук словенской поэзии, но и русский перевод стихотворений, выполненный известной переводчицей Жанной Перковской. Как рассказал Хочевар, писательская резиденция в Ульяновске помогла ему сфокусироваться на главном – написании текстов, благодаря чему он создал за этот месяц больше, чем за весь предыдущий год.

В Ульяновске автор работал над стихотворениями и репортажем о литературной жизни города. Гостя из Словении интересуют социальные обстоятельства литературы, которые, по его мнению, недостаточно изучены. Репортаж Хочевар опубликует в словенском журнале LUD Literatura, а позже он будет переведен на русский язык. В Ульяновске писатель встретился с местными авторами и принял участие в нескольких литературных мероприятиях, среди которых: литфестиваль «Пушкин в городе У», Большое литературное собрание, а также «Литературный трамвай».

В свою очередь, ульяновские авторы могут стать участниками подобных резиденций в других городах литературы ЮНЕСКО. Сейчас местные писатели получают информацию о новых конкурсах и резиденциях от дирекции программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» через специальную рассылку Writer's Info Point. Чтобы подписаться на нее, достаточно отправить письмо по адресу infopoint.ulskcityofliterature@gmail.com

Ульяновск примет участие в международных литературных проектах

В 2019 году Ульяновск реализует несколько новых проектов в партнерстве с зарубежными коллегами. Совместные программы обсудили в конце мая на конференции городов литературы ЮНЕСКО, которая прошла в Великобритании. Координаторы 26 литературных городов, представляющих 5 континентов, рассмотрели лучшие практики и предложения по сетевым проектам. Мероприятие состоялось при финансовой поддержке принимающей стороны и Arts Council England. Ульяновск выступил с предложением провести совместное исследование

условий работы писателей литературных городов ЮНЕСКО для изучения потребностей авторов в развитии литинфраструктуры. Результаты исследования, которое будет организовано волонтерскими силами, планируется использовать для разработки мероприятий по поддержке писателей и развития литературной инфраструктуры. Проект также позволит рассказать о проблемах и потребностях писателей из разных стран. Ульяновск также присоединится к проекту Любляны, посвященному продвижению идеи домашних библиотек. Города Сети подготовят репортажи о местных жителях с большими личными библиотеками. Помимо этого, драматурги Ульяновска и Гейдельберга продолжают работать в соавторстве над пьесой по мотивам романа Гончарова «Обломов». Результат работы будет представлен в Ульяновске в сентябре в рамках Дней Германии.

По Ульяновску проехал Литературный трамвай

21 июня по Ульяновску проехал Литературный трамвай. Уже в четвертый раз горожане путешествовали по ночному городу и слушали тексты писателей из литературных городов ЮНЕСКО.

Мероприятие организовано дирекцией программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» совместно с управлением культуры города, «Ульяновскэлетротранс» и Централизованной библиотечной системой. (Подробнее об участниках поездки в Литературном трамвае читайте в следующем номере журнала «Симбирск».)

Ульяновские писатели могут подать заявку в резиденцию в Праге

Прага, город литературы ЮНЕСКО, объявила старт приема заявок в писательскую резиденцию на 2020 год. Будет выбрано 6 писателей, каждый проведет в Праге 2 месяца. Ульяновские писатели и переводчики также могут подать заявку. Предоставляются стипендия и бесплатное проживание, оплачивается обратный билет. Среди требований – знание английского и минимум одна официально изданная книга. Заявки принимаются до 31 августа. Подробности и форма заявки здесь

<https://www.prahamestoliteratury.cz/en/activities/writer-in-residence-program/general-conditions/>

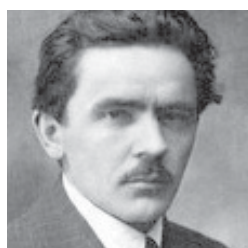
Подробнее с новостями программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» можно ознакомиться на сайте <http://ulyanovskcreativecity.ru>. Подписывайтесь на нашу информационную рассылку о возможностях для писателей, резиденциях, лимероприятиях Ульяновска: просто отправьте письмо на адрес infopoint.ulskcityofliterature@gmail.com

АВГУСТ 2019

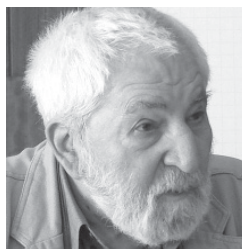
2 августа – 135 лет назад родился литературовед Михаил Дмитриевич Беляев (2.08.1884, г. Симбирск – 5.10.1955, г. Серпухов). Детские годы провёл в Симбирске, жил в Петербурге. С декабря 1918-го по январь 1921 года как уполномоченный музейного отдела Наркомпроса находился в Симбирске, участвовал в передаче библиотеки П.В. Анненкова в Пушкинский дом. В 1921 – 1929 гг. заведовал музеем Пушкинского дома, затем работал в Государственном литературном музее. Во время войны жил в Ульяновске, написал воспоминания о М. Горьком.

2 августа – 130 лет назад родился татарский писатель и переводчик Сагит Хамидуллович Сунчелей (2.08.1889, д. Старый Мостяк Хвалынского у. Саратовской губ., ныне село Старокулаткинского р-на Ульяновской обл. – 27.10.1937, Соловецкий лагерь особого назначения). Учился в Казанской татарской учительской школе. Работал в Уфе и Казани. Автор сборников «Стихотворения Сунчелей» (1918), «Революционные стихи» (1919), «Стихи Сагита Сунчелей» (1929), пьес «Мансур» (1916), «Богема» (1917), поэтических переводов.

2 августа – 60-летний юбилей отмечает поэт и прозаик Александр Александрович Тимаков (р. 2.08.1959, г. Саранск). Окончил Куйбышевский медицинский институт (1982). Проходил службу в Вооруженных Силах РФ (1982 – 2009). Автор поэтических сборников «Чеченский альбом» (1998), «Открытие эпохи» (2001), «Апельсин в ладонях» (2003), «Чувства и честь» (2006), «Загадываю встречи...» (2014), книги прозы «Ханкалинский дневник» (2008) и др. Член Союза писателей России (2017). Председатель Ассоциации литературных объединений и творческих союзов Ульяновской области.

8 августа – 80 лет исполняется писателю и кинорежиссёру Алексею Константиновичу Симонову (8.08.1939, г. Москва). Сын поэта К.М. Симонова. Окончил МГУ (1964), Высшие курсы кинорежиссёров (1970). Работал в издательстве, объединении «Экран», в Институте кинематографии. Перевёл многих зарубежных поэтов, публиковался в журналах «Москва», «Юность», «Огонёк» и др. В феврале 2017 года приезжал в Ульяновск, где в течение 5 дней вёл занятия Школы следовательской журналистики со студентами, работающими в СМИ.

3 августа – 65 лет со дня рождения прозаика Веры Андреевны Филатовой (р. 3.08.1954, г. Уфа). Окончила Ульяновский педагогический институт, работала по специальности. Писала рассказы и стихи, публиковалась в альманахе «Карамзинский сад», в журнале «Наш современник». В 1990 – 2000-х гг. трудилась в Ульяновской региональной организации Союза писателей России. Наследница рода Шишковых, автор книги очерков из жизни симбирского дворянства «Бессмертно всё, что невозвратно» (2001). Член Союза писателей России (1999).

14 августа – 80 лет со дня рождения поэта и прозаика Виктора Петровича Шепелева, литературный псевдоним – Виктор Первомайский (14.08.1939, пос. Первомайский Куйбышевской обл., ныне Кузатовского р-на Ульяновской обл. – 5.11.2013, г. Ульяновск). Работал строителем в Сибири, на Чукотке, Камчатке, Курилах, Дальнем Востоке. Жил на станции Охотничья, в последние годы жизни – в Ульяновске. Автор поэтического сборника «Тропинка к дому» (2000), книг прозы «Быль и небыль» (2000), «Чукотские зори» (2008).

5 августа – 165 лет со дня рождения прозаика, публициста, драматурга Евгения Николаевича Чирикова (5.08.1864, г. Казань – 18.01.1932, г. Прага). Учился в Казанском университете. В 1889 – 1891 гг. жил с матерью в Сенгилее, где подрабатывал уроками, не раз бывал в Симбирске. Публиковался в газете «Симбирские вести». В 1917 году выступал в Симбирском городском театре. Автор романов «Жизнь Тарханова» (1914), «Семья» (1925), «Зверь из бездны» (1926), рассказов «Рыжий», «Колдунья», «Лесачиха», «Городок» и др.

15 августа – 95-летний юбилей отмечает писатель, краевед Жорес Александрович Трофимов (р. 15.08.1924, г. Могилёв Белорусской ССР). Окончил Казанский университет (1960). Более 30 лет служил в Советской армии, подполковник запаса. С 1975 года живёт в Ульяновске. Написал несколько книг о В.И. Ленине и его семье. Автор изданий о литературных краях «Минаев и Симбирск» (1989), «Родня по вдохновенью» (1993), «Симбирск и симбиряне» (1997), «Симбирские дни Пушкина» (1999), «Мой Денис Давыдов» (2008) и др.

8 августа – 125 лет назад родилась поэтесса, прозаик Ольга Александровна Ильина (8.08.1894, г. Казань – ? .11.1991, г. Сан-Рафаэль, США). Правнучка поэта Е.А. Боратынского. В детстве до 1898 года жила с родителями в Симбирске, где чуть не умерла из-за полученных от кори осложнений на лёгкие. Первые стихи опубликовала в Казани (1913). В 1922 году эмигрировала в Харбин, затем в Сан-Франциско. Автор книг «Канун Восьмого дня» (1951), «Санкт-Петербургский роман» (1982), «Белый путь. Русская Одиссея 1919 – 1923» (1984).

16 августа – 180 лет назад родился церковный писатель, епископ Александр, в миру – Андрей Иванович Светлаков (16.08.1839, с. Нижняя Маза Сызранского у. Симбирской губ., ныне Радищевского р-на Ульяновской обл. – 20.10.1895, г. Калуга). Окончил Казанскую духовную семинарию (1875). Автор сочинений «Опыт объяснения заповедей Божиих» (1878), «Христианские храмы, их история и значение» (1882), «Нравоучительные уроки священника к бывшим прихожанам в письмах» (1887),

«Иисус Христос по Евангелию» (1893) и др.

16 августа – 50-летний юбилей отмечает писатель, сценарист, актёр и режиссёр Павел Владимирович Санаев (р. 16.08.1969, г. Москва). Окончил ВГИК (1992). Снялся в фильмах «Чучело» (1983), «Первая утрата» (1990); сценарист и режиссёр фильмов «Каунасский блюз» (2004), «Последний уик-энд» (2005), «На игре» (2009) и др. Автор повести «Похороните меня за плинтусом» (1996), романа «Хроники Раздолбая» (2015). Приезжал в Ульяновск в 2015 году с показом в кинотеатре «Матрица» своего нового фильма «Полное превращение».

19 августа – 105 лет со дня рождения писательницы Веры Николаевны Жаковой (19.08.1914, с. Никулино Симбирской губ., ныне Николаевского р-на Ульяновской обл. – 13.03.1937, г. Горький, ныне Нижний Новгород). По другим данным, родилась в с. Никулино Курмышского уезда, ныне Поречского

р-на Чувашии. Жила в Благовещенске-на-Амуре, в Москве. Вела переписку с А.М. Горьким, встречалась с ним в 1931 году. Автор повестей «Школа Ступина», «Кулибин», рассказов «Настасья Хлопова», «Град Китеж» и др.

22 августа – 115 лет назад родился писатель-фантаст Иван Александрович Калиновский (22.08.1904, с. Жедрино Сызранского у. Симбирской губ., ныне Кузоватовского р-на Ульяновской обл. – 14.11.1988, г. Красноярск). Учился в кадетском корпусе, служил в Красной армии. Окончил ВХУТЕ-

МАС (1926). 1926 – 1929 гг. работал архитектором на заводе №3 в Ульяновске. С 1929 года жил в Москве, затем был главным архитектором в Орске. Автор сборников прозы «Королева большого дерби» (1962), «Когда усмехнулся Плутарх» (1967).

25 августа – 70 лет со дня рождения писателя и литературоведа Николая Михайловича Коняева (25.08.1949, пос. Вознесенье Подпорожского р-на Ленинградской обл. – 16.09.2018, г. С.-Петербург, похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры). Автор сборников прозы «Такой ветер»

(1980), «Ненайденные клады» (1987), «Марсиане» (1991), романов «Неудавшийся побег» (1993), «Письма с того света» (1997), «Рубцовский вальс» (2005), «Прощание с тысячелетием» (2018) и многих др. Лауреат литературных премий имени Андрея Платонова, Василия Шукшина, Большой литературной премии Союза писателей России. Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова. В июне 2016 года принял участие в Гончаровском празднике, после вручения премии провёл во Дворце книги в Ульяновске творческую встречу с читателями.

27 августа – 85-летний юбилей отмечает журналист, писатель Жан Бареевич Миндубаев (р. 27.08.1934, г. Спасск Татарской АССР, ныне г. Болгар РТ). Окончил Казанский университет (1958). Работал корреспондентом центральных газет и журналов. С 1970 года живёт в Ульяновске. Автор книг «И.Н. Ульянов» (в соавторстве с Ж.А. Трофимовым), «Выдвинут самим провидением», «С Венца далеко видно», «Присяга делу», повести «Дней листопад», сборников «Перевал», «Утренний лист» и др. Член Союза журналистов России. Лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова.

28 августа – 120 лет со дня рождения писателя Андрея Платоновича Платонова (28.08.1899, г. Воронеж – 5.01.1951, г. Москва). Автор книги стихов «Голубая глубина» (1922), романа «Чевенгур» (1929), повестей «Котлован» (1930), «Ювенильное море» (1934) и др. В 1930

– 1931 гг. дважды приезжал в творческую командировку на Среднюю Волгу: был проездом в Ульяновске и Мелекесе, посетил Чердаклинскую и Якуштинскую МТС, оставил в дневнике запись о бунте в колхозе «Путь Ленина» села Средний Сантими́р в Заволжье.

28 августа – 95 лет назад родился литератор Александр Степанович Пекки (28.08.1924, д. Мустылово Всеволожского р-на Ленинградской обл. – 14.05.2008, г. Петрозаводск). В 1931 году переехал с семьёй в г. Мелекес, в 1942-м окончил здесь среднюю школу №1.

Учился в Петрозаводском университете. Работал в Институте геологии Карельского научного центра РАН. В августе 1975 года приезжал в Димитровград на встречу выпускников. Автор книги «Трудармия», рассказов и воспоминаний, опубликованных в журналах «Карелия» и «Север».

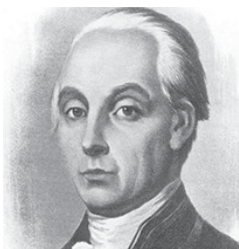

28 августа – 50-летний юбилей отмечает писательница Рахель Лихт (р. 28.08.1969, г. Ульяновск). Окончила Саратовский политехнический институт, работала конструктором в области машиностроения. В 1990 году опубликовала в журнале «Волга» эссе о Пастернаке «И творчество, и чудотворство», «Письма Б.Л. Пастернака К.А. Федину». Составитель сборника «Б. Пастернак. Мой взгляд на искусство» (1990). С 1991 года живёт в г. Ришон-ле-Цион в Израиле. Автор книги воспоминаний «Семейные свитки» (2009).

30 августа – 130 лет назад родился церковный писатель Александр Иванович Введенский (30.08.1889, г. Витебск – 25.07.1946, г. Москва). Окончил Петербургский университет. Был членом обновленческого Священного синода, рек-

тором Московской богословской академии. Автор сочинений «Причины неверия русской интеллигенции» (1911), «Христианство и анархизм» (1918), «Церковь и голод» (1922) и др. В 1941 – 1943 гг. находился в эвакуации в Ульяновске, служил в церкви Неопалимой Купины.

31 августа – 270 лет со дня рождения писателя Александра Николаевича Радищева (31.08.1749, г. Москва – 24.09.1802, г. С.-Петербург). В 1764 переехал в Петербург. В 1772, 1778 – 1979, 1798 гг. бывал в имении родителей в с. Верхнее Абязово (ныне с.

Радищево Кузнецкого р-на Пензенской обл.). По неподтверждённым данным, посещал имение отца в с. Дворянская Терешка (ныне пос. Радищево Ульяновской обл.). Написал «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) и другие сочинения. Имя Радищева носит улица в Ульяновске.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ АВГУСТА

Александр ТИМАКОВ (р. 1959)

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПОЕЗДКА

Ночь, летящий снег, перрон.
Рельсов звон, мороз, вагон.
Тамбур, двери, холодильник,
Проводник, постель, гудок.
Время, путь, поездка, дом.
Иней, сосны за окном.
Снова в розвальнях, январь
Отрывает календарь.
Из плацкартного окна –
Стук колёс и тишина,
Небо, светлое от звёзд,
Церковь, край села, погост.
Несть числа соломе крыш.
Русь! Куда же ты летишь,
Опохмелившись чуть свет?
Всё одно – ответа нет.

Лишь мелькнёт среди берёз
Заблудившийся Христос...

СЕНОКОС

Под вечер ловко смётана копна,
А мы под ней, застигнутые мглою.
И льётся звёздный свет из полотна,
Пронизанного Божьею иглою.

Постель из разнотравья так легка,
Вся запахом наполнена прохлада.
Краюха хлеба, крынка молока,
Мы молоды! Ну что для жизни надо!

Желания так робки и тихи,
Чуть слышен шорох ситцевого платья.
И чувства превращаются в стихи,
И руки заплетаются в объятия...

И поцелуй, желанья воплотив,
Порасплетает шёлковые косы...

Навек в душе остался тот мотив,
Как мы выросли в пору сенокоса.

Ольга ИЛЬИНА (1894 – 1991)

МОЛНИЯ

Там, в лесу, двумя озёрами
Свод небесный отражён.
Пламенеющими взорами
Этот свод раздвинул Он.
Как? Заросшие купавами
Воды синие озёр,
Вы не сделали кровавыми,
Отразивши этот взор?
Леса глушь (она спала ещё)
И седые тростники,
Не зажглись вы от пылающей,
От пророческой тоски?
Нет. Скользнул над неготовыми
Божий взгляд и Божий гнев,
Отголосками громовыми
В даль немую отлетев.
Только ива – участь странная –
Вся пылала, как костёр.
Приняла она, избранная,
Божий гнев и Божий взор.

* * *

Буду старой старухой,
А останусь всегда такой:
Называть слона буду мухой
И шутить над своей тоской.
Скрытой моей гордыни
Крепка стальная печать,
И в грядущем, и в прошлом, и ныне
Я умела – сумею молчать.
О молчаньи в стихах и лучше,
Чем я – уж сказал мой дед,

Искросыпяще мудрый Тютчев,
Проницательно гибкий поэт.
Так примите, потомки и дети,
Наш завет и чтите его:
«Тот счастливее всех на свете,
Кто сильнее себя самого».

Виктор ШЕПЕЛЕВ (1939 – 2013)

ЦВЕТЫ

Луг украсили ромашки,
Голубые васильки.
Ветер бьёт их, треплет кашки,
Вьют в них гнёзда кулики.

А они цветут упрямо,
Крася луг из края в край.
Утром встанут из тумана –
Улыбнутся в светлый май.

И, любуясь ими, люди
Соберутся в хоровод.
На лугу веселье будет,
Разгуляется народ!

И ромашки с васильками
Встанут вновь во всей красе:
Красны девицы с парнями,
Ленты пёстрые в косе...

И на праздник всей деревней
Млад и стар на луг придёт.
Здесь природа краской древней
Разукрасит хоровод.

В АНАДЫРЕ

Забелела шуга на лимане,
И завыли ночные ветра.
Теплоходы, качаясь в тумане,
Взяли курс на восток.
Им пора!
Им пора! Ибо скоро морозы
Льдом покроют реку и лиман,
И посыплется снег, как угрозы,
Не пробиться сквозь льды кораблям!
Теплоходы гудят на прощанье,
И умолкли лебёдки в порту.
Я кричу им вослед:
До свиданья!
Жду весною вас вновь поутру!
По Анадырю мчится позёмка.
Нас вокруг обложила зима.
Здесь, в холодных чукотских потёмках,
Буду строить я чукчам дома.
А зима и вьюжит, и пугает,
Но мечта юных лет посильней!
Я на Севере. Мама ругает...
Но мне стала Чукотка милей.
На лимане белеет шуга,
Вот уж хохот метели я слышу...
И ложатся, ложатся снега,
Накрывая соседнюю крышу.

Жан МИНДУБАЕВ (р. 1934)

* * *

Какое короткое лето –
Всего лишь двенадцать недель.
Не гаснет в ночи сигарета.
Постылая стынет постель.

Разлуку венчающий август,
Как жизнь, догорает дотла.
Всё было. Всё сплыло. Остались
Лишь горький дымок да зола.

Но всё ж предрассветной порою
Причудится некий намёк
На то, что под серой корою
Последний горит уголёк...

* * *

И всё-таки старость меня отыскала,
Набросила мягко аркан на коня.
Мне в жизни чего-то всегда не хватало –
На шее, видать, не хватало ремня.

Видать, не хватало погони по кругу.
Видать, на хребте не хватало седла,
Видать, не хватало ударов по крупу,
И мало кровавили рот удила.

Вот хитрый табунщик мотает на руку
Верёвку, с судьбою прощаться веля...
Бегу я, бегу по последнему кругу –
И горло вот-вот перехватит петля!

* * *

Умирала собака.
На руках у меня умирала.
Уходила навек,
как уходят от нас старики.
А собака –
она только жить начинала.
Но её повстречали
нешадные волчьи клыки.

Смерть пришла...
Содрогнулось и замерло тело.
Взгляд последний вобрал
всю тоску уходящего дня,
И в просторы Вселенной
собачья душа отлетела,
На земле этой странной
оставив зачем-то меня...

Александр РАДИЩЕВ (1749 – 1802)

ЭПИТАФИЯ

О! если то не ложно,
Что мы по смерти будем жить, –
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питаю
И дни в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня;
Умру и горести забуду,

В объятиях твоих я паки счастлив буду.
Но если ж то мечта, что сердцу льстит, маня,
И ненавистный рок отъял тебя навеки,
Тогда отрады нет, да льются слезны реки.

Тронись, любезная! стенаниями друга,
Се предстоит тебе в объятиях твоих чад;
Не можешь коль прейти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утеши тем супруга...

1783

* * *

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век.
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

1791

МОЛИТВА

Тебя, о боже мой, тебя не признавают, –

Тебя, что твари все повсюду возвещают.

Внемли последний глас: я если прегрешил,

Закон я твой искал, в душе тебя любил;

Не колебаясь на вечность я взираю;

Но ты меня родил, и я не понимаю,

Что бог, кем в дни мои блаженства луч сиял,

Когда прервется жизнь, навек меня терзал.

1792

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ АВГУСТА

Вера ФИЛАТОВА (р. 1954)

СНЕГИРИНАЯ ПЕСНЯ

...Рябины-то, рябины в этом году уродилось видимо-невидимо. Знать, специально матушка Природа позаботилась о друзьях пернатых, к суровой зиме готовилась. Но прогнозы не оправдались, очень крепких морозов-то не было. Но случились дни, и за тридцать с лишним было, вот тогда и пташки, и другие «животинки» подмерзали, по подъездам да чердакам прятались, кто где корм раздобывали. Жалко их, до слёз. Хилые, поджарые, лапчонки трясутся от холода, редко кто пожалеет, всё больше не замечают. А ведь они не просто так меж нами живут, Богом данные: каждой твари по паре, и любить их надо бы как братьев наших меньших и жалеть.

Вот все спрашивают: куда бы ты деньги потратил, если бы много было? Да как куда, разве интересно одному всё иметь, обездоленных-то сколько! Вот к примеру: стариков обогреть, детям брошенным помочь, приют для животных создать и... лошадей развести! Породистых, вольных, не для скачек, не для подневольного пруда, а для души! Когда по заливым лугам да речным просторам скачут, гривы вразлёт, горят – загляденье! И умнейшие ведь животные.

...У деда моего, Владимира Александровича Шишкова, хутор в Заволжье между Сосновкой и Архангельским был, огромный двухэтажный дом с постройками. Вокруг дома сад, парк, пруд, мельница – хозяйство огромное, ну и как в хозяйстве-то без лошадей, были, конечно, и не одна. Дед много путешествовал, дома редко жил, бабушка сама с хозяйством управлялась, да дворовые помогали. Из всех лошадей самый любимый был конь Орлик. Рассказывали про Орлика интересную историю...

Дело было зимой. Однажды дед, приехав домой после работы (а работал он после революции на заводе им. Володарского, инженером-химиком), тяжело заболел. Ехать от завода до дома надо было несколько километров в тарантасе, и дед сильно промёрз. Поднялась температура, начался сильный озноб. Стали собираться за врачом, а жил он в городе, где – знал только дед. Он не раз приезжал к нему на Орлике в тарантасе. Долго думали, кого отправить, и решили: поедет старший сын Владимир. Была глубокая ночь, зима, пурга. Дали ему адрес, благословили, и он поехал. Орлик всю дорогу бежал рысцой, не останавливаясь. И как только Владимир ни пытался остановить его, конь не слушался и бежал всё сильнее. Позёмка заметала дорогу, снег слепил глаза, а Орлик с неистовой скоростью всё мчался и мчался вперёд. Владимир испугался, что перевернётся тарантас, выпрыгнул на ходу и заночевал в ближайшем доме, а утром решил добраться до врача. А Орлик всё мчался с порожним тарантасом и вскоре остановился у дома доктора. Стал неистово ржать, стучать подковами. На шум вышел врач и, увидев тарантас, подумал, что Владимир Александрович Шишков приехал. Но тарантас был пустой, и он заподозрил что-то недоброе. Быстро оделся, взял медицинский чемоданчик и поехал на хутор. Врач успел вовремя, у деда начиналась горячка. Так «безмолвный друг» спас моего деда. Как же можно не любить, не помогать животным!

Да вот хотя бы пичужек взять, птичек малых. Наблюдать за ними – одно удовольствие: то «собрание» соберут и обсуждают друг друга, то дерутся, то дома усердно строят, детишек, птенчиков своих воспитывают, ну как у людей всё, дивно!

А вот однажды видела я такую картину. За шумом городским, людским гамом редко красоту замечаешь. Но вот иду я по улице, начало апреля, солнце лучезарно светит, тепло, повсюду капель с крыш капает, звенит! И вдруг среди звона весеннего слышу: пи, пи, пи-пи-пи, и опять пи, пи, пи-пи-пи. Что такое, поёт кто-то. Подняла голову, а на крыше деревянного дома, в ложбинке, где скопилась водица, сидят в рядок двенадцать снегирей, пьют воду и дружно распевают. Такой красоты я ещё не видела! Солнце освещало их розовато-перламутровые грудки, чёрные «шляпки» на головах отливали бар-

хатом, и каждый весил грамм по триста, ну настоящие пузачи. Как по команде, все по очереди наклоняли свои клювики к воде и произносили своё знаменитое пи. Я стояла зачарованная и боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть их, но они не обращали на меня никакого внимания и продолжали наслаждаться весной...

Мне вдруг захотелось позвать людей, чтобы и они посмотрели на это чудо... Но все бежали мимо, упрямо разглядывая серую, снеговую кашу под ногами.

Евгений ЧИРИКОВ (1864 – 1932)

ЮНОСТЬ (отрывок из романа)

Алгебра прошла благополучно, диплом о зрелости был в кармане, а я не уезжал на родину... Мы решили ехать по Волге вместе, а у Зои оставалась ещё геометрия...

– Можно вам помочь по геометрии, а то скучно болтаться...

– Я геометрии не боюсь...

– Нельзя? Окончательно?

Я смотрел так умоляюще, что Зоя покачала головой и сказала:

– Разве... Я не совсем понимаю объём усечённой пирамиды...

– Ну вот. Отлично! Пройдём и разберёмся.

– А там... и конец... Ещё три дня.

– Так завтра прийти?

– Хорошо.

Два дня я мешал Зое заниматься геометрией. На третий она отказалась от моей помощи.

– С вами хуже...

– Я не буду мешать. Я сяду в уголке и буду слушать и смотреть, как вы занимаетесь.

– Нет.

– Окончательно?

– Да.

– Ну а как же завтра?

– Пойду сдавать, а послезавтра поедем...

– Перепутал... Я думал, мы едем завтра... На «Самолётском»?

– Да. Уходит в семь утра...

– Значит, до парохода не увидимся?

Зоя отрицательно качнула головой и сказала, понизив голос:

– До Симбирска вместе, а там... я слезу, а вы – дальше...

И радость, и горе... вместе... Я крепко пожал

руку девушки и почувствовал её ответное пожатие...

– До свидания!

...Томительно тянется день, какой-то ненужный, лишний день в жизни, день, который не знаешь куда девать. О, с какой радостью я подарил бы его тому, кто дорожит каждым днём жизни! Возьмите его!.. Вот идёт старенький чиновник и ведёт за руку весело лепечущего ребёнка. Очевидно, бабушка и внучек. Возьми, бабушка, мой лишний день! – ведь тебе дорог уже каждый час, отдаляющий тебя от смерти, а мне... я вычёркиваю его из своей жизни: сегодня я не вижу Зои... И завтра тоже не увижу: возьми и завтра! Нет, завтра не отдам: утро мудренее вечера...

А вечер дивный. Горят в окнах призрачные огни заката, и кажется, что это не дома, а замки, в которых пируют рыцари, с красными огнями пылающих факелов... Горит на горе золотой купол собора, словно обломок солнца упал с розового неба... Музыка гремит в далёком саду и тихо струится из раскрытых окон: та – зовёт на пир, а эта – к тихой, нежной грусти... Снова и грусть, и радость: скоро я буду ехать по родной Волге с любимой, с моим белым голубем, но скоро же и улетит он, белый голубь, от меня... Был в саду и облегчил свою душу воспоминаниями, походил по той дорожке и посидел на той лавочке, где встретился и сидел с Зоей. Послушал грустный вальс, который играл про мою тоску и про моё одиночество, и медленно побрёл по улицам, по направлению к дому №15... Только заглянув в калитку и пройду, посмотрю на старые берёзы, под которыми занимался алгеброй, и скроюсь. Никто не увидит и никто не узнает...

Жорес ТРОФИМОВ (р. 1924)

ВОЛКОГОНОВСКИЙ ЛЕНИН (отрывок из книги)

Написать хорошую и честную книгу о Владимире Ильиче не так-то просто, как представляется дилетанту. Вспомним, как М. Шагинян в 1930-х годах корпела в музеях, архивах и библиотеках Астрахани, Пензы, Нижнего Новгорода, Казани, Ульяновска, Москвы и Ленинграда, собирая исторические бисеринки для повествования о детских и юноше-

ских годах Владимира Ульянова. Завершить же задуманное так и не смогла за 40 лет: в романах-хрониках талантливого мастера главный герой ещё не дорос до сдачи вступительных экзаменов в первый класс симбирской классической гимназии.

Я тоже четыре с лишним десятилетия занимался изучением жизни Ульяновых в Поволжье, дет-

ских и школьных лет Владимира Ильича, его учёбы в Казанском университете, участия в запрещённых студенческих землячествах, сходке-демонстрации 4 декабря 1887 года, годичной ссылки в Кокушкине, а также жизни и деятельности в 1889 – 1893 годах в Самаре. Насколько серьёзно относился я к исследовательской работе (проводившейся в свободное от армейской службы время), можно судить по тому, что для того, чтобы представить себе симбирскую действительность 1870 – 1880-х годов, которая стала одним из истоков формирования общественно-политических взглядов Александра и Владимира Ульяновых, я написал и в 1967 году защитил в Казанском госуниверситете кандидатскую диссертацию «Классовая борьба и общественное движение в Симбирской губернии в 70–80-х годах XIX века».

На основаниях тысяч архивных и иных документов я отлично представляю деятельность правительственных, земских, дворянских и духовных учреждений, жизнь всех сословий, грабительский характер освобождения крестьян от крепостного права, все перипетии борьбы бывших холопов против остатков крепостничества, деятельности народников и народолюбцев в Симбирском крае, а также нелегальных кружков в классической гимназии, чувашской школе и многое другое. Само собой разумеется, что в мельчайших подробностях знаю и о том, как протекала в Симбирске просветительская деятельность Ильи Николаевича, что за люди составляли круг его друзей и знакомых, какие события волновали симбирян в годы революционной ситуации 1879 – 1881 годов, как протекала учёба ребят в классической гимназии, а девочек в Мариинской, каковы были бытовые условия жизни Ульяновых, их литературные запросы и тысячи других деталей, без скрупулёзного знания которых честный

человек не возьмётся писать о замечательной семье Ульяновых. Довольно неплохо изучена мною жизнь Ульяновых в Астрахани, Пензе, Нижнем Новгороде, Казани, Самаре и Петербурге.

Говорю об этом не для того, чтобы поднять цену своим книгам о Владимире Ильиче и его родных — о них имеется немало отзывов критиков и читателей в местной и центральной печати. Одно категорически подтверждаю: ни от одной строки в своих книгах не отказываюсь и готов их переиздать без всяких изменений.

63-летний Волкогонов, напротив, отрёкся от всех книг, в которых он до 1988 года славил Ленина, КПСС, Советскую армию и клеймил агрессивную сущность американского империализма, НАТО, ревизионистов всех мастей, диссидентов и т. п., и надумал в пожарном порядке сочинить книгу о Ленине за пару лет. Каждому здравомыслящему человеку ясно, что в столь скоропалительный срок невозможно не только поработать в архивах, музеях и библиотеках тех мест, где протекала жизнь и деятельность величайшего революционера современности и его родных, соратников и противников, но познакомиться даже с основными исследованиями историков и краеведов.

Выход у портретиста был один: на основании биографий Ленина и воспоминаний о нём, печатавшихся за рубежом и поэтому малознакомых советскому читателю, сочинить серию тематических статей и очерков и смонтировать их в определённой последовательности, а интерес к этой поделке обеспечить за счёт новых архивных документов, с помощью которых и сварганить образ главного виновника всех бед, постигших Россию в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Павел САНАЕВ (р. 1969)

ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ ЗА ПЛИНТУСОМ *(отрывок из повести)*

Начиналось всё довольно мирно. Ванна, журча, наполнялась водой, в которой плавал пластиковый термометр. Всё время купания его красный столбик должен был показывать 37,5. Почему так, не знаю точно. Слышал, что при такой температуре лучше всего размножается одна тропическая водоросль, но на водоросль я был похож мало, а размножаться не собирался. В ванную ставились рефлектор, который дедушка должен был выносить по хлопку бабушки, и два стула, которые накрывались полотенцами. Один предназначался бабушке, другой... не будем забегать вперёд.

Итак, ванна наполняется, я предчувствую «всёлю» процедуру.

– Саша, в ванную! — зовёт бабушка.

– Иду! — бодро кричу я, снимая на ходу рейтузы из стопроцентной шерсти, но путаюсь в них и падаю.

– Что, ноги не держат?!

Я пытаюсь встать, но рейтузы цепляются за что-то, и я падаю вновь.

– Будешь надо мной издеваться, проклятая сволочь?!

– Я не издеваюсь!

– Твоя мать мне когда-то сказала: «Я на нём отыграюсь». Так знай, я вас всех имела в виду, я сама отыграюсь на вас всех. Понял?!

Я смутно понимал, что значит «отыграюсь», и почему-то решил, что бабушка утопит меня в ванне. С этой мыслью я побежал к дедушке. Услышав моё предположение, дедушка засмеялся, но я всё-таки попросил его быть настороже. Сделав это, я успокоился и пошёл в ванную, будучи уверенным, что если бабушка станет меня топить, то ворвётся дедушка с топориком для мяса, я почему-то решил, что ворвётся он именно с этим топориком, и бабушкой займётся. Потом он позвонит маме, она придёт и на ней отыграется. Пока в моей голове бродили такие мысли, бабушка давала дедушке последние указания насчёт рефлектора. Его надо было выносить точно по хлопку.

Последние приготовления закончены, дедушка проинструктирован, я лежу в воде, температура которой 37,5, а бабушка сидит рядом и мылит мочалку. Хлопья пены летают вокруг и исчезают в густом паре. В ванной жарко.

– Ну, давай шею.

Я вздрогнул – если будет душить, дедушка, пожалуйста, не услышит. Но нет, просто моет...

Вам, наверное, покажется странным, почему я не мылся сам. Дело в том, что такая сволочь, как я, ничего самостоятельно делать не может. Мать эту сволочь бросила, а сволочь постоянно гниёт, и купание может обострить все её сволочные болезни. Так объясняла бабушка, намыливая мочалкой мою поднятую из воды ногу.

– А почему вода такая горячая?

– На градус выше тела, чтобы не остывать.

– Я думал, водоросль.

– Конечно, водоросль! Тощий, зелёный... Не нога, а плётка. Спрячь под воду, пока не остыла.

Другую давай... Руки теперь. Выше подними, отсохли, что ли? Встань, пипку вымою.

– Осторожно!

– Не бойся, всё равно не понадобится. Развернись, спину потру.

Я развернулся и уткнулся лбом в кафедру.

– Не прислоняйся лбом! Камень холодный, гайморит обострится.

– Жарко очень.

– Так надо.

– Почему никому так не надо, а мне надо? – Этот вопрос я задавал бабушке часто.

– Так никто же не гниёт так, как ты. Ты же смердишь уже. Чувствуешь?

Я не чувствовал.

Вера ЖАКОВА (1914 – 1937)

ШКОЛА СТУПИНА (отрывок из повести)

В 1787 году к арзамасскому иконописцу, дьякону Ефиму Яковлеву отдали мещанского сына Александра Ступина. «Ради юности» мальчик тёр краски, варил масла и рубил дрова. Только подмастерье, послушник Саровского монастыря Федот Авдеев украдкой показывал ему несложные основы иконописи. Дед его, начавший местное художество, окончив образ Всех Скорбящих Радость, повесился. Отец спился. Федота отдали в монастырь, откуда он выпрошелся в любимое ремесло.

Мальчики подружались: Александру – двенадцать, Федоту дошел семнадцатый. После работы бродили по городу. Как и во всех городах Российской империи, в Арзамасе – колокольный звон, грязь, пёстрые базары, дорические колоннады, дворянские особняки, лавки, лабазы, церкви, монастыри, янтарные зори осени, серебряные вёты ранней весны, распутицы, вьюги.

Кожевенные и салотопенные заводы, холст, крашенина, рыба, икра, – на них делали себе состояния именитые арзамасцы – Иконниковы, Бабешины, Подсосовы, Цибашевы – любители церковного пения и хороших икон, чьи жёны на праздниках надевали по сорок ниток жемчуга, чьи приказчики ради хозяйских прибылей разбойничали в окрестных лесах.

Друзья часто бегали в Якимановскую церковь смотреть на древнюю новгородскую икону Рождество Богородицы. Больше всего нравились – гусь, кошка и собака, трущиеся у ног святой Анны, похожей на крестьянку с ребёнком. Образа, вышедшие из мастерской дьякона, казались по сравнению с ней ничтожными. И мальчикам было ясно, что арзамасские купцы и мещане почитают икону «древности» ради, не понимая красоты её, почитают по традиции, как пыльные вербы, ладанки и скверные монастырские образки.

На похоронах купца Цибашева – бабника и плу-

та, – когда запели безысходно тоскливо «приидите к последнему целованию», Федот, не выдержав нелепого противоречия между красотой напева и воспоминанием о непроходимой глупости покойника, фыркнул. Его вытащили из церкви и чуть не проломили голову.

Банду вечно оборванных и вечно голодных иконописных учеников арзамасцы ненавидели. Особенно доставалось Федоту, весёлому, звонкоголосому, любившему играть в бабки и задирать прохожих. Дьякон кричал:

– Святые мученики во юности страдали, а он зубы скалит... Урод!

Иногда Александру, подавленному унылым скрипом обозов, душным звоном колоколов, казалось, что его юность – непростительный и страшный грех. Он мучительно завидовал молодым сидельцам из купеческих лавок, которые говорили басом, двигались степенно, в церкви молились истово. Глядя на них, старухи умиленно шептали:

– Не подумай, что молодой... Далеко пойдёт.

Александр любил и не понимал Федота. Не понимал, почему он часами вглядывается в разноцветные переливы речной зыби; не понимал, почему, отдавая последний кусок хлеба, он просит петь нищих стихи и рассказывать сказки. Как-то весенним вечером они возвращались с прогулки. Голубело небо, одетое ожерельями зеленоватых почек. Напротив чёрный, словно врезанный, поднимался силуэт двухэтажного дома. На чёрной земле лежали красные тени окон. Федот остановился. Вздохнул. Дёрнул Александра:

– Хорошо-то как!.. Посмотри.

Александр, оглядев улицу, фыркнул:

– Хорошего мало.

Послушник огорчённо вздохнул:

– Хоть и зрячий ты, да хуже слепого...

Иван КАЛИНОВСКИЙ (1904 – 1988)

КОРОЛЕВА БОЛЬШОГО ДЕРБИ (отрывок из рассказа)

Я работал тогда два дня в неделю, подновляя главным образом старые, выеденные молью чучела ослов и зебр. В отделе рядом с доисторическим трёхпалым Гиппарионом стоял великолепный косяк современного английского рысака.

Вот этот-то скелет и привлёк любознательный взгляд Джо, зашедшего ко мне в обеденный час.

– Здорово сделано! – сказал он, поглядывая на скаковое сочленение ног и упругую линию спинного хребта лошади. – Знаешь, Майкл, я раньше не обращал внимания на то, как природа сработала эдакое вот замечательное шасси, да ещё из такого второсортного материала!

Пока я мыл руки, Джо развернул газету.

– Двадцать тысяч фунтов стерлингов – большой приз национального дерби! – воскликнул он. – Возьмёт же кто-нибудь этот приз, Майкл, и не будет ждать, пока к нему обратятся с ремонтом велосипеда или примуса. Быть владельцем такого рысака – это ведь всё равно что иметь фабрику денег!

Тут, очевидно, и пришла в голову Джо гениальная мысль, над осуществлением которой мы стали позднее трудиться.

Именно с этого момента Джо стал задумчив и рассеян. Он отвечал невпопад и после завтрака не пошёл к себе в мастерскую, а вернулся со мной в музей. До позднего вечера Джо изучал скелет лошади, делал какие-то измерения и наносил их на бумагу в виде чертежа. При этом он бормотал всякие слова, вроде: «шарнир Гука», «гибкое сочленение», «рычаг» и тому подобное.

Я смотрел на кусок бумаги, который он держал в руке, и спросил, что всё это значит.

– Это, Майкл, кинематическая схема, а для чего она нужна, узнаешь потом! – ответил он тогда.

После этого он довольно долго не появлялся, и я выбрал время зайти к нему. Дверь в мастерскую была закрыта, я постучал, но никто не открыл. Пришлось пробираться со двора через запасной выход.

Джо оказался в мастерской, он сидел ко мне спиной перед занавеской, за которой было, очевидно, что-то скрыто. Я разозлился, что он так долго не открывал дверь, видно, не хотел меня впускать. Но Джо, словно просыпаясь, смотрел на меня каким-то

отсутствующим взглядом. Я спросил, что с ним случилось.

Вместо ответа Джо молча потянул за один конец занавески, и она сползла в сторону: на фоне знакомой мне кирпичной стены стоял такой же точно, как в музее, скелет лошади, но только не костяной, а металлической, и все его части были довольно густо смазаны машинным маслом.

– Каково? – спросил Джо.

Я глядел на эту металлическую штуку, не понимая, зачем Джо вздумал воспроизвести музейный экспонат в другом материале.

Очевидно, Джо прочёл на моём лице недоумение.

– Я вижу, тебе не понравилась моя работа, Майкл. А я хочу пригласить тебя компаньоном в одно дельце.

Тут он начал объяснять мне свою идею, и постепенно у меня с глаз спала пелена.

– Твоя часть – это оперение всей штуки, Майкл. Ты должен проявить всё своё умение и сделать так, чтобы комар носа не подточил. Материал мы будем употреблять первосортный – естественный, но, конечно, надлежащей выделки. Ты должен, Майкл, достать или содрать первосортную шкуру, подобрать превосходные копыта и всё прочее и выделать шкуру так, чтобы под ней играла каждая пластмассовая жилка, – требовал Джо.

Так началось моё участие в этом замечательном предприятии. У владельца конного двора Билла Суджента я достал совершенно свежую гнедую шкуру, добыл и всё остальное: замечательный хвост, смонтированный, как кисть живописца, на великолепном резиновом стержне, гриву, заделанную в ленту из пластмассы, покрытую тончайшей замшей, и, главное, глаза, сохранившие всю прелесть влажных кобылих глаз. Они были изготовлены для музея, и я просто прикарманил их. Венцом всего были копыта – это были лучшие копыта, которые я сам отобрал на складе фабрики костяных изделий. Мне пришлось немало повозиться – у меня была уйма работы по части всего оформления, которое нужно было подогнать, как мундир королевского гвардейца. Но зато получилось всё на славу.

Николай КОНЯЕВ (1949 – 2018)

ДАЛЬНИЙ ПРИХОД (отрывок из рассказа)

Отец Игнатий пожалел, что не устроился в стороне от компании, надо было сесть у дверей, где толкались у кассы пассажиры... Но пересаживаться сейчас? Нет... Перебирая чётки, священник опустил голову, стараясь не смотреть на молодых людей.

Он снова представил, как приедет наконец на приход, где зима как зима, и река настоящая, и лес, а главное – видимый отовсюду парит над округой храм, собирая и наполняя смыслом и красотой окрестность...

– А я подойду! – перебил его мысли голос. – Сам

у попа спрошу!

Отец Игнатий поднял голову и увидел, как, оттолкнув черноволосого, более трезвого на вид приятеля, встал со скамейки напротив Мишуха.

– Батюшка... – обдавая священника тяжёлым запахом перегара, сказал он. – Я с тобой потолковать хочу...

– В храм приезжай... – ответил отец Игнатий. – В порядок себя приведи и приезжай. Там и поговоришь.

– Нет... Я сейчас хочу.

– Кончай барахлить, Мишуха! – сказал черноволосый парень. – Чего к попу лезешь?! Тут же народ!

– Отвали, моя черешня! – По искривлённому Мишухиному лицу блуждала пьяная ухмылка, и всё никак не приклеивалась к кривящимся губам. – Мы сейчас вась-вась с батюшкой потолкуем... Чего ты смотришь так на меня? Может, я исповедаться желаю...

– Рассказывай... – смиренно вздохнул отец Игнатий. – Чего у тебя?

– Ага... – сказал Мишуха. – Я скажу, а ты меня в ментовку потянешь... Что? Не так?

– Ну, тогда и не говори, если боишься...

– Я боюсь? Я ничего не боюсь, понял? Просто мне узнать надо... Если Бог есть, то грех это – иконы в церкви украсть?

– Бог-то есть... А ты сам кто, крещёный?

– Крещёный, конечно... – даже обиделся Мишуха. – Чего я, нерусский, что ли? Бабка меня крестила...

– Ну, а раз крещёный, да ещё русский, то знай, Михаил, что больше этого греха и не бывает, наверное.

– Не бывает?

– Не бывает...

Захрипел динамик. Объявили посадку. Пассажиры, что толпились у двери, затолкались у выхода. Приятели Мишухи тоже встали.

Отец Игнатий остался сидеть – это был не его рейс.

– Мишуха! – сказал черноволосый парень. – Кончай козлить. Пошли, на улице покурим.

– Нет! – покачал головой Мишуха. – Вы идите, а я потолкую ещё маленько. Дак что же это у тебя, батюшка, получается? – глумливо усмехаясь, спросил он. – Значит, на заводе, к примеру, украсть можно, у соседа тоже, а у вас, у попов, нельзя? Ин-нтересная, скажу я тебе, альтернатива получается.

– Красть вообще грех... – проговорил отец Игнатий, машинально перебирая чётки. – Но в церкви ты не у попа крадёшь, не у прихожан, а у тех святых, в чьё имя храм поставлен. Ведь всё, что есть в храме, им принадлежит... Вот и думай теперь, почему у святых красть самым страшным грехом считается... А ты много украл-то икон?

– Да четыре доски взяли всего... Мы... – Мишуха не договорил. Глумливая улыбка сползла с его губ. Лицо побледнело.

Отец Игнатий оглянулся – в зал ожидания вошли двое милиционеров. Они остановились возле печки, внимательно оглядывая опустевший зал.

– И где же вы кражу совершили? – строго спросил отец Игнатий.

– Какую кражу?

– Испугался, значит?

– Я?! – Мишуха с вызовом взглянул на отца Игнатия. – Вот ещё! Ну и что? Если я скажу, что у вас, в Петровском, иконы украл, сразу и сдашь ментам? Всё равно ведь ничего не докажешь!

Отец Игнатий опустил голову. Пальцы, перебиравшие чётки, замерли.

– Не буду я тебя никуда сдавать, – с печалью сказал он. – От той милиции, перед которой тебе предстоит отвечать, ещё никому не удавалось скрыться.

Андрей ПЛАТОНОВ (1899 – 1951)

КОТЛОВАН (отрывок из повести)

В день тридцатилетия личной жизни Вощеву дали расчёт с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабости в нём и задумчивости среди общего темпа труда.

Вощев взял на квартире вещи в мешок и вышел наружу, чтобы на воздухе лучше понять своё будущее. Но воздух был пуст, неподвижные деревья бережно держали жару в листьях, и скучно лежала пыль на безлюдной дороге – в природе было такое положение. Вощев не знал, куда его влечёт, и облокотился в конце города на низкую ограду одной усадьбы, в которой приучали бессемейных детей к труду и пользе. Дальше город прекращался – там была лишь пивная для отходников и низкооплачиваемых категорий, стоявшая, как учреждение, без всякого двора, а за пивной возвышался глиняный бугор, и старое дерево росло на нём одно среди светлой погоды. Вощев добрёл до пивной и вошёл туда на искренние человеческие голоса. Здесь были невыдержанные люди, предававшие забвению своего несчастья, и Вощеву стало глуше и легче среди них. Он присутствовал в пивной до вечера, пока не зашумел ветер меняющейся погоды; тогда Вощев подошёл к открытому окну, чтобы заметить начало ночи, и

увидел дерево на глинистом бугре – оно качалось от непогоды, и с тайным стыдом заворачивались его листья. Где-то, наверно в саду совторгслужащих, томился духовой оркестр; однообразная, несбывающаяся музыка уносилась ветром в природу через приовражную пустошь, потому что ему редко полагалась радость, но ничего не мог совершить равнозначного музыке и проводил своё вечернее время неподвижно. После ветра опять настала тишина, и её покрыл ещё более тихий мрак. Вощев сел у окна, чтобы наблюдать нежную тьму ночи, слушать разные грустные звуки и мучиться сердцем, окружённым жёсткими каменистыми костями.

– Эй, пищевой! – раздалось в уже смолкшем заведении. – Дай нам пару кружечек – в полость налить!

Вощев давно обнаружил, что люди в пивную всегда приходили парами, как женихи и невесты, а иногда целыми дружными свадьбами. Пищевой служащий на этот раз пива не подал, и двое пришедших кровельщиков вытерли фартуками жаждущие рты.

– Тебе, бюрократ, рабочий человек одним пальцем должен приказывать, а ты гордишься!

Но пищевой берёт свои силы от служебного износа для личной жизни и не вступал в разногласия.

– Учреждение, граждане, закрыто. Займитесь

чем-нибудь на своей квартире.

Кровельщики взяли с блюдечка в рот по солёной сушке и вышли прочь. Вощев остался один в пивной.

– Гражданин! Вы требовали только одну кружку, а сидите здесь бессрочно! Вы платили за напиток, а не за помещение!

Вощев захватил свой мешок и отправился в ночь. Вопрошающее небо светило над Вощевым мучительной силой звёзд, но в городе уже были потушены огни, и кто имел возможность, тот спал, наевшись ужином. Вощев спустился по крошкам земли в овраг и лёг там животом вниз, чтобы уснуть

Рахель ЛИХТ (р. 1969)

СПАСАТЕЛИ (рассказ)

В тот день мы с Санькой сидели на скамейке около дома. Полуденное солнце добралось и до нашей скамьи, и мы, лениво просеивая мягкую тёплую пыль между пальцами ног, умирали от скуки. Поэтому мы так обрадовались неожиданному заданию тёти Вали. Она велела нам отловить грязного ничейного кота, который частенько воровал её цыплят, и отнести его подальше от нашего дома.

Утром кот был пойман с поличным и поэтому сейчас сытый отдыхал в тени нашей скамейки. Но то ли он понял, что грозные слова тёти Вали не сулят ему спокойной и сытной жизни, то ли наш неожиданный энтузиазм настрожил его, но первая попытка поймать кота окончилась нашим поражением. Когда же загнанный в непроходимые кусты кот оказался в сетях Санькиной рубахи, мы почувствовали себя укротителями диких зверей.

Кровоточащие царапины, полученные Санькой в сражении с диким животным, приговорили кота к страшной участи. Раненый Санька вспомнил о заброшенных каменных колодцах непонятного происхождения вдали от нашего дома, на горе со странным названием – Немецкая. Для нас, шестилеток, колодцы казались очень глубокими. Но, чтобы быть уверенным, что коту ни за что не покинуть своей тюремной камеры, Санька критически осмотрел все каменные колодцы. Он категорически отверг мой выбор, посчитав предложенный мною колодец слишком мелким для злого хищника. В другом колодце ему показалась подозрительной свалка мусора в углу, с которой, по Санькиному разумению, кот мог легко выбраться на свободу. Наконец мы нашли пустой колодец, метра в два глубиной. Санька осторожно распустил концы своей рубахи, и отчаянно царапающийся кот благополучно приземлился на все свои четыре.

– Тебе что! – заныл Санёк, осматривая то, что осталось от искусанной котом рубашки. – А меня отец за рубашку выпорет. И вот смотри, – он лизнул языком струйку крови на изгибе локтя.

– А у меня, думаешь, меньше? – И я продемонстрировала свои боевые царапины. – И меня отец выпорет!

– Да твой разве порет? – недоверчиво протянул Санька. – Небось, и не знаешь, что это такое.

и расстаться с собою. Но для сна нужен был покой ума, доверчивость его к жизни, прощение прожитого горя, а Вощев лежал в сухом напряжении сознательности и не знал — полез ли он в мире или всё без него благополучно обойдётся? Из неизвестного места подул ветер, чтобы люди не задохнулись, и слабым голосом сомнения дала знать о своей службе пригородная собака.

– Скучно собаке, она живёт благодаря одному рождению, как и я.

Тело Вощева побледнело от усталости, он почувствовал холод на веках и закрыл ими тёплые глаза.

– А вот и порет! – не сдавалась я, с трудом представляя смысл этого слова, но не желая за просто так отдавать пальму первенства Саньке.

Счёт потерь происходил на краю колодца под аккомпанемент мяукающего внизу разбойника.

– Ори-ори, – приговаривал Санька, зализывая раны, – будешь, поганец, знать, как кусаться.

Кот носился по небольшому пространству и, мяуча, изредка задира лез вверх свою наглую морду, чтобы убедиться в тщетности любых попыток выбраться наружу.

– А сколько коты могут без еды жить? – спросила я.

Санька не реагировал.

– Ты сколько сможешь прожить без еды? – снова спросила я.

– Я много могу. Меня однажды на весь день в углу оставили. Сами ели, а я стоял!..

Кот прекратил свой бег по периметру, сел посередине, и из недр каменного мешка понеслись ввысь его душераздирающие вопли.

– Ему отсюда уже никогда не выбраться... Вон стены какие гладкие, без зацепочки, – между тем заметил Санька. И добавил:

– Нам его уже не спасти, глубокий колодец выбрали!..

– Санька! Давай его спасём! – я вскочила на ноги. – Ну что тебе стоит, Санька!

И Санька спрыгнул в глубину колодца.

Кот шархнулся в сторону, и Саньке вновь пришлось немало помучиться, прежде чем он дался в руки спасателя. Наполовину свесившись вглубь колодца, я с трудом дотянулась до протянутого Санькой животного. Полоснув на прощанье мне щеку, кот скрылся в кустах.

– Ура! – Мы танцевали танец диких индейцев. Я – наверху, а Санька на дне колодца. Мы были вполне счастливы.

Первой опомнилась я.

– Санька, а как же ты теперь оттуда выберешься?

Санькин растерянный взгляд был достаточно красноречив. Да и я понимала, что Санька – не кот, его мне на поверхность не вытащить... Если бы хоть какая-нибудь зацепочка, хоть какая-нибудь кучка

мусора. Если бы наши руки чуток подлиннее.

Не помогли Саньке и ветки, которые я сбрасывала в колодец. Не помог и Санькин ремень.

– Ты только не бросай меня, – жалобно попросил Санька снизу.

– Что ты! Я тебе еду буду приносить, – по своему поняла его я.

Александр ВВЕДЕНСКИЙ (1889 – 1946)

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО (отрывок из очерка)

После окончания собора церковь вступает в период мёртвого штиля. По внешности всё благополучно. Государство не теснит церковь. Придерживаясь принципа невмешательства во внутреннюю, чисто религиозную жизнь церкви, государство предоставляет церкви полноту раскрытия чисто религиозных возможностей. Но церковь не только не учла, но и не захотела учесть этого. Тихону и собору было благоугодно стать на точку зрения гонимой церкви.

Церковь сжалась. Когда активное сопротивление церкви государству было могучим государственным аппаратом сломано, тогда церковь накапливает свои силы в тихой, незаметной, казалось, работе внутри церкви. В церковной жизни увеличивается религиозность. Массы новообращённых заливают дворы Господни. И отчасти здесь вспыхивает подлинное религиозное состояние духа. Появляется забота о нравственности, возрождении души, чему крайне способствует благодать таинств. Но, наряду с этим глубоким и серьёзным процессом, мы видим именно в этот период торжество в церкви тех сил реакции, которые влились в церковь «не ради Иисуса», а ради «скверных прибитков», ради сохранения сил страны для реставрации прежней государственности в том или другом виде.

Церковники очень умело начинают использовать консервативную настроенность религиозного человека вообще. Ложно понятое христианство в виде священных собраний никому ненужных церковных окаменелостей весьма способствовало такому намерению политиканствующих церковников. Что в период 1919 – 1921 гг. церковь была политическая контрреволюционная партия, этого утверждать нельзя. Но что церковь именно в этот период была концентрационным контрреволюционным лагерем, церковно-контрреволюционным клубом, куда стекались все ущемлённые советским режимом больные и обломленные души — это, тоже, конечно, факт.

Штурм Советской власти с высоты колоколен не удался. Все анафемы не помогли. Враг оказался много сильнее, чем предполагалось. Надо переменить тактику. Вместо прямого наступления — антисоветская агитация; сеяние недовольства путём проповеди, через устные наставления при требах, при епархиальных объездах архиереями.

Не знаю, сколько бы пришлось Саньке сидеть в колодце, если бы наши крики не услышал случайный прохожий.

Не помню, пороли ли Саньку, но мне здорово досталось в тот день: йодом по живым царапинам — это что-то зверское, скажу я вам...

Каждая почти праздничная приходская, скажем себе, трапеза была контрреволюционным сходом церковных сил. Невинно? Нет, церковь продолжала совершенно определённо вести ту линию, которую она вела на соборе. «Большевики сломят себе голову о церковь» — вот сердечное убеждение церковных людей. Широкая церковная масса жадно впивает всю ту провокаторскую работу, которую в это время проделывают как ответственные вожди церкви, так и рядовое духовенство. Говорю «провокааторскую» — ибо духовенство, посвятив себя Христу Спасителю, конечно, провоцирует своё дело, если вместо утверждения на земле Правды Христовой занимается подготовкой (хотя бы психологической) свержения неугодного государственного строя. Интеллигенция в этот период наносит особенный вред церкви.

Именно она, лживо ко Христу подошедшая, является виновницей всех тех многочисленных бед, которые обрушились на церковь в 1922 году. Эта новая церковная интеллигенция (есть, конечно, превосходные исключения) занимается организацией церковных сил, понуждает робких и нерешительных батюшек братья, может быть, и за привычное, но, несомненно, несвойственное им политиканство, подготавливает народ к открытому выступлению против Советской власти при первом удобном случае. Интеллигенция и кулачество проникают в церковно-приходские советы, которые являются в этот период опорными пунктами для проведения тихоновской политики. Здесь, именно здесь, согласно тихоновскому замыслу, концентрируются все наиболее активные консервативные силы. По внешности, повторяю, в этот период всё более чем благополучно, никаких сколько-нибудь определённых лозунгов, призывов, понуждений, — ничего этого не делалось в это время. Церковь как будто с головой ушла именно в свою прямую чисто религиозную работу. У многих действительно религиозных людей даже могла создаться (и создавалась, сужу по себе) иллюзия, что церковь поняла своё назначение, что властная жизнь заставила церковь идти действительно церковным путём. Это были прекрасные иллюзии, грубо оборванные трагической историей с церковными ценностями.

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марьянин, поэт и краевед*